

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ – ЭКОНОМИКЕ

Сборник работ молодежной научной школы

ВЫПУСК 16

Вологда, 2016

ББК 65.9 (2Рос-4Вол)
М75

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

М75 Молодые ученые – экономике [Текст] : сб. работ молодежной научной школы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – Вып. 16. – 266 с.

ISBN 978-5-93299-344-6

Редакционная коллегия:
д.э.н., доцент **А.А. Шабунова**,
д.э.н., доцент **Т.В. Ускова**, к.э.н. **Л.В. Бабич**

В Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН благодаря целевой программе Президиума РАН «Поддержка молодых ученых» с 2003 года сформировалась научная школа «Проблемы комплексного исследования региональных экономических и социальных процессов».

В очередном ежегодном сборнике трудов молодежной научной школы публикуются материалы проведенных НОЦ в 2015 году конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых и научно-практической конференции «Молодые ученые – экономике региона».

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

Тексты работ публикуются в авторской редакции.

ББК 65.9 (2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-93299-344-6

© ИСЭРТ РАН, 2016



Предисловие

В современной социально-экономической ситуации важным становится решение вопроса о необходимости создания условий обеспечения субъектов Российской Федерации высококвалифицированными кадрами, которое предполагает в том числе развитие человеческих ресурсов, эффективное применение ими знаний, умений и навыков для получения более высоких результатов в социально-экономической сфере. Важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни.

Для создания базы высококвалифицированных кадров в области социально-экономического развития и управления в территориальных системах в г. Вологде в 2003 году создан Научно-образовательный центр экономики и информационных технологий Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (НОЦ). Он представляет собой реализацию идеи интеграции научного знания и образования, которая осуществляется через организацию целевой подготовки научных кадров в сфере экономики, управления и информационных технологий.

В НОЦ созданы условия для выявления и развития способностей молодых ученых, включения их в научно-исследовательскую деятельность в процессе формирования молодежной научной школы по исследованию социально-экономических процессов в регионе. Обучающиеся Центра принимают активное участие в работе конференций, семинаров, ежегодно становятся победителями олимпиад и конкурсов различного уровня.

В 2015 году в НОЦ прошли конкурс научно-исследовательских работ и XV научно-практическая конференция «Молодые ученые – экономике региона», приуроченные к 25-летию ИСЭРТ РАН. В них приняли участие аспиранты и научные сотрудники ИСЭРТ РАН, Института экономики и Архангельского научного центра УрО РАН, студенты и преподаватели Вологодского государственного университета, Вологодского филиала Академии МУБиНТ, Тверского государственного университета (г. Тверь), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), курсанты Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). Тематика докладов была посвящена проблемам инновационной экономики, развитию территориального промышленного комплекса, малому и среднему бизнесу, региональной экономике и управлению, туризму, бюджетной обеспеченности региона, торгово-экономической интеграции территорий, муниципальному управлению, социальной экономике, эффективности системы здравоохранения, социальному здоровью, неравенству доходов населения и т. д. Работы победителей и лауреатов конкурса НИР, а также доклады участников конференции публикуются в этом издании.

Надеемся, что наш опыт будет интересен и полезен читателям в профессиональном и личностном развитии.

*Т.В. Ускова,
заместитель директора
ИСЭРТ РАН по научной работе,
доктор экономических наук*

Раздел I
Конкурсные работы
молодых ученых
в области экономики

АНАЛИЗ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ КАК ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДИКАТОРА СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ²

Проблема качества здоровья населения, его сохранения и укрепления – ключевые вопросы, находящиеся в центре внимания учёных, политиков, общественных деятелей во всём мире. По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в медико-санитарной статистике под здоровьем на индивидуальном уровне понимается отсутствие выявленных расстройств и заболеваний, а на популяционном – процесс снижения уровня смертности, заболеваемости и инвалидности. Для характеристики здоровья населения, проживающего на какой-либо территории, либо сформированной по другим признакам большой группы населения, а также для решения социальных, экономических, политических проблем, при которых необходимо учитывать качество здоровья всей совокупности популяции, используется понятие общественного или популяционного здоровья. Общественное здоровье населения служит важнейшей характеристикой человеческого и трудового потенциала, человеческого капитала [18, с. 6], оно представляет собой главный ресурс для социального и экономического развития как общества в целом, так и его отдельных индивидов.

Анализ состояния общественного здоровья включает в себя изучение статистических показателей, а именно демографических тенденций, в частности трендов смертности и рождаемости, и собственно параметров здоровья населения: продолжительности жизни, заболеваемости и инвалидности. Основным глобальным индикатором, характеризующим состояние здоровья населения и качество его жизни, отражающим успешность действий в области охраны и укрепления здоровья



А.В. Короленко

¹ Короленко Александра Владимировна – аспирант, младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

² Работе присуждена первая премия.

населения, традиционно считается ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ; Life Expectancy at Birth). Показатель ОПЖ демонстрирует, сколько лет может прожить новорожденный при сложившемся уровне возрастной смертности в конкретном году, для которого выполнен расчёт [13, с. 127]. Таким образом, он служит наиболее адекватной обобщающей характеристикой современного уровня смертности во всех возрастных группах населения.

Известно, что в настоящее время ОПЖ населения страны (70,8 года) сопоставима с аналогичным показателем развивающихся государств Восточной Европы и Центральной Азии³ и заметно ниже показателя экономически развитых государств мира (на 10 лет и более). Ещё значительнее это отставание выражено среди мужского населения: российские мужчины живут в среднем на 13-15 лет меньше, чем мужчины развитых стран. Такая ситуация наносит непосредственный удар по экономике, рынку труда, эффективности производства, благосостоянию государства и его отдельных граждан. Именно поэтому изучение тенденций в динамике данного показателя и его компонентов, анализ вклада отдельных детерминант в величину продолжительности жизни представляется крайне важным для построения грамотной государственной политики в сфере сохранения и укрепления здоровья граждан.

Целью данного исследования стал анализ основных тенденций в динамике ожидаемой продолжительности жизни населения как интегрального показателя общественного здоровья и вклада отдельных классов причин смерти в её величину.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть основные этапы развития методологических подходов к расчёту ожидаемой продолжительности жизни.
2. Проанализировать тенденции в динамике ОПЖ населения России в сопоставлении с развитыми странами мира на основе данных международной статистики.
3. Провести оценку уровня ОПЖ в разрезе макрорегионов России на основании официальных статистических данных.
4. Рассмотреть вклад отдельных причин смерти в величину ОПЖ (на примере России и Вологодской области).

³ Для сравнения: по данным на 2013 г. в Молдавии и Украине ОПЖ составила 70 лет, в Белоруссии – 72 года, в Болгарии и Румынии – 74 года, в Узбекистане – 68 лет, в Казахстане – 69 лет, в Киргизии – 70 лет.

Объект исследования: ожидаемая продолжительность жизни населения.

Предмет исследования: тенденции в динамике ожидаемой продолжительности жизни населения России и стран мира, вклад крупных классов причин смертности в величину ОПЖ.

Информационная база исследования: литературные источники по теме исследования; статистические материалы Федеральной службы государственной статистики, территориального органа ФСГС по Вологодской области, Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization), Всемирного банка (World Bank) и Информационного бюро по проблемам народонаселения (Population Reference Bureau).

Ожидаемая продолжительность жизни: история развития подходов к изучению, современная методика расчёта

Расчёт ОПЖ производится по специальным математическим таблицам дожития или так называемым таблицам смертности и ожидаемой продолжительности жизни, которые являются эмпирической моделью типа и параметров смертности населения, существующих на определенную календарную дату. Они показывают, как вымирало бы некоторое гипотетическое поколение одновременно родившихся при условии сохранения на протяжении всей жизни этого поколения по-возрастных показателей смертности на том же уровне, который имел место на дату составления таблицы. Таким образом, таблицы ожидаемой продолжительности жизни представляют собой математическую модель процесса естественного убывания поколения сверстников с возрастом [1, с. 23].

Различают два основных вида таблиц смертности: для реальных поколений (поколений ровесников или людей, родившихся в одном году) и для условных (гипотетических) поколений (современников или людей, живущих в одном календарном году). Частным случаем таблиц смертности первого вида могут быть таблицы, рассчитанные для любой совокупности людей, одновременно прошедших через демографическое событие (например, вступление в брак) или событие иного рода (социальное, политическое и т.д., например, переживших войну). На практике чаще всего пользуются таблицами смертности для гипотетических поколений [6].

Кроме того, в зависимости от исходной информации (коэффициентов возрастной смертности) выделяют два варианта таблиц смертности: полные и краткие. Полными считаются таблицы, рассчитанные на основании однолетних коэффициентов. В этом случае шаг таблицы равен одному году. Как правило, они охватывают возрастной период от 0 до 100 лет. Краткими являются таблицы, шаг которых равен 5 годам. Рекомендации ООН предусматривают необходимость расчета кратких таблиц смертности до возрастной группы «85 лет и старше»; в практике ВОЗ используется шкала, ограничивающая таблицы смертности возрастом «75 лет и старше» [6].

Исторически первым (вторая половина XVII в.) был так называемый метод смертных списков, который основывался лишь на данных о возрастном распределении умерших. Первые таблицы смертности, в основе которых лежал этот метод, были построены в 1662 г. английским учёным-статистом Дж. Граунтом, использовавшим данные об умерших по г. Лондону. Аналогичные расчёты проводились в трудах Э. Галлея (1693 г.), И. Зюсмилха (1741 г.) и др. Развитие метода для растущего населения, числа родившихся в котором увеличиваются в геометрической прогрессии, принадлежит Л. Эйлеру (сер. XVIII в.). Дальнейшее его совершенствование было предпринято В.Я. Буняковским, который рассчитал таблицу смертности православного населения России по данным об умерших, сгруппированных по возрасту и годам рождения и численности родившихся по годам рождения (сер. XIX в.) [5, с. 297 – 298].

С началом регулярного проведения переписей появилась возможность для построения таблиц смертности демографическим методом. Он основан на использовании данных о числе умерших и численности населения по полу и возрасту по данным переписи и текущего учета. Впервые был применен в Швеции П. Варгентином (1757 г.), а впоследствии – бельгийским демографом А. Кетле (1835 г.) и английским демографом У. Фарра (1842 г.) для населения Англии, Уэльса и Бельгии. Развитие демографического метода было связано с уточнением алгоритма для определения средней численности населения. Первыми достоверными таблицами смертности для России считаются рассчитанные С.А. Новосельским и В.В. Паевским по данным переписи населения 1926 г. Они содержали оценку уровней смертности и продолжительности жизни населения Европейской части СССР,

России и Белоруссии. Ими же была осуществлена корректировка многих таблиц, составленных в XIX веке.

Таблицы смертности для всего населения СССР были построены гораздо позднее, только на основании данных переписи 1939 г., а отдельно для союзных республик – лишь после переписи 1959 г. Однако опубликованы они были только для России, Украины и Белоруссии, остальные не публиковались в связи со значительными сомнениями относительно достоверности данных о смертности и зафиксированной численности населения в республиках Средней Азии и Закавказья. В последующие годы расчеты таблиц дожития как в целом по СССР, так и в республиканском разрезе были продолжены, однако сами таблицы по союзным республикам, не исключая и итоговый показатель – продолжительность жизни – не публиковались. Таблицы смертности населения России были опубликованы лишь в 1988 г. после длительного (57-летнего) перерыва [6].

Суть методики состоит в последовательном измерении 8-ми показателей для каждой возрастной категории:

1. Показатель смертности (m_x). Повозрастной коэффициент смертности, отражающий, сколько умерших приходится на каждого человека популяции в возрасте x :

$$m_x = D_x \div P_x, \quad (1)$$

где D_x – число умерших в возрасте x за изучаемый год;

P_x – среднегодовая численность популяции в возрасте x .

2. Вероятность умереть от возраста x до следующего возрастного интервала (q_x). Расчет производится по формуле Паевского:

$$q_x = 1 - e^{-(r m x)}, \quad (2)$$

где e – основание натурального логарифма ($e = 2,718282$);

r – ширина возрастного интервала (лет).

Для последнего возрастного интервала $q_x = 1$ из соображения, что все поколение должно вымереть.

3. Вероятность дожить от возраста x до следующего возрастного интервала (p_x):

$$p_x = 1 - q_x, \quad (3)$$

Для последнего возрастного интервала $p_x = 0$.

4. Порядок вымирания гипотетического поколения новорожденных (l_x). Показывает, сколько лиц из первоначальной совокупности

($l_0 = 100000$ новорожденных) доживет до возраста x при условии сохранения повозрастной структуры смертности m_x на протяжении всей жизни.

$$l_{x+r} = l_x \times p_x, \quad (4)$$

5. Число умерших гипотетического поколения от возраста x до следующего возрастного интервала (d_x).

$$d_x = q_x \times l_x = l_x - l_{x+r}, \quad (5)$$

Для последнего возрастного интервала $d_x = l_x$ из предположения, что все поколение должно вымереть.

6. Число человеко-лет, прожитых гипотетическим поколением от возраста x до следующего возрастного интервала (L_x).

$$L_x = (l_x + l_{x+r}) \times r \div 2, \quad (6)$$

Для последней возрастной группы применяется формула

$$L_x = k \times l_x, \quad (7)$$

где k – коэффициент, представляющий собой эмпирически рассчитанную среднюю продолжительность жизни для крайних возрастных групп.

7. Число человеко-лет, прожитых гипотетическим поколением от возраста x до смерти (T_x). Представляет собой сумму L_x от возраста x и старше:

$$T_x = \sum_x^{\omega} L_x, \quad (8)$$

где Σ – знак суммы; ω – предельный возраст.

8. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x (e_x).

$$e_x = T_x \div l_x, \quad (9)$$

Однако стоит отметить, что помимо показателя ОПЖ, который давно известен научному миру и служит обобщающей характеристикой потерь от смертности того или иного населения, существуют и другие более современные интегральные показатели здоровья. Например, ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ, Healthy Life Expectancy) или ожидаемая продолжительность жизни без ограничений в дееспособности (Disability Free Life Expectancy), представляющая собой совокупные потери вследствие плохого состояния здоровья, а именно число лет, которые предстоит прожить

человеку без ограничений жизнедеятельности из-за болезней или инвалидности. Идея его использования была предложена в 1964 г. Б. Сандерсом, а сама методология расчёта и название в 1971 г. Д. Салливаном. Расчёт ОПЗЖ производится по таблицам оценки здоровья населения на основании как объективных (статистических) данных, так и с использованием субъективных оценок (результаты социологических опросов). При вычислении ОПЗЖ специфицированные по полу и возрасту данные о здоровье населения (половозрастные доли здоровых, не имеющих ограничений по состоянию здоровья, и нездоровых людей: лица, имеющие незначительные функциональные отклонения; лица, имеющие хронические компенсаторные заболевания; лица, имеющие суб- и декомпенсаторные заболевания) накладываются на показатели обычных таблиц смертности, которые таким образом дополняются и превращаются в таблицы дожития в здоровом состоянии в соответствии с определёнными заранее критериями здоровья.

Несмотря на широкое использование показателя ОПЗЖ, существенным недостатком его является то, что имеющаяся информация для расчётов в большинстве случаев небезупречна. Главная проблема здесь – поиск обоснованных критериев здоровья и нездоровья, способов оценки того и другого, доступных и надёжных источников информации [14, с. 500].

Тенденции в динамике смертности и продолжительности жизни населения России и стран мира

Международная ситуация. Анализируя динамику ОПЖ населения, стоит отметить, что с 1960 по 2013 гг. её показатель в мире вырос на 18 лет, в странах Евросоюза – на 11 лет, достигнув 71 и 80 лет соответственно. Причём наиболее значительный рост продолжительности жизни наблюдался до начала 2000-х гг., после чего его темпы несколько снизились (рис. 1).

За период 1960-2013 гг. ОПЖ населения в России выросла не столь значительно – на 5 лет. В отличие от большинства развитых стран мира, где на протяжении последних десятилетий ожидаемая продолжительность жизни устойчиво и довольно быстро повышалась, в нашей стране её уровень заметно варьировался: снижение приходилось в основном на периоды серьёзных финансовых и социально-экономических потрясений.

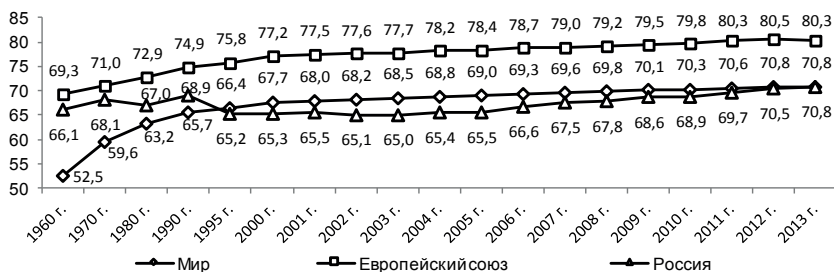


Рис. 1. Динамика ОПЖ при рождении в мире, странах ЕС и России в 1960-2013 гг. (лет)

Источники: Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>; The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Так, наблюдаемые колебания состоят из роста в 1985 – 1987 гг. (антиалкогольная кампания Горбачёва), медленного снижения в 1986 – 1991 гг. (ослабление антиалкогольной кампании), резкого падения в 1991 – 1994 гг. (распад СССР, начало «шоковой терапии» в экономике), роста в 1995 – 1998 гг. (период адаптации), снижения в 1999 – 2003 гг. (последствия финансово-экономического кризиса августа 1998 г.) и последнего периода роста начиная с 2004 г. [19]. К 2013 г. ОПЖ населения России составила 70,8 года, что сравнимо со среднемировым показателем и ниже аналогичного в развитых странах почти на 10 лет.

Говоря о гендерных различиях в уровне ОПЖ, следует подчеркнуть, что превышение её величины у женщин по сравнению с мужчинами всегда было характерно как для России, так и для развитых стран мира. Однако расхождение в данном показателе у мужчин и женщин в среднем за рассматриваемый временной промежуток в нашей стране составляло 12 лет, тогда как в мире и странах Евросоюза оно держалось на отметке 4 – 6 лет (рис. 2). Наибольший гендерный разрыв в уровне продолжительности жизни россиян пришёлся на 1995 г. (14,3 лет). В настоящее время он составляет 12 лет.

Кроме того, темпы прироста продолжительности жизни, особенно среди мужского населения, в России также значительно ниже. Так, за последние 50 лет в нашей стране ОПЖ женщин увеличилась на 6 лет, мужчин – лишь на 3 года, тогда как в развитых государствах она выросла более чем на 10 лет у представителей обоих полов (табл. 1).



Рис. 2. Гендерный разрыв в ОПЖ в мире, странах ЕС и России в 1960-2013 гг.* (лет)

*Рассчитано авторами на основе данных Всемирного Банка и Европейского бюро по проблемам народонаселения.

Источники: Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>; The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения в ведущих развитых странах мира в 1960 и 2013 гг. (лет)

Страны	1960 г.			2013 г.			Изменение 2013 к 1960 г., лет		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Мир	50,6	54,4	52,5	68,9	73,1	71,0	+18,3	+18,7	+18,5
Россия	62,1	70,2	66,1	65,1	76,3	70,8	+3,0	+6,1	+4,7
Развитые страны мира									
Страны ЕС	66,7	72,0	69,3	77,7	83,2	80,4	+11,0	+11,2	+11,1
США	66,6	73,1	69,8	76,5	81,3	78,8	+9,9	+8,2	+9,0
Великобритания	68,2	74,2	71,1	79,2	82,8	81,0	+11,0	+8,6	+9,9
Швеция	71,2	74,9	73,0	79,9	83,6	81,7	+8,7	+8,7	+8,7
Канада	68,3	74,2	71,1	79,3	83,6	81,4	+11,0	+9,4	+10,3
Дания	70,4	74,0	72,2	78,4	82,3	80,3	+8,0	+8,3	+8,1
Норвегия	71,3	75,9	73,5	79,5	83,5	81,5	+8,2	+7,6	+8,0
Франция	66,6	73,3	69,9	78,7	85,4	82,0	+12,1	+12,1	+12,1
Италия	66,7	71,7	69,1	79,9	84,8	82,3	+13,2	+13,1	+13,2
Германия	66,8	72,0	69,3	78,8	83,4	81,0	+12,0	+11,4	+11,7
Япония	65,3	70,1	67,7	80,2	86,6	83,3	+14,9	+16,5	+15,6

Источник: The World Bank. World DataBank [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators#>

По уровню ожидаемой продолжительности здоровой жизни отставание России от ведущих развитых государств мира ещё значительнее – более чем на 10 лет, гендерный разрыв в её величине выше в 2–3 раза (9 лет против 3–5; табл. 2).

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения в ведущих развитых странах мира в 2000 и 2013 гг. (лет)

Страны	2000 г.			2013 г.			Изменение 2013 к 2000 г., лет		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Мир	56	60	58	60	64	62	+4	+4	+4
Россия	54	63	58	55	66	61	+1	+3	+3
Развитые страны мира									
США	66	70	68	68	71	69	+2	+1	+1
Англия	67	70	69	69	72	71	+2	+2	+2
Швеция	69	72	70	70	73	72	+1	+1	+2
Канада	69	72	70	71	73	72	+2	+1	+2
Дания	66	70	68	69	71	70	+3	+1	+2
Норвегия	67	71	69	69	72	71	+2	+1	+2
Франция	67	72	69	69	74	72	+2	+2	+3
Италия	68	72	70	71	74	73	+3	+2	+3
Германия	67	71	69	69	73	71	+2	+2	+2
Япония	71	76	73	72	78	75	+1	+2	+2
Источник: World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource]. – Available at: http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en									

Согласно методике расчёта показателя ОПЖ на основе таблиц дожития, значительный вклад в её формирование вносит младенческая смертность. Динамика данного показателя свидетельствует о том, что за период с 1960 по 2013 гг. в России он снизился в 4 раза. На протяжении всего рассматриваемого периода превышение уровня младенческой смертности в стране по сравнению с государствами Евросоюза сократилось с 3-х до 2-х раз (рис. 3).

Но при более детальном рассмотрении наблюдаемые успехи кажутся не такими значительными. Так, в 2012 г. уровень младенческой смертности вырос на 18% по сравнению с 2011 г. Такой рост показателя связан с переходом России с апреля 2012 г. на использование нового определения мертворождения [10, с. 280], приблизившего нашу страну к критериям живорождения ВОЗ. В рейтинге стран мира по уровню младенческой смертности 2014 года [21] Российская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, располагаясь «по соседству» с Чили и Кувейтом.

Кроме младенческой смертности существенный вклад в ОПЖ вносит смертность взрослого, главным образом, трудоспособного

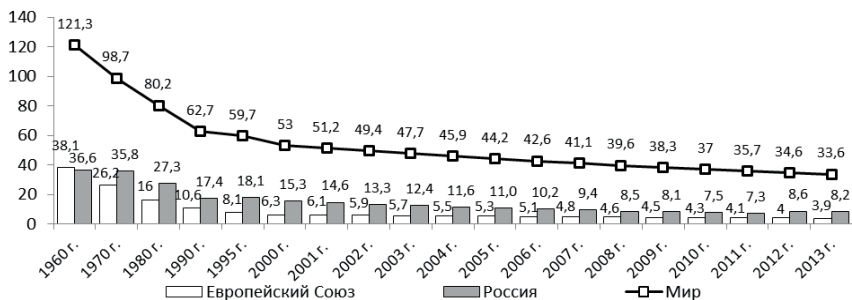


Рис. 3. Динамика коэффициента младенческой смертности в мире, странах ЕС и России в 1960-2013 гг. (умерших на первом году жизни на 1 тыс. родившихся живыми)

Источники: Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>; The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

населения. Одной из ключевых характеристик российской модели смертности является сверхсмертность населения трудоспособного возраста (особенно мужчин) по сравнению с развитыми странами мира [15, с. 87]. Так, за период с 1960 по 2012 гг. в большинстве развитых государств данный показатель и среди мужчин, и среди женщин сократился в 2 и более раза, тогда как в России у женщин он не изменился, а у мужчин вырос на 22%.

В 2012 г. уровень смертности мужчин трудоспособного возраста в России в 4 раза превышал аналогичный в развитых странах мира, общемировой – в 2 раза (табл. 3). Показатель смертности женщины данной категории в нашей стране несколько ниже мирового, но превышает средний по экономически развитым странам (в 2-3 раза).

Таблица 3. Смертность трудоспособного населения (в возрасте 15-60 лет) России и ведущих развитых странах мира в 1960-2012 гг. (умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного населения)

Страны	1960 г.		1970 г.		1980 г.		1990 г.		2000 г.		2012 г.		2012 к ..., %			
													1960 г.		2000 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Мир	383	298	283	225	254	184	232	161	220	152	194	138	50,7	46,3	88,2	90,8
Россия	277	127	313	123	362	135	316	116	443	159	339	127	122,4	100,0	76,5	79,9
Развитые страны мира																
США	233	131	237	128	195	103	172	91	144	83	130	77	55,8	58,8	90,3	92,8
Англия	186	109	180	107	162	97	129	78	108	68	90	56	48,4	51,4	83,3	82,4

Швеция	141	95	140	84	142	76	114	66	87	56	68	44	48,2	46,3	78,2	78,6
Канада	193	110	187	103	164	86	127	70	101	61	68	52	35,2	47,3	67,3	85,2
Дания	151	106	159	104	167	106	155	101	126	79	102	61	67,5	57,5	81,0	77,2
Норвегия	142	82	158	76	146	67	132	68	107	61	73	44	51,4	53,7	68,2	72,1
Франция	217	115	204	101	196	85	168	69	138	61	109	52	50,2	45,2	79,0	85,2
Италия	189	109	176	95	165	77	131	61	101	51	70	39	37,0	35,8	69,3	76,5
Германия	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	158	77	124	63	94	50	-	-	75,8	79,4
Япония	217	149	173	104	130	69	109	53	98	48	82	43	37,8	28,9	83,7	89,6

Источник: The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

ОПЖ в разрезе макрорегионов России. В ходе анализа динамики ожидаемой продолжительности жизни при рождении в макрорегионах России было установлено, что за период с 1990 по 2013 г. данный показатель вырос во всех федеральных округах (табл. 4).

Таблица 4. Ожидаемая продолжительность жизни населения федеральных округов России в 1990-2013 гг. (лет)

Федеральный округ	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к...		
								1990 г.	2000 г.	2012 г.
Центральный	69,5	66,1	66,5	69,9	71,2	71,4	71,9	103,5	108,8	100,7
Северо-Западный	69,1	64,5	64,2	68,9	70,1	70,6	71,3	103,2	110,5	101,0
Республика Карелия	68,8	62,9	61,8	66,4	68,0	68,0	69,2	100,6	110,0	101,8
Республика Коми	68,2	63,5	62,1	66,9	68,0	68,3	69,3	101,6	109,1	101,5
Архангельская область	69,1	62,8	63,0	67,9	68,8	69,7	70,2	101,6	111,8	100,7
Вологодская область	69,3	65,7	63,2	67,1	68,4	69,2	69,4	100,1	105,6	100,3
Калининградская область	68,7	63,6	61,5	68,8	69,9	70,1	70,5	102,6	110,8	100,6
Ленинградская область	68,3	63,0	62,4	68,1	69,4	69,8	70,4	103,1	111,7	100,9
Мурманская область	70,2	64,5	63,8	68,4	68,9	69,8	70,5	100,4	109,3	101,0
Новгородская область	67,6	62,8	61,8	65,0	66,5	67,6	67,7	100,1	107,8	100,1
Псковская область	68,1	61,9	60,2	64,6	66,5	66,5	67,8	99,6	109,5	102,0
г. Санкт-Петербург	69,7	66,7	68,0	72,1	73,1	73,4	74,2	106,5	111,2	101,1
Южный	69,7	67,3	68,1	70,1	70,7	71,3	71,8	103,0	106,7	100,7
Северо-Кавказский	Н/д	Н/д	69,9	72,2	72,6	73,2	74,0	-	-	101,1
Приволжский	69,9	65,5	65,3	68,4	69,2	69,2	70,1	100,3	107,0	101,3
Уральский	69,4	64,6	65,2	68,8	69,4	69,7	70,1	101,0	108,5	100,6
Сибирский	67,9	63,7	62,7	67,1	67,7	68,0	68,6	101,0	107,7	100,9
Дальневосточный	67,2	63,2	62,2	65,8	66,4	67,0	67,8	100,9	107,3	101,2

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbds.gks.ru>

Наибольшего значения он достиг в Северо-Кавказском федеральном округе (74 года), среди регионов – в Республике Ингушетия (78,8 года). Самый низкий уровень ОПЖ был зафиксирован в Дальневосточном федеральном округе (67,8 года) и в Республике Тыва (61,8 года). Таким образом, разрыв в продолжительности жизни разных субъектов РФ доходит до 17 лет. Подобные различия обусловлены вариациями социально-экономических, природно-климатических и культурно-этнических факторов [13, с. 129].

Среди регионов СЗФО лидирующую позицию по показателю ОПЖ занимает г. Санкт-Петербург (74,2 года), худший результат демонстрирует Новгородская область (67,7 года). Вологодская область находится на 6 месте среди регионов округа по уровню ОПЖ (69,4 года).

Уровень младенческой смертности за рассматриваемый период сократился во всех макрорегионах России. Однако по отношению к уровню 2010 г. в каждом федеральном округе был зафиксирован рост данного показателя (табл. 5), что, как говорилось выше, объясняется изменением государственной системы регистрации рождений. В 2013 г. максимального значения младенческая смертность достигла в Северо-Кавказском федеральном округе (12,2 умерших на 1 тыс. живорождённых), среди регионов – в Чукотском АО (23,9), минимальное значение зафиксировано в Северо-Западном федеральном округе (6,2 умерших на 1 тыс. живорождённых), среди регионов – в г. Санкт-Петербурге (4,4).

Таблица 5. Динамика младенческой смертности в федеральных округах России в 1998*–2013 гг. (умерших на первом году жизни на 1 тыс. родившихся живыми)

Федеральный округ	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 к..., %	
								2000 г.	2012 г.
Центральный	15,0	13,6	10,0	6,6	6,5	7,8	7,6	55,9	97,4
Северо-Западный	14,0	12,8	9,4	5,6	5,4	6,2	6,2	48,4	100,0
Республика Карелия	15,3	14,4	9,6	4,9	5,6	7,6	6,4	44,4	84,2
Республика Коми	16,9	13,0	8,7	5,0	4,4	5,9	6,0	46,2	101,7
Архангельская область	13,9	14,1	12,6	6,8	6,9	7,1	7,7	54,6	108,5
Вологодская область	16,6	16,0	11,6	7,4	6,5	8,4	10,1	63,1	120,2
Калининградская область	17,5	19,6	11,3	4,5	4,5	5,6	6,5	33,2	116,1
Ленинградская область	9,9	10,3	9,8	6,0	5,4	6,1	5,8	56,3	95,1
Мурманская область	11,8	12,5	11,2	5,3	8,6	6,6	6,2	49,6	93,9

Новгородская область	16,9	14,0	9,7	7,2	7,7	8,2	8,5	60,7	103,7
Псковская область	19,9	15,1	12,8	7,9	6,1	10,0	7,7	51,0	77,0
г. Санкт-Петербург	11,4	10,7	6,0	4,7	4,3	4,5	4,4	41,1	97,8
Южный	18,7	16,9	12,2	7,1	7,1	8,4	7,9	46,7	94,0
Северо-Кавказский	Н/д	Н/д	Н/д	12,0	13,0	14,6	12,2	-	83,6
Приволжский	15,9	14,4	10,5	6,8	6,3	7,7	7,5	52,1	97,4
Уральский	15,0	15,4	10,0	6,7	6,6	7,5	7,4	48,1	98,7
Сибирский	18,1	17,6	12,3	8,4	7,8	9,4	8,5	48,3	90,4
Дальневосточный	20,1	18,6	13,5	9,6	9,1	10,9	11,0	59,1	100,9
*Сбор статистических данных по федеральным округам РФ ведётся с 1998 г. Источник: Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbds.gks.ru									

Среди субъектов СЗФО самая неблагоприятная ситуация по уровню младенческой смертности сложилась в 2013 г. в Вологодской области (10,1 умерших на 1 тыс. живорождённых), тогда как наименьшее значение показателя, как было сказано выше, зарегистрировано в Санкт-Петербурге.

Гендерный разрыв в уровне смертности трудоспособного населения за период с 2000 по 2013 г. сократился во всех макрорегионах России (табл. 6). В 2013 г. лидером по показателю смертности среди мужчин и женщин трудоспособного возраста стал Дальневосточный федеральный округ (1017,4 и 315,7 умерших на 1 тыс. чел. соответственно), минимальное значение отмечено в Северо-Кавказском федеральном округе (473,1 и 124,7 умерших на 1 тыс. чел. соответственно). Вместе с тем наибольшая гендерная разница в величине данного показателя наблюдалась в Центральном и Приволжском федеральных округах (3,83 раза).

Останавливаясь на регионах Северо-Западного федерального округа, следует подчеркнуть, что максимальный уровень смертности среди трудоспособных мужчин зафиксирован в Новгородской области (1257,5 умерших на 1 тыс. чел.), среди женщин – в Псковской области (341,4 умерших на 1 тыс. чел.). Наиболее благоприятная ситуация, характеризующаяся самыми низкими уровнями смертности трудоспособных граждан обоих полов, наблюдается в г. Санкт-Петербурге.

Таблица 6. Смертность трудоспособного населения федеральных округов России в 2000 и 2013 гг.* (умерших в трудоспособном возрасте на 100 тыс. чел. трудоспособного населения)

Федеральный округ	2000 г.			2013 г.			2013 к 2000 г., в %	
	Муж.	Жен.	Гендерный разрыв в КСт**, раз	Муж.	Жен.	Гендерный разрыв в КСт**, раз	Муж.	Жен.
Центральный	1213,4	293,0	4,14	810,2	211,5	3,83	66,8	72,2
Северо-Западный	1260,4	346,3	3,64	850,3	248,0	3,43	67,5	71,6
Республика Карелия	1345,0	372,3	3,61	1103,5	310,6	3,55	82,0	83,4
Республика Коми	1089,3	328,7	3,31	1050,4	271,6	3,87	96,4	82,6
Архангельская область	1361,1	351,2	3,88	964,0	242,9	3,97	70,8	69,2
Вологодская область	1134,8	256,2	4,43	1031,7	253,0	4,08	90,9	98,8
Калининградская область	1234,9	373,6	3,31	826,4	268,9	3,07	66,9	72,0
Ленинградская область	1495,6	412,4	3,63	914,1	291,3	3,14	61,1	70,6
Мурманская область	1063,0	292,6	3,63	822,4	270,8	3,04	77,4	92,5
Новгородская область	1477,8	344,5	4,29	1257,5	315,7	3,98	85,1	91,6
Псковская область	1519,8	423,4	3,59	1135,1	341,4	3,32	74,7	80,6
г. Санкт-Петербург	1187,4	340,7	3,49	619,1	197,2	3,14	52,1	57,9
Южный	938,8	238,4	3,94	759,5	207,7	3,66	80,9	87,1
Северо-Кавказский	Н/д	Н/д	-	473,1	124,7	3,79	-	-
Приволжский	1125,7	272,3	4,13	959,1	250,5	3,83	85,2	92,0
Уральский	1151,9	298,6	3,86	904,0	250,0	3,62	78,5	83,7
Сибирский	1196,7	354,9	3,37	1012,1	302,4	3,35	84,6	85,2
Дальневосточный	1139,4	335,2	3,40	1017,4	315,7	3,22	89,3	94,2

*Трудоспособное население: мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 лет.

** КСт – коэффициент смертности трудоспособного населения.

Источники: Демографический ежегодник России 2002: стат. сб. / Росстат. – М., 2002. – С. 269-290; Демографический ежегодник России 2014 [Электронный ресурс] : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm

Таким образом, несмотря на тенденцию снижения смертности и роста продолжительности жизни населения, наблюдаемую на протяжении последнего десятилетия, по данным параметрам Россия продолжает уступать ведущим экономически развитым странам. Кроме того, внутри страны наблюдается существенная дифференциация ОПЖ, её компонентов по гендерному и территориальному признаку.

Вклад отдельных классов причин смерти в величину ожидаемой продолжительности жизни населения России и Вологодской области

Существенное отставание России от развитых стран мира по величине ОПЖ во многом объясняется крайне высоким уровнем

смертности населения от болезней системы кровообращения и от внешних причин, что подтверждают результаты исследований ряда отечественных учёных (А.Г. Вишневский, В.М. Школьников, Е.М. Андреев, Т.Л. Харькова, Е.А. Кваша, В.В. Юмагузин и др.) [2, 8, 19, 20]. Несмотря на позитивную тенденцию сокращения смертности от данных классов причин, наблюдаемую в стране с середины 2000-х гг., разрыв продолжает сохраняться и в настоящее время.

Ожидаемая продолжительность жизни является показателем, отражающим результат действия комплекса разнообразных факторов, определяющих впоследствии длительность человеческой жизни в сложившихся условиях смертности [1, с. 19]. Поэтому для понимания степени влияния отдельных причин смерти на продолжительность жизни необходимо проводить анализ структуры смертности населения, исследовать наносимый каждой причиной смерти демографический ущерб.

В структуре смертности населения обоих полов от наиболее распространённых классов причин в России и Вологодской области ведущее место устойчиво занимают болезни системы кровообращения (более 50% случаев как среди мужчин, так и среди женщин; табл. 7). На втором месте находятся новообразования, среди мужского населения России и Вологодской области они обуславливают 16 и 15% смертей соответственно, среди женского – 17 и 16 % соответственно. Третью позицию в настоящее время удерживают внешние причины смерти (13% смертей среди мужчин страны и региона, 6 и 7% среди женщин соответственно). Особые опасения вызывает тот факт, что стандартизованные коэффициенты смертности мужчин и в целом по России, и в Вологодской области превышают аналогичные у женщин по основным классам причин смерти: от болезней системы кровообращения, новообразований и болезней органов пищеварения – в 2 раза, от внешних причин – в 4 раза, от болезней органов дыхания – в 4 и 5 раз соответственно, от инфекционных заболеваний – в 4 и 5 раз соответственно. С 2000 по 2013 гг. и среди мужского, и среди женского населения значительно возросла смертность от болезней системы пищеварения: в России – на 18 и 31% соответственно, в Вологодской области – на 78 и 63% соответственно.

Таблица 7. Структура смертности населения России и Вологодской области от основных классов причин смерти в 2000 и 2013 гг. (умерших на 100 тыс. чел. населения*; % от общего числа умерших)

Класс причин смерти	2000 г.				2013 г.				2013 г. к 2000 г., %	
	Муж.		Жен.		Муж.		Жен.		Муж.	Жен.
	На 100 тыс.	В %	На 100 тыс.	В %	На 100 тыс.	В %	На 100 тыс.	В %		
Российская Федерация										
Все причины	2143,6	100,0	1039,2	100,0	1523,9	100,0	755,0	100,0	71,1	72,7
БСК	1091,8	50,9	641,4	61,7	749,3	49,2	418,1	55,4	68,6	65,2
ВП	360,5	16,8	83,3	8,0	201,9	13,2	47,1	6,2	56,0	56,5
НО	294,4	13,7	139,8	13,5	248,8	16,3	127,1	16,8	84,5	90,9
БОП	63,1	2,9	28,8	2,8	74,2	4,9	37,7	5,0	117,6	130,9
БОД	131,3	6,1	31,9	3,1	80,3	5,3	21,1	2,8	61,2	66,1
ИПЗ	44,7	2,1	8,5	0,8	31,8	2,1	10,5	1,4	71,1	123,5
Вологодская область										
Все причины	2107,8	100,0	1004,6	100,0	1785,4	100,0	803,3	100,0	84,7	80,0
БСК	1081,1	51,3	634,0	63,1	958,0	53,7	489,4	60,9	88,6	77,2
ВП	391,3	18,6	78,3	7,8	241,9	13,5	55,9	7,0	61,8	71,4
НО	298,5	14,2	126,3	12,6	273,0	15,3	128,5	16,0	91,5	101,7
БОП	64,5	3,1	30,1	3,0	114,8	6,4	48,9	6,1	178,0	162,5
БОД	110,0	5,2	22,2	2,2	79,3	4,4	16,2	2,0	72,1	73,0
ИПЗ	17,7	0,8	5,5	0,5	14,8	0,8	3,1	0,4	83,6	56,4

*Стандартизованные коэффициенты смертности.
Здесь и далее: БСК – болезни системы кровообращения; НО – новообразования; ВП – внешние причины; БОД – болезни органов дыхания; БОП – болезни органов пищеварения; ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания.
Источники: Демографический ежегодник России. 2002: стат. сб. / Росстат. – М., 2002; Демографический ежегодник России. 2014 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Для определения вклада каждой отдельной причины смерти в предстоящую продолжительность жизни населения нами были произведены расчёты элиминированных резервов смертности для разных возрастных групп [1, с. 19], которые представляют собой разницу между показателями ОПЖ, рассчитанными по общим коэффициентам смертности, и рассчитанными по коэффициентам смертности без учёта изучаемой причины. Вычисления производятся в три этапа:

1. Расчёт показателя смертности при условии исключения в возрасте x числа умерших от изучаемой причины:

$$m_{ex} = (D_x - D_{ex}), \quad (10)$$

где D_{ex} – число умерших от изучаемой причины в возрасте x .

2. Расчёт таблицы ОПЖ по показателям смертности без учёта изучаемой величины – e_{ex} (алгоритм см. выше). (1–9)

3. Расчёт элиминированных резервов смертности (Δe_{ex})

$$\Delta e_{ex} = e_x - e_{ex}, \quad (10)$$

Произведённые вычисления таблиц ОПЖ и элиминированных резервов смертности показали, что на первом месте по уровню наносимых потерь ожидаемой продолжительности жизни населения обоих полов для всех возрастных когорт России и Вологодской области находятся болезни системы кровообращения (рис. 4). В совокупности от предстоящей продолжительности жизни у населения страны они «отнимают» 14 лет, тогда как в регионе эти потери значительно выше и составляют 22 года. Пик ущерба от данного класса причин в целом по России приходится на возраст 45-49 и 50-54 лет (по 14,44 года соответственно), тогда как в Вологодской области на самые старшие возрастные группы – 85 лет и старше (24,05 года; табл. 8).

Вторую позицию по величине ущерба ОПЖ занимают новообразования: вследствие смертности от них россияне в среднем теряют 1,9 года от предстоящей жизни, жители Вологодской области – 1,8 года. Максимальные потери от обусловленной ими смертности наблюдаются в младших возрастных группах (1-4 года): в целом для населения страны они составляют 2,39 года, для населения Вологодской области – 2,26 года.

Третье место по величине ущерба принадлежит внешним причинам смерти: в России их вклад в снижение продолжительности достигает 1,3 года, тогда как в Вологодской области он ещё выше – 1,5 года.

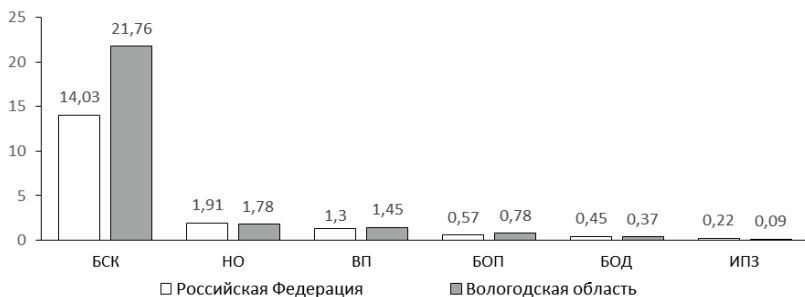


Рис. 4. Структура общих потерь ОПЖ вследствие смертности населения от основных классов причин смерти в России и Вологодской области в 2013 году (лет)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных о возрастных показателях смертности Росстата и Вологдастата.

Наибольший урон ОПЖ вследствие смертности от внешних причин у населения отмечается в младших возрастах: в целом по стране – в возрасте до 1 года (2,61 года), в регионе – в возрастной группе 1-4 года (2,86 года).

Таблица 8. Вклад смертности от основных классов причин смерти в ОПЖ населения России и Вологодской области разных возрастных групп в 2013 году

Возрастная группа (лет)	ОПЖ	Элиминированные резервы смертности (лет)					
		БСК	ВП	НО	БОП	БОД	ИПЗ
Российская Федерация							
До 1 года	70,85	13,81	2,61	2,37	0,82	0,64	0,45
1-4	70,43	13,91	2,60	2,39	0,83	0,61	0,44
5-9	66,55	13,93	2,56	2,38	0,83	0,60	0,43
10-14	61,63	13,95	2,53	2,37	0,83	0,60	0,43
15-19	56,71	13,96	2,48	2,36	0,83	0,59	0,43
20-24	51,92	14,00	2,33	2,36	0,83	0,59	0,43
25-29	47,28	14,07	2,08	2,36	0,83	0,59	0,41
30-34	42,82	14,17	1,79	2,36	0,81	0,57	0,37
35-39	38,60	14,29	1,46	2,37	0,75	0,55	0,27
40-44	34,48	14,39	1,16	2,36	0,68	0,51	0,18
45-49	30,38	14,44	0,91	2,31	0,60	0,48	0,13
50-54	26,41	14,44	0,68	2,22	0,52	0,44	0,09
55-59	22,62	14,43	0,49	2,05	0,44	0,40	0,06
60-64	19,07	14,38	0,34	1,80	0,36	0,36	0,04
65-69	15,83	14,26	0,23	1,46	0,28	0,31	0,02
70-74	12,68	14,12	0,17	1,10	0,22	0,27	0,01
75-79	9,95	13,75	0,12	0,76	0,17	0,22	0,01
80-84	7,51	13,20	0,09	0,50	0,13	0,17	0,01
85 и старше	5,84	13,07	0,07	0,35	0,11	0,14	0,00
Вологодская область							
До 1 года	69,35	20,07	2,85	2,25	1,21	0,58	0,17
1-4	69,05	20,28	2,86	2,26	1,22	0,54	0,17
5-9	65,19	20,31	2,81	2,25	1,21	0,53	0,16
10-14	60,25	20,33	2,77	2,25	1,21	0,51	0,16
15-19	55,36	20,36	2,70	2,25	1,22	0,51	0,16
20-24	50,51	20,38	2,63	2,24	1,22	0,50	0,16
25-29	45,89	20,51	2,36	2,24	1,22	0,50	0,15
30-34	41,39	20,69	2,05	2,24	1,18	0,49	0,13
35-39	37,08	20,94	1,72	2,24	1,08	0,45	0,10
40-44	32,85	21,22	1,43	2,22	0,94	0,42	0,08

45-49	28,86	21,54	1,09	2,16	0,77	0,40	0,07
50-54	25,05	21,81	0,80	2,07	0,63	0,37	0,05
55-59	21,45	22,80	0,53	1,93	0,51	0,32	0,03
60-64	18,14	23,08	0,36	1,69	0,34	0,27	0,02
65-69	15,03	23,38	0,24	1,37	0,22	0,23	0,01
70-74	11,95	23,80	0,16	0,96	0,19	0,18	0,01
75-79	9,32	23,99	0,10	0,64	0,16	0,13	0,00
80-84	7,01	23,90	0,07	0,39	0,12	0,09	0,00
85 и старше	5,38	24,05	0,05	0,26	0,10	0,07	0,00

Источник: Рассчитано авторами на основе данных о возрастных показателях смертности Росстата и Вологодстата.

Исследование вклада отдельных классов причин смерти в величину ОПЖ в гендерном разрезе позволило выявить существенную разницу в структуре демографических потерь мужчин и женщин. Рассматривать эти потери мы будем на примере Вологодской области, так как региональная статистика содержит всю необходимую информацию о смертности населения обоих полов в разрезе пятилетних возрастных групп, что позволит сделать наиболее полный и глубокий анализ [9, с. 198].

Как было сказано выше, по величине потерь во всех возрастах населения обоих полов лидирует смертность от болезней системы кровообращения. На рисунках 2 и 3 видно, что пик ущерба от них у мужчин приходится на 70-74 лет (15,2 года), у женщин – на 75-79 лет (27,3 года). Максимальные потери от внешних причин смерти у обоих полов наблюдаются в младших возрастных группах: от 0 до 9 лет у мужчин (по 3,8 года в каждой возрастной группе соответственно), от 0 до 4 лет у женщин (по 1,4 года соответственно). В то же время наибольший урон ОПЖ вследствие смертности от новообразований у мужчин отмечается в возрасте 45-49 лет (2,2 года), у женщин в возрастных группах от 0 до 39 лет (по 2,2 года в каждой возрастной группе соответственно). Примечательно, что внешние причины смерти по величине наносимого ОПЖ ущерба у мужского населения занимают вторую позицию после болезней системы кровообращения лишь в возрастных группах до 39 лет, тогда как в возрасте от 40 лет и старше на это место выходят новообразования (рис. 5). У женского населения региона во всех возрастных когортах второе место занимают новообразования (рис. 6).

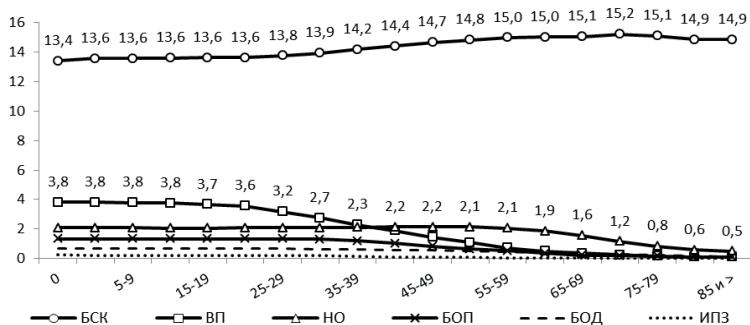


Рис. 5. Элиминированные резервы смертности мужчин Вологодской области разных возрастных групп от основных классов причин смерти, 2013 год (лет)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных о половозрастных показателях смертности Росстата и Вологодстата.

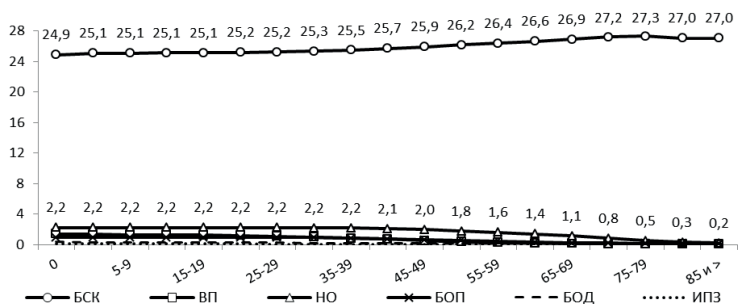


Рис. 6. Элиминированные резервы смертности женщин Вологодской области разных возрастных групп от основных классов причин смерти, 2013 год (лет)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных о половозрастных показателях смертности Росстата и Вологодстата.

Таким образом, элиминированные резервы смертности, показывающие, насколько увеличилась бы предстоящая продолжительность жизни отдельных возрастных когорт при условии полного устранения данных причин смерти, как в целом по стране, так и в Вологодской области демонстрируют большой вклад смертности от болезней системы кровообращения, внешних причин и новообразований в уровень ОПЖ населения.

Анализ масштаба демографического ущерба вследствие смертности населения показал, что основным ресурсом повышения продолжительности жизни населения для старших возрастных категорий граждан (старше 50 лет) в России и Вологодской области может

служить снижению смертности, главным образом, от заболеваний системы кровообращения и новообразований, тогда как для более молодых возрастных групп трудоспособного возраста, особенно для мужчин, наибольший вклад в увеличение ОПЖ может внести снижение смертности от внешних причин смерти, т.к. именно на них приходится наибольший демографический ущерб.

Очевидно, что актуальность проблемы высокой смертности населения от болезней системы кровообращения федеральные и региональные органы власти понимают, поэтому в последнее время предпринимается ряд мер, направленных на решение данного вопроса. Так, в Послании Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. Президент РФ В.В. Путин в качестве ключевого ресурса для повышения продолжительности жизни населения страны обозначил снижение смертности от заболеваний системы кровообращения и объявил 2015 год «Национальным годом борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями» [12]. Кроме того, на региональном уровне в рамках выполнения «дорожной карты» «Изменения, направленные на повышение эффективности здравоохранения в Вологодской области» было принято решение открыть на базе Вологодской областной клинической больницы Региональный сердечно-сосудистый центр [11]. Однако для решения проблемы при построении государственной политики в сфере охраны здоровья граждан необходим целевой подход, т.е. мероприятия должны быть ориентированы на отдельные «категории риска» (с учётом пола и возраста) по каждому классу причин смерти. Например, для внешних причин смерти – это население трудоспособного возраста, главным образом мужчины; для сердечно-сосудистых заболеваний – это возрастные категории старше 50 лет и т.д.

Заключение

Ожидаемая продолжительность жизни населения является наиболее адекватным интегральным индикатором общественного здоровья, основанным на официальных статистических данных. Проведённое исследование тенденций в динамике ОПЖ и её основных компонентов позволило сделать ряд немаловажных выводов:

1. В отличие от большинства развитых стран мира, где на протяжении полувека ОПЖ устойчиво и довольно быстро повышалась, в России её уровень заметно варьировался: снижение приходи-

лось в основном на периоды серьёзных финансовых и социально-экономических потрясений.

– В 2013 г. ОПЖ населения России составила 70,8 года, что сравнимо со среднемировым показателем и ниже аналогичного в развитых странах почти на 10 лет.

– Гендерный разрыв в уровне ОПЖ на протяжении 1960-2013 гг. в России составлял 12 лет, тогда как в мире и развитых странах он держался на отметке 4 – 6 лет. За последние 50 лет в нашей стране ОПЖ женщин увеличилась на 6 лет, мужчин – лишь на 3 года, тогда как в развитых государствах она выросла более чем на 10 лет у представителей обоих полов.

– По уровню ОПЖ отставание России от ведущих развитых государств мира ещё значительнее – более чем на 10 лет, гендерный разрыв в её величине выше в 2–3 раза (9 лет против 3–5).

2. Низкий уровень ОПЖ в России во многом обусловлен высокой младенческой смертностью и сверхсмертностью населения трудоспособного возраста, особенно мужчин. Так, уровень младенческой смертности в нашей стране выше, чем в развитых странах мира в 2 раза, уровень смертности мужчин трудоспособного возраста выше в 4 раза, женщин – в 2-3 раза.

3. За последние 20 лет ОПЖ выросла во всех регионах России, однако разрыв в её уровне среди субъектов уровнем в РФ достигает 17 лет (max - в Республике Ингушетия (78,8 года), min – в Республике Тыва (61,8 года)).

4. Наибольший вклад в величину продолжительности жизни населения России и Вологодской области вносит смертность от болезней системы кровообращения (отнимает 14,0 лет и 21,8 года соответственно), новообразований (1,9 и 1,8 года) и внешних причин (1,3 и 1,5 года). Следовательно, основным ресурсом повышения ОПЖ может служить снижение смертности от данных классов причин. Кроме того, при разработке региональных программных и концептуально-стратегических документов, затрагивающих вопросы сохранения и укрепления здоровья населения, в том числе снижения его преждевременной смертности, необходимо учитывать гендерную и возрастную специфику в величине потерь ОПЖ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальчук, Э.А. Заболеваемость населения: методы изучения [Текст] / Э.А. Вальчук, Н.И. Гулицкая, В.В. Антипов. – Минск, 2000. – 23 с.
2. Демографическая модернизация России. 1900-2000 [Текст] / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
3. Демографический ежегодник России 2002 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2002. – 397 с.
4. Демографический ежегодник России 2014 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm
5. Демографический понятийный словарь [Текст] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.
6. Демография [Электронный ресурс]: учебник для высших учеб. заведений / под ред. Н.А. Волгина и Л.Л. Рыбаковского. – М.: РАГС при Президенте РФ и ИСПИ РАН, 2003. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/uchebnik2a.html>
7. Естественное движение населения Российской Федерации. 2014 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_106/Main.htm
8. Кваша, Е.А. Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения в регионах России в последнее десятилетие [Текст] / Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова // Вопросы статистики. – 2011. – № 8. – С. 26-41.
9. Короленко, А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода [Текст] / А.В. Короленко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 40 (4). – С. 192-210.
10. Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад [Текст] / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 412 с.
11. О плане мероприятий («дорожной карте») «Изменения, направленные на повышение эффективности здравоохранения в Вологодской области» (ред. от 11.08.2014): пост. Правительства Вологодской области от 25.02.2013 г. № 203 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW095;n=104066>
12. Послание Президента РФ ВВ. Путина Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173>

13. Прохоров, Б.Б. Условия жизни населения и общественное здоровье [Текст] / Б.Б. Прохоров, И.В. Горшкова, Е.В. Тарасова // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 5. – С. 127-140.
14. Рамонов, А.В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная оценка здоровья россиян [Текст] / А.В. Рамонов // Экономический журнал ВШЭ. – 2011. – Т. 15. – № 4. – С. 497-518.
15. Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий [Текст] / А.А. Шабунова, Л.П. Шахотько, А.Г. Боброва, Н.А. Маланичева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2 (20). – С. 83-94.
16. Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru>
17. Число умерших по причинам смерти, по полу и возрасту по Вологодской области в 2013 году [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014.
18. Шабунова, А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика [Текст]: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
19. Школьников, В.М. Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов [Электронный ресурс] / В.М. Школьников, Е.М. Андреев, М. Макки, Д. Леон // Демографическое обозрение. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <http://demreview.hse.ru/2014--2/137663852.html>
20. Юмагузин, В.В. Оценка вклада внешних причин смерти в изменение ожидаемой продолжительности жизни в России в 1990-2010 гг. [Электронный ресурс] / В.В. Юмагузин, М.В. Винник // Социальные аспекты здоровья населения. – 2012. – № 28 (6). – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/445/30/lang,ru>
21. Central Intelligence Agency. The World Factbook [Electronic resource]. – Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>
22. Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org>
23. The World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>
24. World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource]. – Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ДОХОДНОЙ БАЗЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ²

Введение

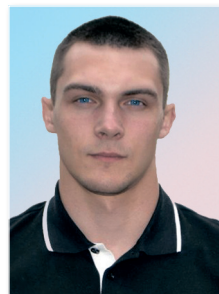
Бюджеты территорий играют важную роль в реализации государственной социально-экономической политики. В то же время состояние территориальных бюджетов после кризиса 2008 года значительно ухудшилось, отмечено усиление бюджетных рисков регионов. В настоящее время устойчивость бюджетов продолжает ухудшаться в результате кризиса в экономике и, как следствие, стагнации роста бюджетных доходов, увеличения задолженности по платежам в бюджет, бегства капитала за рубеж. Эти действия привели к тому, что в 2014 году почти четверть субъектов Российской Федерации находились в преддефолтном состоянии.

Современные тенденции в развитии общественных финансов регионов диктуют необходимость совершенствования управления финансовой устойчивостью доходной базы территориальных бюджетов.

Исследование проблематики устойчивости бюджетов были в центре внимания таких ученых, как Г.Б. Поляк, Т.В. Доронина, В.Н. Едророва, А.А. Кавинов, С.М. Каратаев, Н.И. Яшина, О.И. Тишутина, Р.Р. Ахметов, М.В. Казаковцева, А.А. Никифорова, В.Б. Ияшвили, М.Е. Чичелев, Л.Б. Пикман, А.Г. Грязнова, Л.В. Давыдова, Н.Д. Шимширт и др.

Вопросы управления бюджетными рисками подробно изучены в работах С.Г. Аюповой, М.А. Каючкиной, А.М. Лаврова, Д.В. Гороховой, Т.М. Ковалевой, С.В. Подобреева, Н.М. Сабитовой, В.В. Гамукина, С.В. Барулина, А.Г. Грязновой, Л.А. Дробозиной, Л.Л. Игониной, М.В. Романовского, Л.И. Якобсона и др.

Однако вплоть до настоящего времени стимулы субъектов федерации по наращиванию доходного потенциала и совершенствованию фискальных инструментов остаются недостаточно развитыми.



А.В. Галухин

¹ Галухин Антон Викторович – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

² Работе присуждена вторая премия.

Цель исследования заключается в решении научной проблемы совершенствования управления и поиска резервов повышения финансовой устойчивости доходной базы бюджетов регионов.

Для ее достижения необходимо решение следующих задач:

- 1) исследовать теоретико-методологические аспекты управления финансовой устойчивостью доходной базы бюджетов регионов;
- 2) проанализировать финансовое состояние бюджетов регионов, выявить проблемы управления и определить пути повышения финансовой устойчивости доходной базы бюджетов регионов;
- 3) предложить и обосновать концептуальные подходы к управлению и резервы повышения финансовой устойчивости доходной базы бюджетов регионов.

Объектом исследования выступают консолидированные бюджеты регионов.

Предметом исследования являются инструментарий оценки и инструменты управления финансовой устойчивостью доходной базы бюджетов регионов.

Теоретико-методологические аспекты управления финансовой устойчивостью доходной базы бюджетов регионов

Одной из ключевых характеристик региона является устойчивость системы. Она образована от устойчивости его составных подсистем (экономической, социальной, экологической и так далее). Важным компонентом устойчивости экономической подсистемы является устойчивость бюджета, так как он является основным инструментом реализации экономической политики государства, основой которой служат доходы.

Анализ теоретических аспектов категории [1, 5] «финансовая устойчивость доходной базы бюджета» показал неоднозначность мнений его основного содержания. В связи с этим мы уточнили формулировку финансовой устойчивости доходной базы бюджета региона. Это – способность бюджета при постоянно меняющихся внешних и внутренних факторах обеспечивать своевременную мобилизацию достаточного объема средств, необходимого для реализации полного комплекса обязательств, утвержденных в бюджете, для реализации конституционных прав граждан и интересов государства и общества.

Из-за открытости региона как системы обеспечение финансовой устойчивости доходной базы бюджета зависит от комбинации факторов внутренней и внешней среды (рис. 1). Вследствие их мобильности, управляя ими, можно достичь финансовой устойчивости доходной базы территориальных бюджетов.

Под управлением финансовой устойчивостью доходной базы территориального бюджета, на наш взгляд, следует понимать целенаправленную деятельность государственных и местных органов власти с целью обеспечения наличия своевременного и достаточного объема денежных средств для выполнения полного спектра расходных обязательств, с помощью методов и инструментов, используемых в зависимости от характера управленческого воздействия (экономические, организационные, административные, социальные и психологические) и нормативно-правовых институтов (собственных доходов, межбюджетных трансфертов, долговой политики, управления рисками бюджета).

Вместе с тем территориальные органы власти и управления в настоящее время сильно ограничены в налоговой компетенции (рис. 3) и возможностях увеличения доходной базы бюджета: доля региональных и местных налогов в структуре налоговых доходов субъектов РФ в 2014 году не превышает 15%.

Для определения направлений совершенствования управления и выявления резервов повышения устойчивости бюджетов территорий необходимо проанализировать состояние и результаты предпринимаемых органами власти управленческих решений по обеспечению стабильной наполняемости казны.

Анализ состояния и управления финансовой устойчивостью доходной базы бюджетов регионов

Как отмечалось выше, одним из факторов управления финансовой устойчивостью доходной базы бюджета региона является развитие доходного потенциала территорий на основе их устойчивого социально-экономического развития. От него зависит объем ресурсов для реализации политики социально-экономического развития территории, способность региона отвечать по своим обязательствам перед кредиторами.

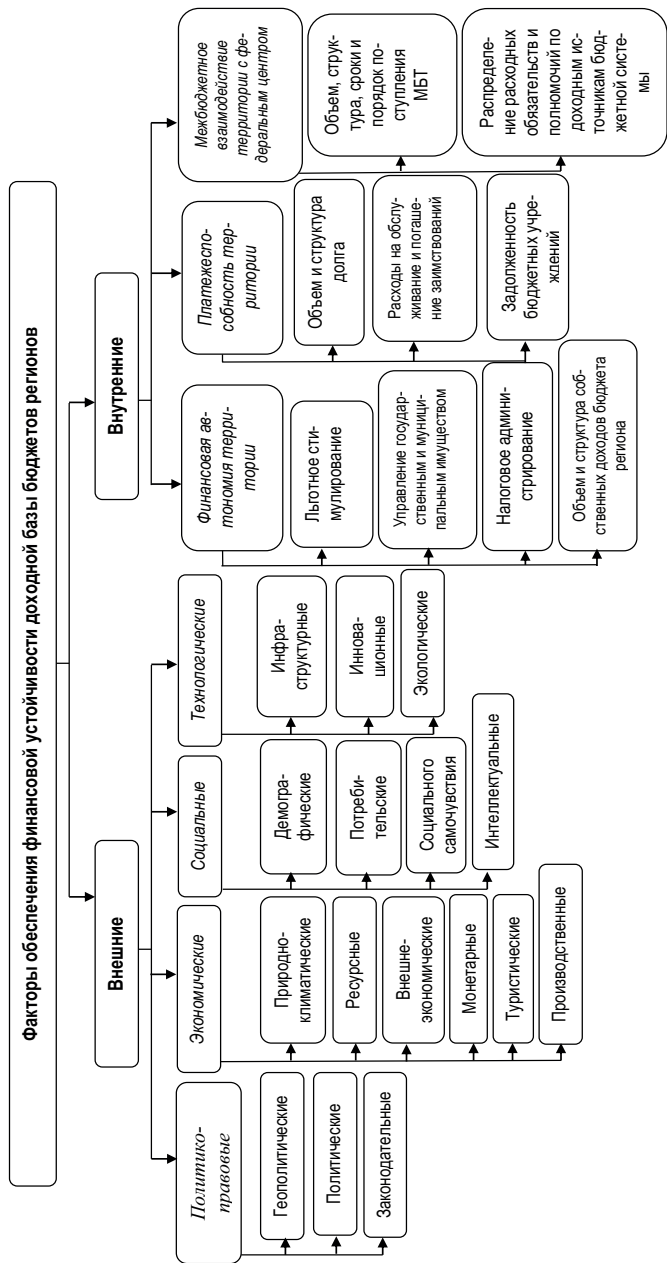


Рис. 1. Факторы обеспечения финансовой устойчивости доходной базы бюджетов

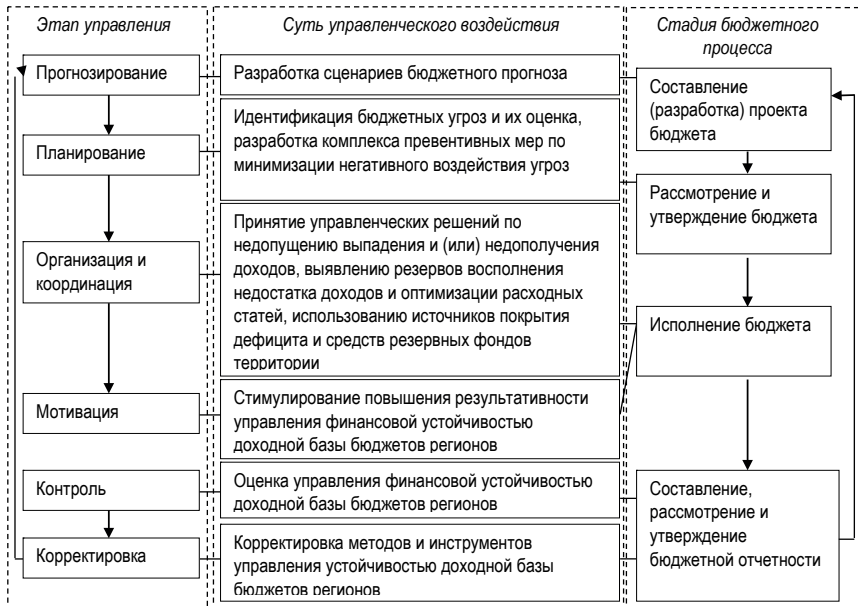


Рис. 2. Этапы управления устойчивостью доходной базы территориальных бюджетов и их место в бюджетном процессе

Анализ социально-экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа за 2007-2013 гг. позволил выделить ряд тенденций, влияющих на доходный потенциал территорий. Среди них: снижение темпов экономического роста, сохранение зависимости экономики и доходных возможностей регионов от работы ключевых экономических субъектов-налогоплательщиков, повышение зависимости региональных экономик от внешних рынков, снижение инвестиционной активности, ухудшение финансовых показателей компаний, рост долговой нагрузки заемщиков, замедление темпов роста доходов граждан. Следует отметить, что эти тенденции дестабилизируют состояние государственных финансов и препятствуют увеличению финансовой устойчивости доходной базы региональных бюджетов (рис. 4). Текущие тенденции можно преломить с помощью резервов повышения экономического роста (использование резервов роста секторов региональных экономик, более полное использование ресурсной базы, наращивание и диверсификации экспорта, импорто-

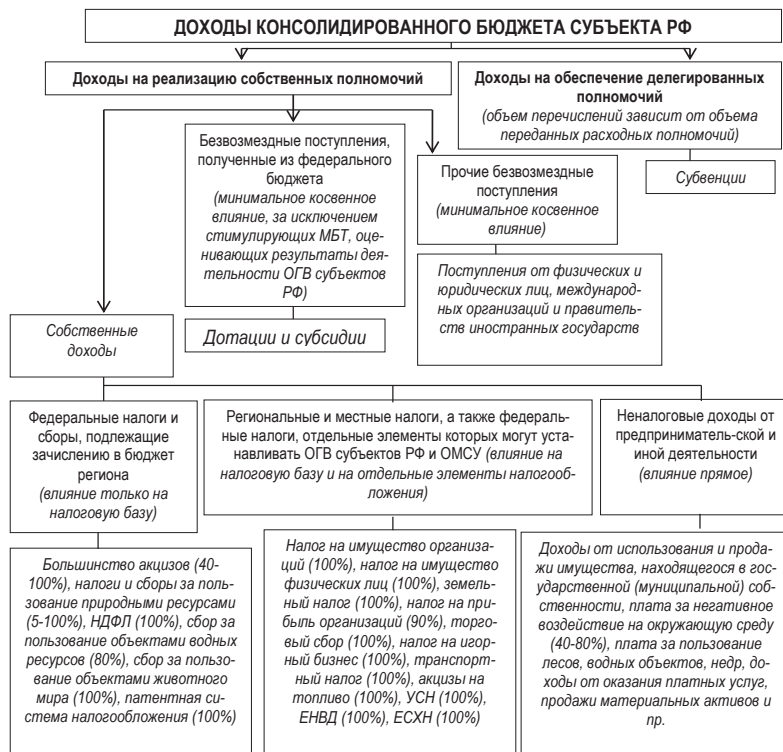


Рис. 3. Доходы территориальных бюджетов РФ, классифицированные по степени влияния органов власти и управления на объем финансовых ресурсов территории

* В скобках указана доля налога, зачисляемого в консолидированный бюджет региона.

замещение, улучшение инвестиционного (бизнес) климата, развитие механизмов ГЧП, привлечение федерального бюджета, повышение эффективности бюджетных расходов, снижение стоимости финансирования для банков и кредитов для заемщиков, увеличение доходности компаний за счет развития инноваций).

Ухудшение финансового положения территорий можно считать следствием спада доходных возможностей, а также политики федерального центра, в том числе принятия Указов Президента от 7 мая 2012 г., финансирование которых в основном возложено на субфедеральные бюджеты, и продолжающегося пересмотра расходных обя-



Рис. 4. Тенденции, влияющие на развитие доходного потенциала регионов СЗФО, возможности активизации экономического роста, результаты их реализации на состояние финансовой устойчивости доходной базы бюджетов регионов

зательств по уровням бюджетной системы без надлежащей финансовой поддержки. Уровень доходов для покрытия своих обязательств по расходам, закрепленных за регионами, снизился за 2007-2013 годы в субъектах Северо-Западного федерального округа на 7,4 п. п. (табл. 1). Ситуация усугубляется регулярной практикой недофинансирования из федерального центра делегированных расходных обязательств (например, в 2013 году, дефицит обеспечения делегированные полномочий в Республике Коми составлял 23%, в Мурманской области - 7%).

Таблица 1. Коэффициент покрытия закрепленных за регионами СЗФО расходов собственными доходами, %

Регион	Год							2007-2013 гг., п. п.
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
г. Санкт-Петербург	94,8	83,7	83,0	80,4	82,4	89,5	95,6	0,8
Ленинградская область	91,5	86,2	84,2	94,1	92,1	90,8	87,3	-4,2
Мурманская область	98,9	73,4	71,1	87,0	85,0	77,5	79,2	-19,7
Вологодская область	87,9	94,2	67,1	75,4	74,6	80,3	78,3	-9,6
Республика Коми	95,7	90,2	81,5	89,9	85,3	85,4	75,3	-20,4
Архангельская область	88,1	66,7	57,4	70,9	65,2	78,4	72,2	-15,9
Новгородская область	81,6	74,5	71,9	74,1	80,7	72,8	68,5	-13,1
Калининградская область	78,1	69,0	59,6	67,5	65,4	69,5	67,9	-10,3
Республика Карелия	73,2	69,0	64,7	76,5	78,8	72,9	64,9	-8,3
Псковская область	75,6	69,5	60,9	65,3	61,5	58,4	55,6	-20,0
Регионы РФ	88,5	80,9	46,4	79,6	79,4	79,2	77,2	-11,2
СЗФО	91,4	81,0	85,0	90,0	90,2	83,7	84,0	-7,4

Источник: Отчётность Казначейства России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzhetrov-subektov-rr-i-mestnykh-byudzheto>, Расчёты автора.

В 2007 – 2013 гг. было усиление финансовой зависимости регионов от федерального правительства (доля межбюджетных трансфертов в общем объеме доходов бюджета в 2013 году в Псковской области превысила 30%, в Калининградской области за весь период не опускалась ниже 20%). В этой ситуации выполнение расходных обязательств подрывается практикой задержки передачи финансовой помощи из федерального бюджета территориям (доля межбюджетных трансфертов, выделяемых в IV квартале в 2013 году, достигла 65% от годового объема в Калининградской области, 40% – в Республике Коми, Новгородской и Архангельской областей). Это создает риск неэффективного и неполного их освоения (объем

неиспользованных трансфертов в регионах Северо-Западного федерального округа на 2007-2013 годы вырос в 26,5 раза: по сравнению со 193 млн. руб. до 5,1 млрд. руб.).

Как следствие дисбаланса роста доходов и расходных обязательств стал взрывной рост государственного и муниципального долга регионов (за 2007-2013 гг. его объем увеличился в СЗФО в 7 раз: в Мурманской области в 49 раз, в Псковской области в 32 раза, Вологодской области в 21 раз). Эта тенденция оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие территорий, поскольку стоимость обслуживания и погашения кредитов (их доля в 2013 году в Архангельской области составила 33%, в Республике Карелия – 30%, в Новгородской области – 26%, в Вологодской области – 21%; табл. 2) становится приоритетом все большего числа регионов. Долговое бремя по-прежнему ухудшается в результате постепенного замещения трансфертного механизма (доля кредитов в размере финансовой помощи для региона увеличилась с 8% в 2013 году до 33% в 2014 году), что не только не решает проблему, но воспроизводит ее вновь.

Таблица 2. Расходы бюджетов регионов СЗФО на обслуживание и погашение государственного и муниципального долга, % к собственным доходам

Регион	Год							2007-2013 гг., п. п.
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Архангельская область	0,62	5,85	17,33	15,23	14,71	23,94	33,28	32,66
Республика Карелия	4,59	12,71	14,62	27,42	20,36	21,02	29,91	25,32
Новгородская область	1,16	1,92	3,85	9,21	10,80	11,44	25,74	24,57
Вологодская область	0,81	0,90	2,91	4,36	9,73	14,90	20,50	19,68
Мурманская область	1,69	3,34	2,91	2,61	8,45	3,05	12,81	11,12
Калининградская область	0,55	4,99	6,11	6,05	5,27	5,17	11,66	11,11
Республика Коми	2,78	1,45	2,18	12,71	1,05	2,74	7,04	4,26
Псковская область	1,78	0,95	0,52	0,79	0,60	3,47	4,82	3,03
Ленинградская область	0,81	0,59	0,62	1,93	1,06	1,78	3,28	2,47
г. Санкт-Петербург	2,07	2,13	0,02	0,02	0,10	0,70	1,01	-1,07

Источник: Данные Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/>; Отчётность Казначейства России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roskazna.ru/byudzhetrov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetrov>, Расчёты автора.

Управление финансовой устойчивостью доходной базы региональных бюджетов в настоящее время несовершенно и недостаточно эффективно. Так, уровень управления налоговыми поступлениями

в регионах в 2013 году не достиг значения 2007 года, задолженность по уплате налогов в реальном выражении в течение 2007-2013 гг. в Северо-Западном федеральном округе выросла в 2,6 раза. Порядка 30 млрд. теряют регионы СЗФО в результате налоговых льгот и преференций, полезность которых, например, для естественных монополий крайне сомнительна. Негативной динамикой характеризуются результаты управления государственными и муниципальными активами (объем неналоговых доходов субъектов Северо-Западного федерального округа в 2013 году составил всего 65% от уровня 2007 года). Меры, принимаемые для сбалансированности бюджетов регионов, в основном деструктивны. Например, пути решения проблемы несбалансированности были выбраны следующие: сокращение финансирования ДЦП и ГП (дефицит финансирования в Вологодской области превышал отметку в 50% в 2009 году, 2011 году и 2012 году; рис. 5), сокращение бюджетных инвестиций (в реальном выражении на 76% в Архангельской области, 68% в Республике Коми, 47% в Санкт-Петербурге), оптимизация социальной поддержки и сети государственных учреждений, в том числе для реализации майских указов президента.

Выше отмеченное показывает несовершенство управления финансовой устойчивостью доходной базы региональных бюджетов и необходимость принятия мер, направленных на его улучшение.

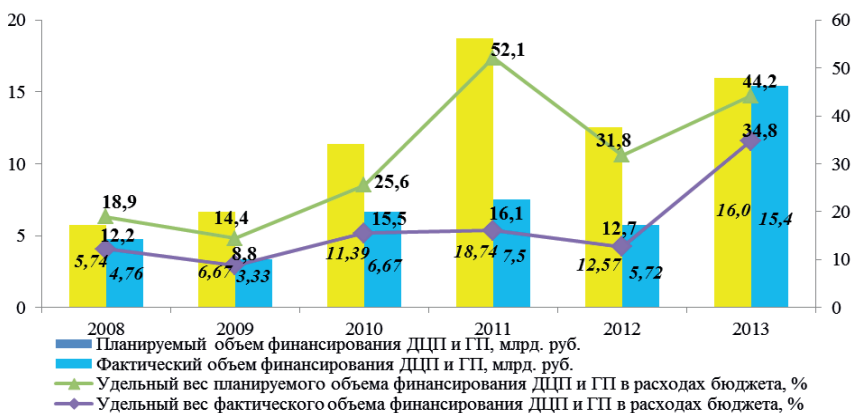


Рис. 5. Динамика финансирования ДЦП и ГП Вологодской области в 2008-2013 гг.

Источник: Данные департамента финансов Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.df35.ru>; Расчёты автора.

Резервы повышения финансовой устойчивости доходной базы бюджетов регионов

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» обозначена необходимость повышения уровня самостоятельности субъектов бюджетной системы³. Курс на децентрализацию бюджетных доходов и определение направлений расходования бюджетных средств от федерального центра субъектам РФ и муниципалитетам был объявлен Президентом РФ еще на заседании Государственного совета 26 декабря 2011 года. Однако, согласно Программе повышения качества управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года, пересмотр разграничения налоговых источников между федеральным центром и регионами, позволивший сколь бы то ни было его изменить в сторону расширения финансовой автономии территориальных бюджетов, не предусмотрен. Более того, он, по мнению Правительства РФ, нецелесообразен, т.к. в целом «соответствует современному этапу развития федеративных отношений в Российской Федерации»⁴.

В качестве одного из резервов повышения уровня финансовой устойчивости доходной базы бюджета в части увеличения доходов территорий как за счет создания условий для увеличения количества объектов налогообложения, так и совершенствования фискальных инструментов может стать изменение механизма вертикального распределения налоговых доходов между регионами и федеральным центром. Целесообразность осуществления этого продиктована текущей системой вертикальных потоков между уровнями бюджетной системы. Так, от 8,6 до 76,3% налогов⁵, собранных на территориях

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. – Режим доступа: <http://strategy2020.ru>

⁴ Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года [Электронный ресурс]: Проект Министерства финансов РФ от 22.02.2010. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru>

⁵ Без учета таможенных пошлин, которые в полном объеме поступают в федеральный бюджет и формируют его львиную составляющую.

федеральных округов, поступает в федеральный бюджет⁶. При этом вторичное перераспределение в виде межбюджетных трансфертов, как правило, осуществляется в меньшем объеме и значительно позднее⁷, не позволяя тем самым их эффективно и полностью⁸ использовать.

С целью усиления стимула к увеличению налоговых доходов регионов и совершенствованию фискальных механизмов по всей вертикали управления мы предлагаем метод, алгоритм которого представлен на рисунке 6. Так, если в текущем году объем собранных налогов превышает сумму начисленных, то половина суммарного превышения по регионам РФ поступает в распоряжение органов власти и управления тех территорий, которые обеспечили это превышение, исходя из вклада в совокупный объем собранных дополнительно налогов по регионам. Оставшаяся часть этого превышения зачислялась в федеральный бюджет. Тем самым этот подход направлен на усиление стимулирующей функции межбюджетного взаимодействия.

Математически предлагаемый метод вертикального распределения налоговых доходов можно представить следующим образом:

$$\text{если } \Delta D_{\text{Фед}} = \sum_{i=1}^n (D_{i\text{пФед}} - D_{i\text{нФед}}) > 0, \text{ то} \quad (1)$$

$$DOFН_i = \frac{\Delta D_{i\text{Фед}} - \Delta D_{\text{Фед}}}{\sum_{i=1}^n \Delta D_{\text{Фед}+}} \cdot 0,5, \quad (2)$$

где $\Delta D_{\text{Фед}}$ – совокупная по регионам РФ разница между поступившим и начисленным объемом налогов, зачисляемым в федеральный бюджет, руб.;

$D_{i\text{пФед}}$ – объем налогов, поступивших в федеральный бюджет по i -му региону РФ, руб.;

⁶ В результате проводимого в стране налогового маневра доля отчислений в федеральный бюджет из объема собранных на территории регионов будет возрастать за счет роста НДС и цены на нефть на мировом рынке.

⁷ В 2013 году 25-45% объемов безвозмездных поступлений регионам СЗФО было выделено в IV квартале года.

⁸ Объем неиспользованных трансфертов регионов СЗФО в 2013 году составил 5,1 млрд руб. (3,7% объема безвозмездных поступлений субъектам федерального округа).

$D_{i\text{фед}}$ – объем налогов, начисленных к уплате в федеральный бюджет по i-му региону РФ, руб.;

n – количество регионов РФ;

$ДОН_i$ – объем налоговых доходов, оставшихся в распоряжении i-го региона РФ («дополнительный объем федеральных налогов»);

$\Delta D_{i\text{фед}}$ –разница между поступившим и начисленным объемом налогов, зачисляемым в федеральный бюджет, i-го региона РФ, руб.;

$\sum_{i=1}^n \Delta D_{i\text{фед}}$ – совокупный объем превышения собранных по сравнению с начисленным объемом налогов по регионам РФ, в которых данное превышение было отмечено, руб.

Предлагаемый метод апробирован на 83 субъектах Российской Федерации в 2013 году (табл. 3). По нему в 2013 году двадцать один регион, обеспечивший превышение собранных налоговых доходов над начисленными суммами, мог бы увеличить свои налоговые доходы на 0,1-7,8%. Выпадающих доходов из федерального бюджета при этом бы не произошло (относительно начисленной суммы платежей).



Рис. 6. Порядок распределения налоговых доходов, собранных на территории субъекта РФ, между федеральным и региональным бюджетами

Для того чтобы дополнительный объем федеральных налогов способствовал дальнейшему увеличению доходного потенциала территорий, законодательно целесообразно было бы ограничить его использование сугубо инвестиционными целями.

Таблица 3. Дополнительный объем федеральных налогов регионам РФ в 2013 году

Регион РФ	Объем начисленных налоговых доходов, млн. руб.	Объем собранных налоговых доходов, млн. руб.	$D_{\text{фед}} - D_{\text{нфед}} > 0$, млн. руб.	ДОФН _и , млн. руб.	ДОФН _и , % от объема поступивших в консолидированный бюджет региона налоговых доходов
	$D_{\text{нфед}}$	$D_{\text{фед}}$			
Сахалинская область	18573,07	34187,02	15613,95	4783,80	5,03
Рязанская область	17359,88	29062,14	11702,26	3585,34	7,75
Астраханская область	7625,859	10680,57	3054,713	935,91	2,36
Омская область	36325,44	43741,3	7415,86	2272,07	2,88
Ярославская область	30053,74	35194,77	5141,034	1575,11	2,51
Республика Башкортостан	95492,95	105342,8	9849,84	3017,79	1,96
Нижегородская область	45151,93	48957,84	3805,91	1166,06	0,84
Ленинградская область	80100,46	86444,68	6344,22	1943,74	2,05
город Москва	777735,7	837819,4	60083,69	18408,43	1,24
Ненецкий АО	31696,67	34099,04	2402,38	736,04	4,52
Иркутская область	35763,67	38433,28	2669,61	817,92	0,68
Самарская область	128016,7	137522,2	9505,46	2912,28	1,89
Волгоградская область	35030,62	37514,35	2483,73	760,97	0,93
Красноярский край	139188,4	148100	8911,57	2730,33	1,55
Саратовская область	47765,7	49325,4	1559,71	477,86	0,60
Республика Коми	67894,18	69923,44	2029,26	621,73	1,00
Пермский край	110790,6	113689,5	2898,96	888,18	0,74
город Санкт-Петербург	234938	240190,4	5252,42	1609,24	0,39
Оренбургская область	124783,7	126380,2	1596,59	489,17	0,62
Челябинская область	36341,54	36755	413,459	126,68	0,10
Ханты-Мансийский АО – Югра	1493447	1502296	8849,02	2711,16	1,40
Итого по регионам РФ	5258876	5364015	105139,5	52569,75	0,65
Источник: Рассчитано по данным отчёта о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ № 1-НМ Федеральной налоговой службы России и отчета об исполнении бюджетов регионов и внебюджетных фондов Федерального казначейства РФ.					

Безусловно, отмеченные изменения зависят от «политической воли» руководства страны и должны быть приняты на федеральном

уровне. Однако это не означает, что органы государственной власти регионов и органы местного самоуправления не имеют рычагов повышения уровня устойчивости бюджетов территорий.

В качестве мер, которые могли бы быть использованы органами власти и управления для повышения уровня собираемости налоговых доходов, является применение финансовых и административных управленческих решений к организациям, имеющим задолженность по уплате налогов в региональные и местные бюджеты с целью ее уменьшения. Можно назвать, например:

- запрет государственной регистрации юридического лица и использования государственных активов организациями, имеющими задолженность по налогам и сборам;

- недопущение организаций, имеющих задолженность, к получению помощи из бюджета (за исключением организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере социальной политики);

- запрет получения государственного заказа и применения льгот по налогам и сборам организациями, имеющими задолженность;

- увеличение штрафов за непредоставление документов по требованию налогового органа и ужесточение уголовной ответственности за неуплату и несвоевременную уплату обязательных платежей.

В условиях отсутствия возможностей по дальнейшему наращиванию налоговой нагрузки на бизнес в стране основные резервы повышения устойчивости бюджетов регионов заключаются в поиске и реализации возможностей роста доходов территориальных бюджетов на основе развития собственных доходных возможностей, повышения эффективности системы налогообложения и управления государственными и муниципальными активами, а также в результате совершенствования бюджетного федерализма (табл. 4). При этом если на развитие доходного потенциала финансовые органы территорий могут повлиять лишь косвенно, а для совершенствования бюджетного федерализма требуется перестройка значимых фрагментов системы межбюджетных отношений, воплощение в жизнь которых всецело находится в компетенции федерального центра, усиление фискальной и мобилизующей функций собственных доходов территорий остается основной возможностью для укрепления доходной части бюджетов регионов.

Таблица 4. Направления роста доходов территориальных бюджетов

Направление	Мероприятия
Рост доходов в результате развития собственных доходных возможностей территорий	<ul style="list-style-type: none"> – задействование резервов роста экономик регионов; – более полное и эффективное использование ресурсной базы территорий; – активное продвижение продукции регионов на внешних рынках, импортозамещение; – создание производств с высокой добавленной стоимостью и высокопроизводительных рабочих мест; – увеличение бюджетных инвестиций в экономику и повышение эффективности бюджетных расходов; – развитие механизма ГЧП, социальной ответственности бизнеса; – привлечение средств федерального бюджета для реализации крупных инвестиционных проектов; – снятие административных барьеров ведения бизнеса; – стимулирование инновационной и инвестиционной активности организаций
Рост доходов в результате повышения эффективности системы налогообложения	<ul style="list-style-type: none"> – выявление серых схем ведения бизнеса, получения теневых доходов физ. и юр. лицами; – выявление фактического наличия имущества и неучтенных объектов, подлежащих налогообложению; – оперативность актуализации базы объектов налогообложения; – отмена неэффективных льгот; – ликвидация задолженности по обязательным платежам в бюджет за счет совершенствования фискальных инструментов
Рост доходов в результате повышения эффективности управления государственными и муниципальными активами	<ul style="list-style-type: none"> – индексация ставок арендной платы за пользование имуществом, находящимся в государственной и муниципальной собственности; – увеличение норматива изъятия в территориальные бюджеты прибыли государственных и муниципальных унитарных предприятий; – увеличение доходов от продажи имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, и от оказания платных услуг (работ), материальных и нематериальных активов, административных платежей и сборов, штрафов и санкций
Рост доходов в результате совершенствования бюджетного федерализма	<ul style="list-style-type: none"> – передача дополнительных отчислений от федеральных налогов и сборов территориям; – увеличение финансовой помощи из федерального бюджета; – полное финансовое обеспечение делегированных территориям расходных обязательств; – отмена возврата остатков неиспользованных целевых трансфертов территорий

Анализ управления устойчивостью территориальных бюджетов позволил выявить значительные резервы ее повышения, которые могут быть получены за счет совершенствования организационно-экономических инструментов. Так, меры по усилению фискальной и мобилизующей функций собственных доходов и стимулирующей функции межбюджетных отношений позволят обеспечить увеличение доходной части бюджетов регионов в размере 2,4-2,5 трлн. руб. (30% доходов бюджетов территорий; табл. 5).

**Таблица 5. Резервы увеличения доходов
территориальных бюджетов РФ, млрд. руб.**

Источник	Оценка
– увеличение дотаций регионам за счет отмены возмещения НДС сырьевым экспортёрам и введения дифференцированного возмещения НДС экспортёрам продукции с низкой степенью обработки;	400-450
– зачисление в полном объёме на подушевой основе с учетом темпов роста собранного на территории регионов налога на прибыль;	350
– изменение порядка распределения налоговых доходов между федеральным и территориальным уровнями бюджетной системы;	52,6
– отмена возврата остатков целевых межбюджетных трансфертов регионов;	44,9
– ликвидация задолженности по налогам и сборам в консолидированные бюджеты регионов;	770,3
– совершенствование налогообложения объектов роскоши;	200-250
– повышение фискальной функции имущественных налогов;	45
– отмена неэффективных налоговых льгот;	53,6
– ликвидация дебиторской задолженности перед бюджетами.	500
Итого	2416,4–2516,4

Предлагаемые меры по совершенствованию управления финансовой устойчивостью доходной базы региональных бюджетов будут способствовать укреплению интересов государственных органов в развитии доходных возможностей и улучшении администрирования налоговых поступлений, более эффективному использованию государственных и муниципальных активов и бюджетных средств, повысят прозрачность и подотчетность бюджетной политики.

Заключение

Устойчивость территориального бюджета является важной неотъемлемой составляющей общей устойчивости территории как системы. Ухудшение состояния бюджетов регионов, произошедшее в последние годы, обусловлено несовершенством проводимой бюджетно-налоговой политики на федеральном уровне, выраженной в сохранении значительной финансовой зависимости территорий от решений федерального центра, росте дефицита ресурсной обеспеченности закрепленных за территориальным уровнем управления и делегированных им расходных обязательств, несвоевременном предоставлении и низком качестве финансовой помощи регионам из федерального бюджета, стремительном ослаблении долговой устойчивости территорий, в т. ч. в результате постепенного замещения трансфертного механизма долговым. Управление устойчивостью территориальных бюджетов на региональном уровне также не является совершенным и требует корректировки.

Для повышения устойчивости территориальных бюджетов имеются значительные резервы. Целесообразным является повышение финансовой автономии территорий за счет передачи дополнительных налоговых доходов из федерального в нижестоящие бюджеты, способствующее усилению стимулирующей функции межбюджетных отношений, активный поиск всех возможных источников мобилизации и легализации налоговых доходов, усиление фискальной функции имущественных налогов, соблюдение жесткой бюджетной дисциплины, повышение мобилизующей функции неналоговых доходов, отмена неэффективных и нецелесообразных налоговых льгот и преференций. Предлагаемые мероприятия позволят укрепить доходную часть территориальных бюджетов, что, в конечном итоге, позволит повысить устойчивость казны территорий, увеличить объем бюджетных капиталовложений, стимулирующих экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметов, Р.Р. Теория и методология обеспечения устойчивости финансового рынка [Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра экон. наук: 08.00.10 / Р.Р. Ахметов. – Казань, 2011. – 38 с.
2. Галухин, А.В. Сбалансированность бюджета как неотъемлемая часть обеспечения его устойчивости [Электронный ресурс] / А.В. Галухин // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 1 (21). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4498>
3. Галухин, А.В. Резервы повышения финансовой самостоятельности регионов [Электронный ресурс] / А.В. Галухин // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 9 (19). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4278>
4. Государственная программа «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 310. – Режим доступа: Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
5. Давыдова, Л.В. Трансформация бюджетной системы в современных условиях : монография [Текст] / Л.В. Давыдова, Т.Л. Рассолова. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. – 216 с.
6. Зубаревич, Н.В. Ржавые скрепы сверхцентрализации [Электронный ресурс] / Н.В. Зубаревич. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/03/rzhavyye-skrepyi-sverhtsentralizatsii>

7. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст] / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
8. Казаковцева, М.В. Методическое обеспечение финансовой устойчивости доходной базы бюджетов субъектов РФ [Текст]: дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.10 / М.В. Казаковцева. – Йошкар-Ола, 2010. – 327 с.
9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. – Режим доступа: <http://strategy2020.ru>
10. Лексин, В.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития [Текст] / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
11. Медведев предложил право регионам вводить собственные сборы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949992419018>
12. Модернизация финансовой сферы России [Текст]: монография / под ред. В.К. Сенчагова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – 304 с.
13. Новая экономическая политика – политика экономического роста [Текст] / под ред. В.В. Ивантера. – М., 2013. – 60 с.
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 03.12.2015 [Электронный ресурс] // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
15. Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года [Электронный ресурс]: Проект Министерства финансов РФ от 22.02.2010. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru>
16. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике [Электронный ресурс]: доклад РАН / под ред. А.Д. Никипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654>
17. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
18. Oates, W. Towards a second generation theory of fiscal federalism [Text] / W. Oates // International Tax and Public Finance. – 2005. – Vol. 12. – №. 4. – P. 349-374.

19. Ulla, P. Assessing Fiscal Risks through Long-term Budget Projections [Text] / P. Ulla // OECD Journal on Budgeting. – 2006. – Vol. 6. – P. 127–187.
20. Weingast, B.R. Second generation fiscal federalism: The implications of fiscal incentives [Text] / B.R. Weingast // Journal of Urban Economics. – 2009. – Vol. 65. – № 3. – P. 279-293.

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА²

Демографические изменения, происходившие в большинстве западных стран в XX веке, не обошли стороной и Россию: на фоне снижающейся смертности населения быстро падала и рождаемость. Повышение ожидаемой продолжительности жизни в России в совокупности с низким уровнем рождаемости привело к тому, что возрастная структура населения страны претерпела значительные изменения: удельный вес детей в общей численности населения стал перманентно сокращаться, тогда как доля людей старше 60 лет – расти. За минувшее столетие удельный вес пожилых в России увеличился почти в три раза (с 6,9% в 1926 г. до 19% в 2013 г.). Если ранее внимание уделялось, прежде всего, изменению численности пожилых людей вообще, то в настоящий момент учеными исследуются проблемы трансформаций внутри самой этой группы. В начале 1970-х годов американские геронтологи Бернис Нейгартен и Этель Шанас впервые выделили группы «молодых пожилых» (the Young Old) и «старых пожилых» (the Old Old) [26]. Позднее английским демографом Питером Ласлеттом был выделен т.н. «третий возраст» [25], который стал новым элементом в традиционном делении жизненного цикла человека и представлял собой своеобразный мост между «взрослой жизнью» и «старостью» («четвертый возраст»). Выделение новых возрастных групп было обусловлено изменением социальных, экономических, психологических и физических характеристик пожилых людей, отражающих трансформационные процессы внутри этой социальной группы.

Качественный аспект демографического старения включает в себя проблему адаптации пожилых людей, вынужденных «перестраиваться» в условиях институциональных трансформаций. Фактически речь идет о повторной (вторичной)



В.Н. Барсуков

¹ Барсуков Виталий Николаевич – аспирант, младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

² Работе присуждена третья премия.

социализации. После выхода на пенсию постепенно сужается круг общения, исчезают прежние социальные роли, значительно снижается экономическая активность. Во многом это связано с изменениями в системе мотивации человека на протяжении жизни. Все эти процессы приводят к тому, что порог выхода на пенсию становится невидимой преградой, разделяющей общество. В данном случае можно говорить о появлении условной субкультуры «старости», которая основывается на чувстве общности пожилых людей и постепенном отдалении от других социальных групп.

На международном уровне проблемы старения населения нашли свое отражение в Мадридском международном плане действий по проблемам старения, принятом консенсусом 12 апреля 2002 года на второй Всемирной ассамблее по проблемам старения [12]. Данный план действий обеспечивает основу для включения обсуждения проблем старения населения в международные дискуссии по вопросам развития и мероприятия по реализации национальных стратегий, отвечающих задаче построения общества для людей всех возрастов. В Плане действий первоочередное внимание уделяется обеспечению того, чтобы вопрос о старении населения стал неотъемлемой частью международной повестки дня в области развития, улучшения здоровья и повышения благосостояния в пожилом возрасте, а также создания благоприятных условий для пожилых людей, способствующих их вторичной социализации и адаптации, а также открывающих перед ними широкие возможности для реализации своего потенциала в различных областях деятельности (экономической, трудовой и т.д.).

В России все чаще осознается тот факт, что в условиях низкой рождаемости интенсивность старения населения будет нарастать. На самом высоком уровне эту проблему затронул президент РФ В.В. Путин, поручивший разработать стратегию совместных действий в интересах пожилых людей, для того чтобы выход на пенсию не снижал социальный статус, а давал дополнительные возможности для активной полноценной жизни [9]. Он подчеркнул, что ключевой задачей является решение проблемы занятости, отметив, что это важно как для повышения доходов людей пенсионного возраста, так и для поддержания в них чувства востребованности. Он добавил, что нужны механизмы повторной интеграции в профессию, программа переобучения востребованным на рынке труда специальностям,

приобретение навыков пользования компьютером и интернетом, повышение финансовой грамотности. Необходимо также адаптировать к потребностям людей пожилого возраста услуги торговли, общепита, связи и транспорта. По мнению президента, такие организационные, просветительские, образовательные задачи должны решаться в основном на региональном и муниципальном уровнях.

Фактическая необратимость процесса старения населения, наряду с увеличением ожидаемой продолжительности жизни, создает ситуацию, когда социально-демографическая категория людей пожилого возраста приобретает все большее значение.

Во-первых, эта группа будет играть все более значимую роль в ключевых аспектах общественного развития. Изменение пропорций социально-демографических групп в структуре населения приведет к трансформации механизма функционирования рынка труда, системы перераспределения общественных благ, ценностных ориентаций общества и т.д.

Во-вторых, лица пенсионного возраста – одна из социально уязвимых категорий населения, и с увеличением их доли в демографической структуре будет усиливаться и актуальность социально-экономических проблем пожилых людей.

В-третьих, на фоне общей тенденции старения населения возникает необходимость продления активного долголетия, для чего необходимо не только создание условий для поддержания здоровья и трудовой активности пенсионеров, но и обеспечение их базовой удовлетворенности условиями жизни (динамикой материального положения, наличием широкого круга социальных связей, возможностью самореализации и т.д.).

Все перечисленные моменты имеют непосредственное отношение и к обеспечению национальной безопасности, и к возможностям повышения эффективности государственного управления.

На пенсию выходят люди, основной период трудовой активности которых пришелся на постсоветский период. Таким образом, уже сейчас необходимо понять, какие тенденции (экономические, демографические, социальные, психологические) существуют среди людей пенсионного возраста, как они оценивают различные стороны качества своей жизни. Это позволит увидеть наиболее проблемные аспекты их положения, выявить и разработать рекомендации для нивели-

рования потенциальных угроз в будущем, эффективно реализовать потенциальные возможности представителей данной социально-демографической категории населения.

Учитывая специфику данного этапа работ, определяемую методологией социологического исследования, уточним, что нами рассмотрены наиболее острые проблемы качества жизни пожилых людей. Таким образом, соблюден основной критерий оценки качества жизни – субъективная удовлетворенность условиями жизнедеятельности.

Объектом исследования выступает население Вологодской области старше 60 лет. Предмет исследования – субъективное качество жизни и социальное самочувствие населения пожилого возраста. Цель данного исследования – провести оценку удовлетворенности качеством жизни и выявить тенденции социального самочувствия граждан пожилого возраста.

Задачи исследования:

- исследовать детерминанты субъективного качества жизни населения пожилого возраста;
- проанализировать тенденции изменения социального самочувствия старшего поколения;
- разработать направления и конкретные рекомендации региональным органам власти, реализация которых будет способствовать повышению качества жизни пожилых людей и использованию их ресурсного потенциала.

Информационная база исследования:

1. Результаты специализированного опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году. Объем генеральной совокупности составляет 427 861 человек. Объем выборки – 1500 человек. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения Вологодской области старше 50 лет (согласно половозрастным показателям статистических сборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Для определения территориальных особенностей в исследовании отдельно выделены два крупных городах – Вологда и Череповец, в отдельную группу вынесены остальные районы Вологодской области. Ошибка выборки по опросу не превышает 4%.

2. Результаты мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.
3. Научные монографии и статьи ведущих ученых в области исследования качества жизни и поведенческих установок пожилых людей.
4. Базы данных Росстата, Всемирной организации здравоохранения, Департамента по социальным и экономическим вопросам ООН.

Опыт социологической оценки качества жизни пожилых людей

Трансформация демографической структуры в России и ряде развитых стран обусловлена старением населения. Увеличение доли пожилых людей неизбежно ведет к изменению социального пространства, увеличению нагрузки на трудоспособное население, финансовым проблемам пенсионной системы. Социум и экономика должны будут адаптироваться к произошедшим изменениям: во-первых, это касается отношения общества к пожилым вообще («концепция старости»), к их роли, месту в социуме и экономике, во-вторых – институциональных и инфраструктурных преобразований, реализующих принципы общества равных возможностей для данной социально-демографической группы.

В контексте вышеизложенного качество жизни приобретает всё большее значение для формирования гуманистической социальной политики в связи с необходимостью адаптации человека к изменившимся условиям существования в пожилом возрасте [5].

Понятие «качество жизни» обычно употребляется для характеристики того, насколько благоприятно складывается жизненная ситуация для тех или иных индивидов как членов определенной социальной группы. В 1970-х годах была разработана концепция «бинарного» качества жизни: качества жизни объективного и качества жизни субъективного [23]. Тем самым было положено начало доминирующему до сих пор пониманию психологического компонента (личностного восприятия) только как субъективной оценки людьми своего качества жизни в целом или отдельных ее аспектов [8]. Критериями объективной оценки качества жизни служат существующие нормативы потребностей и интересов людей, по отношению к которым можно объективно судить о степени удовлетворения этих потребностей и интересов. В данном случае исследуются финансовое положение человека (уровень жизни), состояние его здоровья, жилищные условия, семейное положение и др. С субъективной позиции

под «качеством жизни» понимается то, что каждый человек в процессе жизни приобретает свой собственный жизненный опыт и поэтому разные люди оценивают качество своей жизни по-разному. При этом часто понятие «качество жизни» связывается с понятием «счастье» и «удовлетворенность жизнью» в целом или отдельными ее сферами [8]. В данной статье мы будем придерживаться следующего определения: качество жизни – это социологическое понятие, обозначающее совокупность необходимых и достаточных условий для реализации достойной жизнедеятельности человека в социуме [15]. Оно действует в рамках концепций социальной инклюзии пожилых людей и других категорий населения, общества равных возможностей, не отрицая наличие субъективизма в оценке и восприятии «благополучия» жизни.

Результаты исследования отдельных аспектов качества жизни пожилых людей можно найти в работах Всемирной Организации Здравоохранения [27], Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [28]. Одним из наиболее информативных и научно обоснованных является глобальное исследование Global AgeWatch Index и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю качества жизни и благополучия пожилых людей [24]. Индекс рассчитывается по методике международной неправительственной организации HelpAge International на основе статистических данных и результатов опросов населения, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые аккумулируются в Фонде Организации Объединённых Наций в области народонаселения (ЮНФПА).

Рейтинг основан на статистическом анализе состояния 13 показателей качества жизни и благополучия пожилых людей, объединённых в четыре основные группы:

1. Материальная обеспеченность (доступ к достаточному уровню дохода и способность использовать его самостоятельно для того, чтобы удовлетворить основные потребности в более старшем возрасте). Включает охват пенсионным доходом, уровень бедности в пожилом возрасте, относительное благосостояние пожилых людей и ВВП на душу населения.

2. Состояние здоровья. Включает состояние здоровья, продолжительность жизни после 60 лет и психологическое благополучие.

3. Личный потенциал. Включает уровень занятости, уровень образования и продолжительность активной жизни после 60 лет.

4. Благоприятная социальная среда (пожилые люди хотят иметь свободу выбора, жить независимой и самостоятельной жизнью). Включает социальные связи, физическую безопасность, гражданские свободы и доступ к общественному транспорту.

Согласно данным Global AgeWatch Index в 2015 году лучшей страной для пожилых людей стала Швейцария (90,1 балла). В первую десятку вошли страны Северной (Норвегия, Швеция, Исландия) и Континентальной (Германия, Нидерланды) Европы, а также Канада, США, Великобритания и Япония (табл. 1). Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют, что уровень обеспечения качества жизни пожилых в Европейском Союзе и других развитых странах заметно выше, чем, например, в странах БРИКС.

Таблица 1. Рейтинг и значения Global AgeWatch Index в общем и по отдельным показателям, 2015 г.

Страна		Общий рейтинг и значение		Материальная обеспеченность		Состояние здоровья		Личный потенциал		Благоприятная социальная среда	
		Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение
Страны-лидеры	Швейцария	1	90,1	27	77,3	2	81,3	2	75,0	1	83,7
	Норвегия	2	89,3	2	89,4	16	73,5	1	76,3	4	80,1
	Швеция	3	84,4	7	83,5	12	75,2	5	65,6	6	79,4
	Германия	4	84,3	15	80,9	11	75,6	3	68,4	11	78,6
	Канада	5	84,0	10	82,9	4	80,3	10	61,2	9	78,9
	Нидерланды	6	83,0	5	85,9	13	74,8	12	59,6	5	79,6
	Исландия	7	81,8	4	86,6	8	78,2	18	54,5	10	78,8
	Япония	8	80,8	33	75,1	1	83,9	7	62,7	21	75,0
	США	9	79,3	29	76,3	25	70,1	4	65,7	17	76,8
	Великобритания	10	79,2	14	81,5	27	69,3	20	53,6	3	81,8
...											
Страны БРИКС	Китай	52	48,7	75	39,2	58	46,5	39	37,8	28	71,8
	Бразилия	56	46,2	13	81,5	43	57,4	58	29,9	87	54,6
	Россия	65	41,8	30	76,2	86(!)	27,1	25	48,4	82(!)	55,5
	Индия	71	37,9	72	45,9	87	27,0	55	30,1	52	65,3
	Южная Африка	78	35,0	19	79,5	89	25,9	69	25,9	83	55,0
...											
Страны-аутсайдеры	Мозамбик	94	4,5	84	22,8	94	18,9	94	4,5	96	45,1
	Малави	95	4,1	96	5,6	95	18,8	84	19,0	94	48,4
	Афганистан	96	3,6	83	23,3	96	7,1	91	12,1	95	47,0

Источник: Global AgeWatch Index [Electronic resource]. – Available at: www.helppage.org/global-agematch

В 2015 г. Россия заняла 65-ю строчку рейтинга с результатом в 41,8 балла (табл. 1). Стоит отметить положительные изменения индекса качества пожилых людей: в 2013 году Россия занимала 78-е место с 30,8 баллами. Обращает на себя внимание значительная дифференциация мест России в рейтингах по частным индексам. Так, если по уровню материальной обеспеченности пожилых людей наша страна занимает 30-е место и находится примерно на одном уровне с США, Японией и Швейцарией, то по состоянию здоровья – только 86-е место, находясь в группе наименее развитых стран. Согласно данным Global AgeWatch Index, в России обеспечен высокий уровень образования и занятости пожилых людей (25-е место), но в то же время социальная среда оценивается крайне низко (82-е место).

Таким образом, результаты исследования, проведенного международной неправительственной организацией HelpAge International, позволяют выявить главные проблемы качества жизни пожилых людей в современной России:

- плохое состояние здоровья;
- одиночество, риск социальной изолированности;
- «разрыв» социальных связей.

Не стоит оставлять без внимания тот факт, что статус «пенсионера» с высокой вероятностью предопределяет низкую материальную обеспеченность человека в пожилом возрасте [1]. Так, например, по данным за 2014 год коэффициент замещения (соотношение размера пенсии и средней заработной платы) в России составлял только 36% [21]. Потребность в дополнительном заработке является одной из причин, вынуждающих пожилых людей продолжать работать на пенсии: с 1997 по 2012 год доля работающих пенсионеров по старости возросла с 25,5% до 37,7% соответственно [17]. Существенным фактором роста трудовой активности населения пенсионного возраста является также более высокий уровень образования «новых» пенсионеров.

Однако в данном параграфе будут рассмотрены два других важных компонента качества жизни представителей старшего поколения, а именно состояние здоровья и структура социальных связей. Они оба оказывают прямое влияние как на возможность продолжения трудовой деятельности (что, соответственно, ведет к увеличению покупательной способности пожилых людей и наращиванию пенсионного капитала), так и на социальную активность лиц старшего возраста.

Мировая практика исследования субъективной стороны качества жизни населения подтверждает важность использования социологических методов. Например, изучение качества жизни с помощью опросника SF-36 является общепринятым в мире высокоинформативным, чувствительным и экономичным методом оценки состояния здоровья как населения в целом, так и отдельных социальных групп. Метод позволяет дать количественную оценку характеристик жизнедеятельности человека – его физического, психологического и социального функционирования [14].

В российской науке считают необходимым сочетание объективных и субъективных методов измерения качества жизни (в частности, социологических) такие авторы, как Е. В. Давыдова, А. А. Давыдов, М. Н. Алферова, В. П. Бабинцев, А. А. Белов, А. А. Гармашев, С. В. Заинчковская, М. Ш. Салимов, В. Глатзер, Х. Мор, А. Петручи, С. Шифинди. Социологические методы исследования позволяют оценить важные аспекты восприятия населением собственного благополучия (например, самооценка здоровья, отношения с окружающими, ценностные ориентации т.д.), которые дополняют и восполняют объективные показатели качества жизни.

Учитывая важность использования методов социологии в изучении качества жизни населения, Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2015 году было проведено исследование качества жизни пожилых людей на территории Вологодской области. Опрос осуществлялся методом раздаточного анкетирования. Выборка – квотная по полу и возрасту с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Объем выборки – 1500 человек старше 50 лет, ошибка выборки не превышает 5%. Анкета включала в себя восемь блоков вопросов, позволяющих оценить различные аспекты качества жизни пожилых людей, в том числе состояние здоровья, структуру системы ценностей и социальных связей.

Блок вопросов, направленных на выявление удовлетворенности респондентами состояния своего здоровья, был сформирован на основе стандартного опросника SF-36. Отечественные и зарубежные исследования показывают связь между удовлетворенностью жизнью и высокой самооценкой здоровья: ощущение физического состояния значительно предсказывает удовлетворенность качеством жизни [20]. Полученные в ходе обследования данные свидетельствуют, что только 22% опрошенных оценили свое здоровье как «отличное»

и «хорошее». С возрастом доля положительных оценок населением состояния своего здоровья существенно снижается: с 35% у населения предпенсионного возраста (50-59 лет) до 5,5% у людей в возрасте старше 70 лет.

Несмотря на то, что средняя продолжительность жизни женщин в пенсионном возрасте заметно выше, в оценках состояния своего здоровья они настроены пессимистичней, нежели мужчины (18% и 29% соответственно). Эксперты предполагают, что причинами заниженной самооценки состояния здоровья женщинами являются не только социальные и психологические факторы, но и гораздо более высокая распространенность хронических заболеваний, чем у мужчин, что также оказывает значительное отрицательное воздействие на качество жизни и на формирование самооценки здоровья, несмотря на достаточно высокие показатели ОПЖ [20]. В свою очередь мужчины в возрасте старше 60 лет в гораздо большей степени подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям, чем женщины той же возрастной категории [22].

Женщины чаще мужчин обращаются к услугам врачей: каждая пятая из числа опрошенных бывает на приеме в медицинском учреждении не реже, чем раз в месяц, тогда как среди мужчин – лишь каждый десятый. Вероятно, одной из причин более длительного периода дожития в пенсионном возрасте у женщин является более высокая медицинская активность, что позволяет вовремя принять меры по профилактике и сохранению здоровья.

В анкете респондентам было предложено оценить истинность некоторых утверждений, касающихся состояния их здоровья. Так, каждый пятый из числа опрошенных старше 50 лет (20%) считает, что он более склонен к болезням, чем другие. Женщины склоняются к такому утверждению чаще, чем мужчины (22% и 18% соответственно). С возрастом доля таких людей также увеличивается: если в группе респондентов 50-54 лет их доля составляет 12%, то в группе старше 70 лет – 29%.

Около половины опрошенных (45%) согласились с утверждением, что их здоровье не хуже, чем у большинства знакомых, а каждый пятый (21%) уверен, что по большей части его здоровье можно назвать отличным.

Прогнозируя состояние своего здоровья в будущем, 18,5% респондентов ожидают, что оно ухудшится. Вновь женщины были настроены чуть пессимистичней, чем мужчины (20% и 16% соответственно).

Две трети опрошенных пожилых людей (66%) отметили, что периодически их физическое и эмоциональное состояние мешает им активно общаться с людьми, навещать родственников и т.д. Это еще раз подтверждает тот факт, что неудовлетворительное состояние здоровья представителей старшего поколения является существенным фактором ограничения процесса коммуникации даже с ближайшим окружением, что негативно сказывается на социальных связях и в крайнем случае может стать причиной их десоциализации.

Важным фактором, влияющим на субъективное качество жизни пожилых людей, является сложившаяся в их среде система культурно-нравственных ценностей. Так, мониторинговое исследование общественного мнения, проведенное ИСЭРТ РАН в 2014 г. с применением модели ценностных ориентаций Милтона Рокича, показало, что ценностные установки пожилых жителей области схожи со средне-областными. Хорошее здоровье, материальное благополучие, счастливая семейная жизнь и наличие верных друзей – вот те конкретные терминальные ценности, которые являются наиболее важными, по мнению большинства опрошенных. Существенным же возрастным отличием является меньшая значимость для пожилых людей интересной работы. Это объясняется тем, что для большинства людей на пенсии ценность отдыха превалирует над стремлением продолжить трудовую деятельность, что, вероятно, обусловлено качеством трудовой жизни, параметрами трудовой активности (например, высоким уровнем стресса, нарушением режима труда и отдыха, работой не по призванию, профессиональным выгоранием и др.).

В системе абстрактных ценностей пожилых людей на первом месте стоит жизненная мудрость, которая выражается в зрелости суждений при принятии важных решений. Также более высокие места в сравнении с ценностными установками населения региона в целом занимают альтруистические (забота о счастье других людей) и эстетические (созерцание красоты природы и искусства) ценности. С возрастом система ценностных установок населения меняет ориентир в сторону абстрактных ценностей. Житейская мудрость и альтруистическая направленность являются базой выполнения одной из важнейших функций социальной группы пожилых людей – передачи жизненного опыта молодым поколениям. Выполнение данной функции осуществляется, главным образом, в семейном кругу. Нуклеари-

зация семейных отношений, все больше распространяющаяся в России, снижает возможность родственных коммуникаций, что является фактором риска одиночества и десоциализации пожилых людей [18].

Согласно результатам исследования, в целом пожилые люди отмечают, что они удовлетворены отношениями в семье и с друзьями (67%). Однако, чем старше человек, тем ниже уровень его удовлетворенности. Объясняется это тем, что с возрастом круг общения заметно сужается и очень многие пожилые люди сталкиваются с проблемой одиночества. Согласно данным исследования качества жизни пожилых людей в 2015 году, 9% из числа опрошенных считает себя одиноким, чуть больше 40% респондентов периодически сталкиваются с чувством одиночества. Растет и доля пожилых людей, проживающих в одиночестве: если в возрасте 50-59 лет доля людей, которые живут одни, в среднем составляет 11%, то в возрасте от 60 до 69 лет этот показатель возрастает до 22%. Следующий и наиболее существенный скачок наблюдается после 70 лет, когда доля пожилых, проживающих в одиночестве, возрастает до 37%. Сталкиваются с этим чаще женщины, объяснением чему может послужить то, что в большинстве случаев в пожилых семейных парах мужчины уходят из жизни раньше своего партнера. Однако по большей части одиночество пожилых людей – это системное явление, возникающее под действием того самого невидимого барьера, условно разделяющего жизнь человека на период «до выхода на пенсию» и «после выхода на пенсию». В связи с этим большую важность приобретает наличие регулярного общения и поддержания межпоколенческих связей.

Коммуникативные процессы и социальные связи – важнейшие факторы вторичной социализации пожилых людей. Наше исследование показывает, что чаще всего пенсионерам удается контактировать со своими соседями и детьми (39,5% и 31% респондентов отметили, что удается общаться с ними каждый день). Пятой части опрошенных (21%) удается общаться каждый день со своими внуками. Гораздо реже пожилые люди общаются с другими родственниками (ежедневно с ними на контакт выходят порядка 3,5% пенсионеров), друзьями (7%) и коллегами по работе (10%). Исходя из этого, мы можем заключить, что в основном пенсионеры ограничиваются общением с ближайшим окружением (близкие родственники и соседи) и именно здесь проявляются основные социальные связи пожилых людей.

Еще одним фактором, существенно влияющим на восприятие пожилыми людьми своего субъективного благополучия, является уверенность в том, что они по-прежнему могут быть полезными обществу. Свыше трети опрошенных (36%) считают, что не приносят пользу государству и обществу, в то же время только 28% считают иначе. Однако по отношению к семье свою нужность подчеркивают 78,5% пожилых. Также более половины респондентов (54%) считают, что приносят пользу своим друзьям, коллегам и соседям.

В целом проведенное исследование подтверждает актуальность многих проблем качества жизни, характерных для старших возрастов (низкая оценка состояния собственного здоровья, проблема одиночества, потеря прежних социальных связей). Совокупность этих явлений негативно сказывается на социальном самочувствии и восприятии пожилыми людьми окружающей действительности и собственного благополучия, а в ряде случаев может привести к возникновению ощущения «ненужности» и фрустрации.

Тенденции социального самочувствия населения пожилого возраста

На рубеже XX и XXI веков Россия вышла на новый этап развития, который можно назвать «эпохой преобразований». Общественные перемены этих лет живо отразились на жизненных траекториях и социальных ожиданиях людей, относящихся к разным возрастным группам [4]. Распад СССР, либеральные реформы 1990-х годов, «шоковая терапия», рост преступности, череда пенсионных реформ – все эти события прямо или косвенно повлияли на социальное самочувствие и социальное восприятие населения в целом и на пожилых людей в частности.

Имеющаяся у ИСЭРТ РАН база данных мониторинга общественного мнения позволяет проследить изменения социального самочувствия пожилых людей не только в привязке к конкретным событиям, но и к возрасту. Прежде чем приступить к непосредственному анализу результатов проведенного исследования, следует сделать небольшое методологическое отступление и более подробно взглянуть на то, что представляет из себя мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН и каковы социально-демографические характеристики пожилых людей, которые стали объектом нашего исследования.

ИСЭРТ РАН с 1996 г. проводит в Вологодской области социологические исследования в мониторинговом режиме. С периодичностью 1 раз в 2 месяца опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет. Таким образом, объем выборки в год составляет 9000 человек. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В этом параграфе будут рассмотрены основные тенденции, складывающиеся в динамике социального самочувствия пожилых людей, выражаемые в таких категориях, как социальное настроение, запас терпения, потенциал протеста и т.д., в сравнении со среднеобластными изменениями.

Ключевым показателем социального самочувствия населения является социальное настроение. Данный термин используется в социологии при обозначении преобладающего состояния чувств и умов тех или иных социальных групп в определенный период времени [19]. Социальное настроение выступает интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности и степени ее устойчивости; во многом, а иногда в решающей степени определяет ход социально-экономических и политических процессов [13].

На территории Вологодской области социальное настроение изучается с 1996 года. Для этого респондентам предлагается выбрать один из четырех вариантов ответа на вопрос «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?»: «прекрасное настроение», «нормальное, ровное состояние», «испытываю напряжение, раздражение», «испытываю страх, тоску».

Как показало исследование, динамика социального настроения людей пожилого возраста в целом идентична среднеобластному тренду. Она свидетельствует о том, что все группы населения, в том числе и люди старше 60 лет, постепенно адаптируются к изменившимся после распада СССР условиям существования. Возможно, для пожилых людей этот процесс проходит более затруднительно. Все-таки в своей сознательной, профессиональной жизни они «захватили» большой временной отрезок советской эпохи. И возмож-

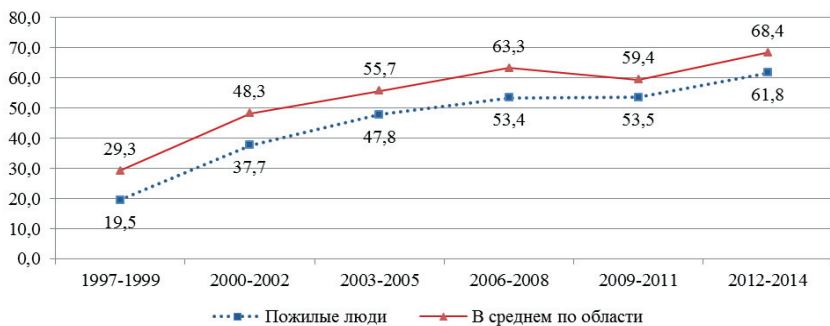


Рис. 1. Социальное настроение населения Вологодской области, %

Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, 1997-2014 гг.

но, именно с этим связан тот факт, что ежегодно доля пожилых людей, характеризующих свое психологическое самочувствие как «нормальное, прекрасное, ровное», на 7 – 10 п.п. ниже, чем в среднем по области (рис. 1).

Несколько иная ситуация наблюдается в тенденциях запаса терпения³ – показателе, который также говорит многое о восприятии людьми своей жизни в целом. В данном случае и динамика, и само значение доли тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить, жить трудно, но можно терпеть», среди пожилых людей и в среднем по области практически совпадают. Это говорит о том, что пожилые люди даже при более отрицательной характеристике своего эмоционального настроения в одинаковой степени со всеми остальными жителями области готовы терпеть условия жизни, которые сложились на настоящий момент (рис. 2). Стабильность высоко ценится всеми слоями населения. Это связано и с тем, что на долю нынешних поколений выпал целый ряд экономических, психологических, культурных катаклизмов, и с тем, что инициатива, желание принимать личное участие в делах страны никогда не были отличительной

³ «Запас терпения» населения определяется долями респондентов, ответивших на вопрос «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?» следующим образом: «Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть» (позитивная оценка), либо «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (негативная оценка).



Рис. 2. Запас терпения населения Вологодской области, %

Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, 1997-2014 гг.

чертой российского менталитета; приоритетное место в нем всегда занимала социальная справедливость, гарантом которой выступает сильное государство.

Третьим показателем, характеризующим социальное самочувствие населения, является характер протестных настроений. В нашем исследовании мы акцентируем внимание не столько на самих протестных выступлениях, сколько на готовности людей принять в них участие. То есть мы изучаем протестный потенциал – эмоциональный настрой, не обязательно тождественный активному социальному поведению [6].

Социальная напряжённость, которая имеет скрытый характер, является самым опасным источником «социального взрыва» [10] и может проявлять себя далеко не только в отношении людей к тем или иным реформам. Существовая на латентном уровне, она создает определенный психологический фон, который может выразиться в процессах и явлениях, совершенно далеких от вопросов политики (например, конфликтогенность межличностного взаимодействия на микроуровне). Такие деформации, воздействуя на глубинные ткани общественных отношений, ослабляют иммунную систему общественного организма, что значительно уменьшает потенциал его сопротивляемости различным угрозам [3].

Институт социально-экономического развития территорий РАН отслеживает основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области в мониторинговом режиме с 1996 г. Контингент протестного потенциала, под которым мы понимаем намерение (склон-

ность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях, составляют респонденты, отвечающие на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» (варианты ответов: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады»).

Подобная постановка вопросов рассчитана на то, что респондент завершает процесс формирования внутреннего психологического настроя, перехода от недовольства, т.е. отсутствия удовлетворённости в отношении предмета исследований, к протестному настроению и, как следствие, к принятию решения об активных действиях по принуждению к изменению в проблемной ситуации. Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся не только соответствующим эмоциональным настроением, но и осознанной мотивацией к личному физическому участию в протестных акциях.

За период с 2000 по 2014 год снижение протестного потенциала отмечается в большинстве социально-демографических категорий населения. Лишь среди лиц старше 55 лет (то есть пенсионеров) характер протестных настроений остается неизменным – 17-18% (табл. 2).

По мнению экспертов Института социологии РАН, вероятность участия в «реальных» массовых протестах пожилых людей в целом выше, чем в других возрастных группах. Это связано не столько с тем, что положение пенсионеров относительно хуже, сколько с тем обстоятельством, что более молодые люди не видят большого смысла в протестах подобного рода и не верят, что с их помощью можно чего-либо добиться [16].

Таблица 2. Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения, %

Категория населения	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Апр. 2015 г.	Изменение (+/-) 2014 г. к	
														1998 г.	2013 г.
Пол															
Мужской	44,1	29,4	36,2	28,3	23,6	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	21,5	-22	+2
Женский	30,4	20,9	28,9	24,8	18,3	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1	18,9	-14	0
Возраст															
до 30 лет	37,0	25,2	34,9	26,0	20,2	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6	20,4	-19	0
30-55 лет	41,5	27,2	33,0	27,3	20,8	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3	20,9	-22	+2
старше 55 лет	27,9	18,0	28,6	25,2	20,9	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3	18,8	-10	+1

Образование															
Н/среднее и среднее	38,4	20,9	22,8	24,3	19,2	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8	20,0	-17	+5
Среднее специальное	37,5	25,9	32,6	26,7	21,0	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2	20,5	-20	-1
Н/высшее и высшее	32,7	22,9	33,6	28,4	20,4	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7	19,7	-16	0
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	45,8	27,5	33,4	29,6	23,9	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4	25,9	-23	+1
60% средне-обеспеченных	34,9	24,6	34,5	26,6	21,2	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3	20,8	-16	+3
20% наиболее обеспеченных	28,8	21,1	28,6	24,0	16,1	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9	13,0	-19	-4
Территории															
Вологда	32,8	24,8	39,8	28,5	21,4	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	23,2	-14	-1
Череповец	34,3	21,1	31,4	23,0	20,3	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	25,7	-12	+5
Районы	39,3	25,9	29,1	27,1	20,6	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	15,2	-23	+1

Что касается анализируемой группы лиц (старше 60 лет), то за последние 17 лет уровень протестного потенциала среди них практически сравнялся со среднеобластным показателем (рис. 3): если в 1997 – 1999 гг. среди всех жителей региона протестные настроения проявляли 35%, а среди пожилых людей – 24% (разница в 11 п.п.), то в 2012 – 2014 гг. удельный вес «протестующих» в среднем по региону и среди лиц старше 60 лет составил по 19%.

Следует учитывать, что большинство пожилых людей по-прежнему относятся к социально незащищенной группе населения с сильной зависимостью от государства. Поэтому любое непопулярное решение правительства, касающееся материального и социального положения людей пенсионного возраста, может стать катализатором протестных настроений внутри группы. К примеру, показательным стал период 2003 – 2005 гг. (рис. 3). Наибольшую роль тогда сыграла монетизация льгот (замена натуральных льгот денежными компенсациями), реализация которой была заметно затруднена многими факторами и которая переросла позднее в массовые акции протеста с участием пожилых людей. В целом за январь-февраль 2005 г. в акциях протеста по всей России приняло участие более 430 тыс. человек. В сравнении с предыдущими несколькими годами общественной пассивности эти акции протеста отличались своим территориальным размахом,

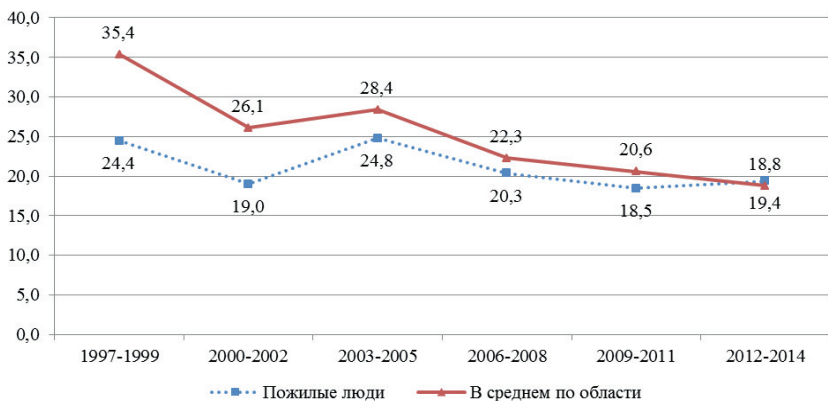


Рис. 3. Протестный потенциал населения Вологодской области, %

Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, 1997-2014 гг.

продолжительностью и решимостью протестующих. По мнению А.И. Кинсбургского, протест пенсионеров положил начало новому контексту социального недовольства, который не ограничивался исключительно экономическими мотивами. В сознании потенциальных протестующих произошел синтез недовольства материально-экономическими условиями жизни и чувства несправедливости сложившихся общественных отношений.

Исследование методов, к которым пожилые люди готовы прибегнуть в борьбе за свои права, показало, что в 2015 г. каждый пятый из числа опрошенных готов при необходимости принять участие в забастовках и массовых акциях протеста, тогда как почти половина (45%) предпочитает отстаивать свои права путем участия в выборах. Территориальные различия выражаются в более высокой электоральной и протестной активности пожилых людей в городской местности.

К наиболее важным проблемам в России люди пожилого возраста, как и население области в целом, относят проблемы экономического характера. На протяжении всего исследуемого периода пожилых людей больше всего беспокоили постоянный рост цен и низкий уровень жизни. Однако если первая проблема становилась с каждым годом все актуальнее, то по второй наблюдалась неравномерная, но все же тенденция к снижению (так, если в 1997 – 1999 гг. низкий уровень жизни в качестве

проблемы выделяли 56,5% респондентов, то в 2012 – 2014 гг. только 45%). Все актуальней становилась другая проблема – расслоение населения по уровню дохода. В период между 1997 – 1999 гг. и 2012 – 2014 гг. доля пожилых людей, отмечавших эту проблему как одну из наиболее важных, увеличилась на 17 п.п. (24% и 41% соответственно). Можно сделать вывод о том, что пожилых людей все больше беспокоит размер собственного дохода в сравнение с другими группами населения, возникают сомнения относительно справедливости его распределения.

Также пожилые люди на протяжении всего периода исследования выделяли как одну из наиболее важных проблему социальной незащищенности. Согласно исследованиям Института социологии РАН, статус пенсионера с высокой вероятностью предопределяет попадание в бедность: более половины хронически бедных являются пенсионерами, а 14% пенсионеров говорят, что находятся в состоянии бедности не менее трех лет [1]. Несмотря на проводимые индексации пенсионных выплат, группа неработающих пенсионеров характеризуется повышенными рисками бедности, соответственно, государственную помощь в этом направлении сокращать нельзя.

Таким образом, анализ социального самочувствия лиц пожилого возраста позволяет сделать два вывода:

1. В данной социально-демографической категории населения происходят те же социально-психологические процессы, что и во всем обществе, а именно – процессы адаптации к изменившимся после распада СССР условиям жизни.

2. Тем не менее, вследствие специфических особенностей (физиологических, психологических, социальных) людей пожилого возраста адаптационные процессы в данной группе происходят значительно медленнее, чем среди всего населения. Люди старше 60 лет более негативно характеризуют свое настроение, с 2006 – 2008 гг. среди них практически не изменяется доля тех, кто проявляет протестные настроения (18 – 20%).

Чревато это в первую очередь тем, что негативные оценки социального самочувствия оказывают влияние на восприятие пожилыми людьми социально-экономических и общественно-политических процессов, происходящих в обществе, а также на то, как люди оценивают окружающие их условия жизни: начиная с собственных бытовых условий проживания и заканчивая отношением к ситуации в стране и за ее пределами.

Заключение

С одной стороны, старение населения влечет за собой немало негативных последствий для общества (ухудшение трудовой структуры населения, увеличение демографической нагрузки и нагрузки на социальную инфраструктуру и т.д.), с другой – пожилые люди обладают огромным жизненным опытом и ресурсными возможностями, которые можно и нужно воплощать в социальной и экономической сферах общественной жизни. К положительным моментам стоит отнести рост трудовой и экономической активности пенсионеров, повышение уровня образования. Тем самым подтверждается тот факт, что социальная группа пожилых людей в дальнейшем будет играть все большую роль, и уже в ближайшем будущем она станет одним из важнейших ресурсов развития России [20]. Ресурсный потенциал старшего поколения – это качественные характеристики индивида, значимые для него лично и дающие возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества [7]. Однако для эффективного использования ресурсного потенциала населения пожилого возраста необходимо учитывать наиболее острые проблемы качества жизни, характерные для социально-демографической группы пожилых людей. На решение этих проблем должны быть направлены усилия органов власти по разработке и реализации мер по направлениям, приоритетными из которых, на наш взгляд, являются:

- совершенствование системы и принципов социального обслуживания пожилых людей с целью обеспечения достойных условий существования, улучшения здоровья. Необходимо сделать акцент на продвижении среди населения идей здоровьесберегающего (самосохранительного) поведения [11]. На наш взгляд, это направление может быть реализовано через принятие на федеральном и региональном уровнях концепции активного долголетия, целью которой является формирование личной ответственности человека за собственное здоровье, а также знаний и навыков долгой и активной жизни;

- разработка эффективных и менее затратных способов работы с людьми старшего возраста. В условиях постоянно растущей доли пожилых людей расходная часть по многим статьям федерального и регионального бюджетов также будет увеличиваться (в том числе и на социальное обслуживание). В этом случае одним из направле-

ний усовершенствования может стать постепенный переход к осуществлению ухода за пожилыми на дому. Поддержка внутри семьи и родственные связи имеют важнейшее значение для пожилых людей, поэтому государственная поддержка может быть направлена на укрепление семейных отношений. Требуется рассмотреть возможность предоставления преференций людям, которые ухаживают за своими престарелыми родственниками: например, организовать гибкий график работы, либо материально компенсировать часть потенциально возможного заработка;

– создание благоприятных условий, способствующих вторичной социализации людей пожилого возраста, что заметно сократит период адаптации пенсионеров к новым для них условиям. Эти меры должны осуществляться посредством налаживания процесса коммуникации между пожилыми людьми и другими возрастными группами населения (как на уровне всего общества, так и на уровне семьи) с целью недопущения социальных и культурных «разрывов» между ними. Эту функцию могут выполнять культурно-досуговые центры для пожилых людей, которые, как показывает успешный опыт работы такого учреждения в г. Вологде (центр «Забота»), способствуют ресоциализации представителей старшего поколения и поддержанию ими активного образа жизни;

– внедрение геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми: медицинских работников, преподавателей, профессионалов в реакционной сфере, сфере досуга. Специфика работы с пожилыми людьми требует соответствующих навыков и умений и должна быть направлена на поддержку эмоционального благополучия для профилактики и регулирования одиночества, идентичности, социальных отношений и участия в жизни общества.

Одно важное заключительное замечание: современные условия требуют пересмотра социокультурной парадигмы пенсионного возраста и пенсии. Часть людей отправляется на заслуженный отдых, часть продолжает работать, но вне зависимости от выбранной деятельности пенсионный возраст становится невидимой границей, условно отделяющей пожилых людей от остальной части общества. После выхода на пенсию постепенно сужается круг общения, исчезают прежние социальные роли. В данном случае можно говорить о

появлении условной субкультуры «старости», которая основывается на чувстве общности пожилых людей и постепенном отдалении от других социальных групп. Поэтому необходимо выстраивать такую систему межпоколенческих отношений, когда пенсионный возраст не будет иметь принципиального значения в процессе коммуникации между людьми, в формировании социальных групп и перераспределении общественных благ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедность и бедные в современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2014. – 304 с.
2. Бедность и бедные в современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2014. – 304 с.
3. Белёвский О.А. Современный социальный конфликт как угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] / О.А. Белёвский // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/01/5517>
4. Беляева, Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России [Текст] / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 31-41.
5. Дворецкий, Л.И. Качество жизни пожилого человека [Текст] / Л.И. Дворецкий // Руководство по геронтологии и гериатрии: в IV т. / под ред. акад. РАМН, проф. В.Н. Ярыгина, проф. А.С. Мелентьева. – Т. II. Введение в клиническую гериатрию. – Часть I. – Глава 11. – М., 2005. – С. 154-160.
6. Дементьева, И.Н. Потенциал протеста как форма проявления социального капитала [Текст] / И.Н. Дементьева // Проблемы развития территории. – 2012. – № 6. – С. 104-114.
7. Доброхлеб, В.Г. Старение населения как фактор модели демографического перехода на примере современной России [Текст] / В.Г. Доброхлеб // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 67-73.
8. Зарковский, Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие [Текст] / Г.М. Зарковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
9. Заседание президиума Госсовета по вопросам развития системы социальной защиты, г. Воронеж, 5 августа 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20140805/1018919448.html#ixzz3ONXEhkDT>
10. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 18-32.

11. Калачикова, О.Н. Факторы риска в сфере общественного здоровья: образ жизни [Текст] / О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 108-123.
12. Мадридский международный план действий по проблемам старения [Электронный ресурс]: Принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, 8-12 апреля 2002 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml
13. Морев, М.В. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности [Текст] / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территории. – 2014. – № 4. – С. 48-66.
14. Новик, А.А. Руководство по исследованию качества жизни в медицине [Текст] / А.А. Новик, Т.И. Ионова. – М., 2007. – 320 с.
15. Панкратова, Е.В. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона [Текст]: автореф ... дис. канд. соц. наук. – Нижний Новгород: ННГУ, 2008. – 27 с.
16. Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов [Электронный ресурс]: аналитический доклад Института социологии РАН, 2009. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Povsednevnost/Rossiyskaya_povsednevnost_Analitchesky_doklad.pdf
17. Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm
18. Синельников, А.Б. Трансформация семейных отношений и её значение для демографической политики в России [Электронный ресурс] / А.Б. Синельников // Демографические исследования. – № 5. – 2006. – Режим доступа: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683
19. Социологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/815>
20. Старшее поколение и будущее [Текст]: монография / под научным ред. чл.-корр. Н.М. Римашевской. – М.: Экономическое образование, 2014. – 212 с.
21. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
22. Шабунова, А.А. Причины и факторы распространения сердечно-сосудистых заболеваний в Вологодской области (по данным исследования ЭССЕ-РФ) [Текст] / А.А. Шабунова, Л.Н. Фахрадова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1 (37). – С. 134-149.
23. Andrews, F.M. Social indicators of well-being [Text] / F.M. Andrews, S.B. Witney. – N.Y.: Plenum, 1976.

24. Global AgeWatch Index [Electronic resource]. – Available at: www.helpage.org/global-agemwatch/
25. Laslett, P. A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age [Text] / P. Laslett. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1989. – 213 p.
26. Neugarten, B.L. Age groups in American Society and the Rise of the Young Old [Text] / B.L. Neugarten // Political Consequences of Aging, Annals of the American Academy of Social and Political Science. – 1974. – № 415. – P. 187-198.
27. World Health Organization. Global Health Observatory Data Re-pository [Electronic resource]. – Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
28. World Population Ageing 2013 [Electronic resource]. – Available at: [ST/ESA/SER.A/348.http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml](http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА

Введение

В последние годы вопросы стратегического планирования в управлении народным хозяйством в различных отраслях и на различных уровнях приобретают всё большую значимость. Не является исключением и планирование развития трудовых ресурсов. Стратегическое планирование рынка труда в современной России осуществляется в условиях рыночной экономики, с поправкой на конъюнктуру спроса и предложения, что не было характерно для советского периода, а потому мы можем сказать, что как инструмент государственного управления оно носит инновационный характер и от его достоверности и обоснованности может зависеть ход модернизационных процессов.

Целью настоящего исследования является оценка качества стратегического планирования трудовых ресурсов на региональном уровне. Для реализации этой цели поставлены следующие задачи:

1. Анализ стратегического планирования трудовых ресурсов Вологодской области. Решение этой задачи включает в себя анализ Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 г. как основного документа, планирующего функционирование рынка труда.

2. Выявление основных проблем, присутствующих в ней.

3. Определение направлений совершенствования стратегического планирования трудовых ресурсов в регионе.

Информационной базой для исследования послужили научные труды российских и зарубежных авторов, материалы официальной статистики, нормативно-правовые акты и стратегические документы различных уровней.

В исследовании применяются общенаучные методы, математические методы (индексный метод, ранговое распределение).



А.М. Панов

¹ Панов Александр Михайлович – аспирант, инженер-исследователь ИСЭРТ РАН, лауреат конкурса НИР.

Стратегическое планирование трудовых ресурсов на региональном уровне (на примере Вологодской области)

На сегодняшний день наука и государственная власть сходятся в том, что успешная модернизация экономики требует реставрации и адаптации к современным реалиям института государственного стратегического управления социально-экономической системой, частью которого является планирование. Не вызывает сомнений и то, что одной из важнейших компонент современной экономической системы является рынок труда, обеспечивающий воспроизводство населения и развитие народного хозяйства. В условиях значительной региональной экономической дифференциации, характерной для современной России, высокую значимость приобретает стратегирование на уровне субъектов федерации. В связи с этим возникает необходимость в развитии и дополнении стратегических документов, принятых на национальном уровне региональными и муниципальными стратегиями. На сегодняшний день стратегии развития трудовых ресурсов и охраны труда на период разработаны во многих регионах страны. В Вологодской области основные направления развития рынка труда определяются Стратегией развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года².

Однако, как указывает Н. Д. Кондратьев, активизация работы по составлению планов ещё не гарантирует их осуществления³. На данном этапе развития экономики и государственного управления существует риск многих стратегических ошибок и недочётов, могущих неблагоприятно отразиться на экономическом развитии и затормозить процессы модернизации.

Цель данной части работы – выявление направлений по совершенствованию стратегического управления региональным рынком труда. Для реализации этой цели поставлены следующие задачи:

1. Анализ основных направлений развития рынка труда, предлагаемых в Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области

² О Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 23.12.2013 № 1349 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

³ Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н.Д. Кондратьев; международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; ред. колл.: Л.И. Абалкин и др.; сост. Ю.В. Яковец. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – С. 567.

до 2020 года (далее – Стратегии), и оценка обоснованности данных направлений, их обусловленности условиями рынка труда региона.

2. Определение проблем, существующих в сфере стратегического планирования трудовых ресурсов в регионе.

3. Внесение предложений по корректировке выявленных проблем.

При анализе некоторых тенденций рынка труда (уровень безработицы, производительность труда, заработная плата), мы сочли нужным сравнить Вологодскую область, Северо-Западный федеральный округ и Российскую Федерацию для оценки относительных преимуществ и недостатков рынка труда Вологодчины.

В предыдущей части работы были названы основные этапы планирования: 1) выработка миссии; 2) анализ среды; 3) выбор стратегии; 4) реализация стратегии; 5) оценка и контроль. Данное исследование предусматривает анализ первых трёх компонентов, поскольку стратегия ещё не реализована и, соответственно, итоговый контроль также является преждевременным.

Миссия, или основная цель Стратегии изложена в её «Общих положениях» и состоит в обеспечении экономики региона востребованными квалифицированными кадрами⁴. В документе данная миссия получает развитие в экономико-теоретических терминах спроса и предложения. Так, согласно Стратегии, рынок труда должен обеспечивать: 1) эффективное удовлетворение потребностей (спроса) работодателей в трудовых ресурсах; 2) эффективное использование труда (предложения рабочей силы); 3) эффективное распределение трудовых ресурсов по видам экономической деятельности и видам занятости; 4) реализацию права на труд и социальную защиту населения; непрерывный процесс воспроизводства рабочей силы. Такая миссия представляется обоснованной и осуществимой, поскольку она соответствует назначению рынка труда: первые три пункта соответствуют его экономическому назначению, поскольку направлены на установление баланса между спросом и предложением, а также повышением эффективности использования рабочей силы, четвёртый пункт реализует социальное назначение (повышение благосостояния населения и его воспроизводство, реализация конституционных прав).

⁴ О Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 23.12.2013 № 1349 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

В Стратегии рассматриваются тенденции рынка труда Вологодской области, по их результатам можно выделить следующие основные проблемы:

1. Сокращение численности населения на 2%: с 1219,8 тысяч человек (в 2008 г.) до 1196,2 тыс. чел. (в 2013 г.) при сокращении населения трудоспособного возраста на 6,1% и увеличении численности населения младше трудоспособного возраста – на 4,4%, старше трудоспособного возраста – на 6,6%.

2. Ухудшение условий охраны труда. Удельный вес работающих во вредных и опасных условиях труда возрос с 39,5% в 2008 г. до 46,3% в 2012 г.

3. Сокращение за 2008 - 2012 гг. численности экономически активного населения на 21,2 тыс. чел., или на 3,2%, до 640,3 тыс. чел. при том, что уровень экономической активности населения увеличился на 0,9 п. п. до 69,9%.

4. Сокращение численности занятых на 3,9% – с 613704 человек в 2007 году до 589943 человек в 2011 г. При этом уровень занятости изменился незначительно, уменьшившись на 0,3 п. п. до 65,9%.

5. Увеличение численности безработных граждан на 10 тыс. чел., или на 37%, до 37 тыс. чел. в 2012 г. Рост уровня безработицы на 1,7 процентного пункта до 5,8% в 2012 г.

При этом основной проблемой, характерной для рынка труда Вологодской области, назван уровень безработицы, при этом подчёркивается её структурный характер, вызванный недостаточной профессиональной мобильностью, и несоответствие трудовых ресурсов региона требованиям рабочих мест, предъявляемым работодателями.

Авторы Стратегии указывают, что в регионе наблюдается сокращение квалифицированных специалистов сельского и лесного хозяйства и рабочих промышленности. К 2013 г. численность занятых на совокупном рынке труда сократилась, главным образом, за счёт оттока рабочей силы из ряда отраслей народного хозяйства: промышленности, сельского и лесного хозяйства, строительства, операций с недвижимым имуществом.

В период с 2007 по 2013 г. наибольшее сокращение численности занятых наблюдалось в следующих отраслях экономической деятельности: сельское хозяйство (13,7 тыс. человек, или 19% от числа занятых в отрасли); обрабатывающие производства (34,5 тыс. чел, или

24%); операции с недвижимым имуществом и аренда – 11, 4 тыс. чел., или 35%); строительство (9,1 тыс. чел., или 19%).

Безработица в Вологодской области во многом определяется высвобождением рабочей силы. За рассматриваемый период удельный вес высвобожденной рабочей силы в общем числе безработных колебался в пределах от 12 до 40% (среднее значение – 25%; медианное значение – 23%). Наименьшая доля высвобожденных работников наблюдалась в предкризисный период, когда конъюнктура рынка труда достигла своего пика. Однако уже в следующем году доля высвобожденных работников достигла своего максимума (40%). Этот процесс сопровождался ростом числа безработных до 52 тысяч человек и увеличением уровня общей безработицы до 8%. В остальные годы удельный вес высвобожденной рабочей силы колебался в пределах 21-26%. Таким образом, безработица в Вологодской области подвержена значительному влиянию общеэкономической конъюнктуры.

Следует отметить ещё один немаловажный аспект. При детальном рассмотрении структуры занятости и указании на характер безработицы в Стратегии не указывается тенденция роста молодёжной безработицы (удельного веса лиц моложе 30 лет в общей численности безработных), характерная для Вологодской области (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес занятых в возрасте до 30 лет в общей численности безработных, %, проранжировано по 2013 г.

Территория	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013, к 2007, тыс. чел.
Республика Карелия	43,8	39,4	40,6	37,2	28,6	-15,2
Новгородская область	39,6	37,6	36,8	38	31,2	-8,4
Архангельская область	47	39,9	40,6	46,4	32,8	-14,2
Псковская область	40,8	34,1	39,8	38,8	34,4	-6,4
Мурманская область	37,7	50,7	40,9	43,5	34,8	-2,9
Республика Коми	39,9	42,7	40,2	42,3	36,3	-3,6
Ленинградская область	38,9	37,2	43,5	43,1	37,1	-1,8
г. Санкт-Петербург	58,4	45,6	39,5	35,4	39	-19,4
Вологодская область	22,5	43,9	45	38	39,6	17,1
Калининградская область	37,5	32,7	37,4	37,1	39,7	2,2

Российская Федерация	43,2	42,4	42,1	43,1	41,2	-2
Северо-Западный федеральный округ	42,3	40,9	40,7	40,2	35,9	-6,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2008: стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 129-130; Регионы России. Социально-экономические показатели 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 134-135; Регионы России. Социально-экономические показатели 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 130-131; Регионы России. Социально-экономические показатели 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 114-115; Регионы России. Социально-экономические показатели 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 128-129; Регионы России. Социально-экономические показатели 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 118-119; Регионы России. Социально-экономические показатели 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 98-99.

Уровень молодёжной безработицы демонстрирует тенденцию к снижению, причём в большинстве регионов Северо-Запада она выражена сильнее, чем в целом по России. Так, в 2013 г. молодёжная безработица в России составляла 41,2% (сократившись с 2007 г. на 2 п.п.), тогда как в Северо-Западном федеральном округе – 35,9% (сократившись на 6 п. п.). За период с 2007 по 2013 г. молодёжная безработица в большинстве регионов СЗФО также сокращалась в пределах от 2 до 20 п. п. Исключениями являются Калининградская область, в которой данный показатель возрос на 2 п. п., и Вологодская область, выбивающаяся из общей тенденции, – рост уровня молодёжной безработицы в ней являлся беспрецедентным и составил 17 п. п. Следует отметить, что в 2007 г. среди всех регионов СЗФО Вологодская область демонстрировала наиболее низкий уровень молодёжной безработицы, однако уже к 2013 г. она занимала вторую позицию после Калининградской области.

Таким образом, безработица в Вологодской области имеет выраженный возрастной характер, ситуация имеет тенденцию к ухудшению. Молодёжная безработица может иметь для экономики ряд неблагоприятных последствий. С демографической точки зрения она угрожает миграционным оттоком молодёжи, связанным с невозможностью устроиться на работу в своём регионе. Молодежь обладает повышенным уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, способностью приспосабливаться к новым условиям окружающей среды [7, с. 102]. Эти качества являются преимуществом молодого поколения на рынке труда, однако они же могут стимулировать молодых людей поменять место жительства в целях перемены работы. В то же время регион, как было сказано выше, переживает сокращение населения в трудоспособном возрасте и нуждается в трудовых ресурсах. Дополнительным фактором, способствующим оттоку мо-

лодѣжи из региона, является оплата труда, которая в Вологодской области относительно низкая (табл. 2).

По состоянию на 2013 г. Вологодская область находится на седьмом месте по уровню оплаты труда среди 10 регионов Северо-Запада. Следует отметить, что за период с 2007 по 2013 г. область демонстрирует самую низкую динамику роста оплаты труда – 8%, тогда как её средний рост по регионам СЗФО – 24%. Отметим, что до 2005 года заработная плата в Вологодской области, выраженная в относительных ценах, была выше, чем в среднем по России и СЗФО.

Таблица 2. Среднемесячная начисленная заработная плата в регионах Северо-Западного Федерального округа, в рублях, в ценах 2014 г.

Территория	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г., к 2007 г., %
Мурманская область	35035	39201	41344	43658	45005	128
г. Санкт-Петербург	34582	37616	38672	40365	41794	121
Республика Коми	32636	34439	35650	39553	40830	125
Архангельская область	28785	31480	31294	34455	35338	123
Ленинградская область	27341	29655	31279	32632	33626	123
Республика Карелия	28733	30746	29522	30952	31278	109
Вологодская область	25991	26033	26413	27262	28146	108
Калининградская область	23946	23818	25810	25940	27716	116
Новгородская область	20800	22656	24561	25991	26519	127
Псковская область	19380	21044	21707	23006	22794	118
Российская Федерация	26959	29077	30656	32476	33393	124
Северо-Западный федеральный округ	29759	32038	33927	35647	36943	124

Регионы России. Социально-экономические показатели 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 167-168; Регионы России. Социально-экономические показатели 2014: стат. сб. / Росстат – М., 2014. – С. 135-136; Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>; Расчёты автора.

Так, в 2004 г. занятые в экономике Вологодской области получали в среднем 22702 рубля в ценах 2014 года, тогда как среднемесячный заработок в среднем по России составлял 19826 рублей, в среднем по территориям Северо-Западного Федерального округа – 21899 рублей. Мы наблюдаем отставание Вологодской области от России и регионов СЗФО по оплате труда, вызванное низкими темпами её роста. Ценовой фактор, в сочетании с трудностями в поиске работы, может способствовать усилению оттока молодѣжи из региона. В неблагоприят-

ных демографических условиях это может нанести дополнительный урон экономике и воспрепятствовать модернизационным процессам в Вологодской области.

Однако, независимо от характера безработицы (структурного, конъюнктурного, технологического и т. д.), масштаб социально-экономической проблемы (потери от недопроизведённого валового регионального продукта, деградация человеческого капитала, обеднение населения, рост бюджетных затрат на меры социальной поддержки уязвимых слоёв населения) определяется в конечном итоге её уровнем. При этом уровень безработицы в Вологодской области был и остаётся близким к среднероссийскому (табл. 3).

**Таблица 3. Уровень общей безработицы в регионах СЗФО, %
(проранжировано по 2013 г.)**

Территория	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
г. Санкт-Петербург	2,1	2,0	4,1	2,6	2,0	1,1	1,5
Ленинградская область	4,0	6,0	7,2	5,2	4,3	3,3	4,3
Новгородская область	5,3	5,0	6,4	5,6	5,0	4,2	4,8
Калининградская область	3,5	8,8	10,9	10,2	9,1	7,4	5,7
Архангельская область	5,6	7,0	7,2	7,0	5,9	5,3	6,0
Вологодская область	4,1	5,9	7,9	7,8	7,3	5,8	6,1
Псковская область	4,9	6,7	11,0	9,6	9,2	6,6	6,8
Республика Коми	10,1	7,4	11,8	10,1	8,2	6,3	7,0
Мурманская область	6,6	6,9	7,7	8,6	8,7	7,6	7,3
Республика Карелия	6,3	8,3	10,1	9,2	8,3	7,0	8,2
Российская Федерация	6,1	6,3	8,4	7,3	6,5	5,5	5,5
Северо-Западный федеральный округ	4,2	5,2	7,0	5,9	5,1	3,9	4,3

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели 2010: стат. сб. / Росстат – М., 2010. – С.126-127; Регионы России. Социально-экономические показатели 2014: стат. сб. / Росстат – М., 2014. – С. 94; Расчёты автора.

В 2013 г. Вологодская область занимала по уровню общей безработицы 6 позицию среди 10 регионов Северо-Западного Федерального округа и 55 среди 83 регионов России. Фактически уровень безработицы в 5,8% говорит о небольшой разбалансированности рынка труда и не является конкурентным недостатком для области. Соответственно, и экономические потери от недопроизведённого продукта, вызванного безработицей, не являются специфической проблемой Вологодчины и также характерны для других регионов Северо-Запада России. Это не означает, тем не менее, что уровень безработицы

не нужно контролировать: ситуация в крупных городах (Вологда, Череповец) может существенно отличаться от положения сельских территорий. Однако, по нашему мнению, проблема безработицы не является наиболее критичной для вологодского рынка труда, а её уровень не относится к относительным конкурентным преимуществам или недостаткам.

Ещё одним аспектом, обсуждаемым в Стратегии, является производительность труда. Согласно Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 г., в период с 2007 по 2011 г. производительность труда в регионе увеличилась на 2%. В соответствии с расчётами, применяемыми в настоящем исследовании, производительность труда в этот период сократилась на 5%, а к 2012 г. вернулась к уровню 2007 г., таким образом, значимого роста не наблюдалось (табл. 4).

Таблица 4. Валовой региональный продукт в расчёте на одного занятого в экономике Вологодской области, в ценах 2012 г.

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
в рублях	613101	592868	516388	545823	583484	611491
% от уровня Северо-Западного федерального округа	90	83	76	77	78	79
% от среднероссийского уровня	93	85	80	81	82	83
Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 351-352, 355-356; Регионы России. Социально-экономические показатели 2014: стат. сб. / Росстат – М., 2014. – С. 70-71, 347-348, 351-352; Расчёты автора.						

Разница в результатах расчётов может быть объяснена расхождениями в методике, применяемой в Стратегии и настоящем исследовании⁵. Не претендуя на точность наших расчётов, заметим, однако, что и двухпроцентный рост производительности труда (рассчитанный авторами Стратегии) является недостаточным для инновационного развития экономики и фактически равносителен стагнации. Тем не менее картина, которая представляется при оценке изменения производительности труда относительно регионов Северо-Западного федерального округа и России в целом, оказывается ещё менее благоприятной для области: за рассматриваемый период уровень производительности труда сократился на 10 п.п. относительно

⁵ В настоящем исследовании расчёты представлены в ценах 2012 г., тогда как Стратегия представляет производительность труда в ценах 2007 г.

среднего по стране (с 93% до 83%) и 11 п. п. относительно Северо-Западных регионов (с 90 до 79%). Заметим, что в 2000 г. Вологодская область опережала эти территории по производительности труда (110% от среднероссийского уровня и 108% от уровня СЗФО).

Таким образом, в регионе складывается устойчивая тенденция отставания производительности труда от субъектов Северо-Западного федерального округа и страны в целом. Такие тенденции несовместимы с инновационным развитием экономики: они приведут к относительному, а в худшем случае и фактическому сокращению заработной платы и, как следствие, оттоку трудовых ресурсов из региона. Представляется, что проблема производительности труда в регионе стоит более остро, чем проблема безработицы, и могла бы быть рассмотрена в Стратегии.

Документ содержит SWOT-анализ, однако многие его положения не следуют из обзора ситуации на рынке труда, представленной в предыдущих разделах документа. Это, например, относится к снижению обеспечения учреждениями культурного типа, низким заработным платам в бюджетной сфере, дисбалансу между системой образования и потребностями рынка труда и др. А рост заработной платы, обозначенный в числе сильных сторон, не обеспечивает конкурентоспособность рынка труда Вологодской области среди остальных Северо-Западных регионов России по причине низкого уровня и недостаточных темпов роста.

От аналитической части авторы документа переходят к этапу выбора стратегии и представляют три сценария развития трудовых ресурсов: инерционный, инновационный, и модернизационный.

При этом в качестве основы для регулирования рынка труда предполагается модернизационный сценарий, основная идея которого состоит в совершенствовании механизмов планирования, прогнозирования и государственного управления трудовыми ресурсами. Следует отметить, что это единственный сценарий, включающий в себя повышение производительности труда (несмотря на то, что авторы Стратегии констатируют рост производительности труда и не относят ситуацию с ней к проблемам области). Однако, по нашему мнению, каждый из этих сценариев представляет одностороннее видение перспектив регионального рынка труда – ни один из них не отвечает проблемам, существующим на рынке труда Вологодской области.

Инерционный сценарий предполагает преимущественно усиление социальной поддержки безработных, то есть интенсификацию социальной функции государства, однако экономические перспективы и кризисные угрозы региона при этом игнорируются. Ни применения инновационных механизмов государственного управления, ни разработки механизмов повышения производительности труда не предполагается, а в условиях межрегиональной конкуренции за рабочую силу это может означать дальнейшее отставание рынка труда Вологодской области от прочих территорий Северо-Запада России и страны в целом по оплате и производительности труда, неконтролируемую безработицу и, как следствие, – усиление оттока трудовых ресурсов. Поддержание занятости, согласно этому сценарию, основано на создании экономических кластеров [11], однако напрямую с регулированием рынка труда это не связано.

Инвестиционный сценарий предполагает повышение эффективности реализации программных инструментов, усиление связи между рынком труда и системой профессионального образования, совершенствование координации между органами власти различных уровней, однако не включает социальную компоненту. Кроме того, этот сценарий предполагает принятие мер по привлечению рабочей силы из зарубежных стран. Однако, по нашему мнению, такой способ увеличения числа рабочей силы не подходит Вологодской области. Это обусловлено тем, что крупные очаги миграции, как правило, образуются в либо крупных экономических и финансовых центрах (поскольку характеризуются высокой заработной платой и привлекают больше рабочей силы), либо располагаются на приграничных территориях, что является фактором доступности для трудовых мигрантов. Вологодская область, однако, не располагает ни одной из этих характеристик: географически регион удалён от границы, к тому же, расположен вблизи территорий с более высокой оплатой труда (что было рассмотрено выше). Соответственно, в Вологодской области восполнение дефицита рабочей силы за счёт иностранных граждан может быть затруднительно. Кроме того, нецелесообразным, на наш взгляд, является лейтмотив инвестиционного сценария, поскольку предполагает обеспечение области трудовыми ресурсами, не учитывая необходимость обеспечения населения рабочими местами, которое может быть актуальным в условиях экономических кризисов.

Модернизационный сценарий предполагает усиленное развитие государственного регулирующего начала, действие с учётом состояния и тенденций экономической конъюнктуры, а также реализацию таких мер, как активизация человеческого капитала и повышение производительности труда. Как и авторы Стратегии, мы придерживаемся мнения, что именно этот сценарий в наибольшей мере отвечает проблемам рынка труда Вологодской области. Вместе с тем модернизационный сценарий не предполагает активного взаимодействия между рынком труда и системой образования, что могло бы снизить роль структурной компоненты безработицы и таким образом снизить её общий уровень. Кроме того, этот сценарий не рассматривает совершенствование системы социального обеспечения безработных, уровень которого представляется неудовлетворительным. Величина пособия по безработице не индексируется с 2009 г., что приводит к значительному обесцениванию социальной защиты населения (табл. 5).

Таблица 5. Размер пособия по безработице в Вологодской области

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
В текущих ценах							
Минимальный размер	720	781	850	850	850	850	850
Максимальный размер	2880	3124	4900	4900	4900	4900	4900
Средний размер	1800	1953	2875	2875	2875	2875	2875
В процентах к прожиточному минимуму для трудоспособного населения							
Минимальный размер	17	15	15	14	12	12	11
Максимальный размер	68	61	86	78	69	68	61
Средний размер	43	38	50	46	40	40	36
Источник: Вологдастат [Электронный ресурс]: официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Режим доступа: vologdastat.gks.ru							

В период с 2007 по 2013 г. минимальный размер пособия относительно прожиточного минимума сократилась на 5 п. п., максимальный и средний размер – на 7 п. п., при этом даже максимальный размер составляет 61% от прожиточного минимума для трудоспособного населения, а минимальное пособие по безработице приближается к десятипроцентной отметке. Из приведённых данных следует эмпирический вывод, что за рассматриваемый период государство утрачивает свою социальную функцию. Настоящее исследование не имеет целью анализ социальной поддержки безработных, кроме того,

названная проблема может иметь чисто экономическую природу (нехватка средств на социальную поддержку), однако одним из стратегических направлений развития трудовых ресурсов могло бы стать восстановление социальной функции государства. Представляется, что для этого было бы целесообразно если не доводить размер пособия по безработице до уровня прожиточного минимума (что могло бы породить рост социального иждивенчества), то хотя бы проиндексировать величину пособия по безработице на уровень потребительских цен.

Каждый из сценариев имеет свои сильные и слабые стороны, в связи с этим мы предлагаем выработать новый, т. н. комбинированный сценарий развития трудовых ресурсов Вологодской области, соединив сильные стороны каждого из предложенных сценариев. Акцент, тем не менее, предполагается сделать на модернизационное развитие региона с усилением планирующего начала. При этом региону необходим сбалансированный сценарий, в котором были бы учтены основные проблемные направления развития рынка труда.

Основным лейтмотивом комбинированного сценария является развитие институтов планирования и прогнозирования в сочетании с повышением эффективности государственного управления социально-трудовыми отношениями с целью создания гибкого и сбалансированного рынка труда при умеренном развитии социальной поддержки безработных. Основные направления следуют из анализа, проведённого выше, и включают в себя наиболее актуальные направления из трёх сценариев, предлагаемых Стратегией (табл. 6).

Таблица 6. Основные направления комбинированного сценария развития трудовых ресурсов Вологодской области

Тип сценария	Основные направления
Инерционный	1. Обеспечение социальных гарантий граждан, потерявших работу;
Инвестиционный	2. Повышение эффективности используемых программных инструментов развития занятости населения области; 3. Взаимодействие с органами управления профессиональным образованием и учреждениями профессионального образования по подготовке специалистов и рабочих в соответствии с реальными потребностями экономики области;

Модернизационный	<p>4. Развитие системы стратегического планирования и прогнозирования.</p> <p>5. Совершенствование системы координации органов государственной власти и органов местного самоуправления в части развития трудовых ресурсов, трудового потенциала и рынка труда;</p> <p>6. Реализацию комплекса мер, направленных на:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обеспечение экономики области необходимыми по качеству и количеству трудовыми ресурсами, в том числе обеспечение инвестиционных процессов и процессов развития кластеров в экономике региона трудовыми ресурсами; - рост показателей производительности труда и трудового потенциала области; - формирование разнообразного и динамичного рынка труда области; - обеспечение эффективной занятости населения области; - активизацию и повышение эффективности использования “человеческого капитала”; - развитие социального партнерства органов исполнительной государственной власти с работодателями и общественными организациями области.
Источник: Составлено автором на основе Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года.	

Таким образом, реализация комбинированного сценария представляет собой последовательный алгоритм, включающий в себя: совершенствование планирования, совершенствование институтов государственного управления и, как результат, – формирование сбалансированного рынка труда, обеспечивающего экономический рост. При этом по возможности будет осуществляться восстановление социальной функции государства. Реализация комбинированного сценария позволит охватить более широкий спектр проблем, присутствующих на рынке труда Вологодчины, чем предлагает модернизационный сценарий. Однако основой для предлагаемого нами стратегического решения станет усиление роли государственной власти с приоритетом применения инструментов инновационного развития, обозначенных в Стратегии и рассмотренных в настоящем исследовании.

В качестве основных таких инструментов документ называет развитие системы стратегического планирования и прогнозирования. В продолжение этой мысли авторы Стратегии предлагают перечень целевых показателей (табл. 7).

Таблица 7. Целевые индикаторы Стратегии развития трудовых ресурсов до 2020 года

№ п/п	Индикатор	Ед. измер.	2012 г.	2018 г.	2020 г.
1	Численность безработных по методологии МОТ	тыс. чел.	39,9	33	32
2	Уровень безработицы по методологии МОТ	%	5,8	5,4	5,2
3	Численность безработных граждан, зарегистрированных в службе занятости населения	тыс. чел.	10,3	10,3	10

4	Уровень зарегистрированной безработицы	%	1,6	1,4	1,4
5	Доля вакансий постоянного характера в общей потребности работников, заявленной работодателями	%	59,3	59,2	59,6
6	Уровень трудоустройства граждан, обратившихся в службу занятости населения	%	51,8	57	58,7
7	Коэффициент напряженности на регистрируемом рынке труда	чел./ вак.	0,9	0,7	0,7
8	Доля занятого населения, имеющего профессиональное образование	%	н/д	76,2	76,7
9	Удельная численность пострадавших от несчастных случаев на производстве на 1 тыс. работающих	чел.	2,28	2,1	1,8
10	Удельный вес работников, занятых во вредных и опасных условиях труда	%	46,3	45	44
11	Удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников	%	22,2	29	33
12	Темп роста производительности труда	% к пред. году	102,1	104,5	104,5
13	Доля оплаты труда в валовом региональном продукте	% к ВРП	н/д	52,5	53,5

Все индикаторы, выбранные авторами Стратегии, отвечают требованиям модернизационного сценария и направлены на решение наиболее актуальных проблем рынка труда Вологодской области. Кроме того, они отвечают принципам планирования трудовых ресурсов, выработанных на уровне Российской Федерации: 1) максимальной информативности при минимальном количестве показателей; 2) наблюдаемости и неизменности методологии расчета значений показателей; 3) регулярности формирования отчетных данных (1 раз в год); 4) применения общепринятых определений, методик расчета и единиц измерения; 5) наличию объективных источников информации; 6) возможности получения отчетных данных с минимально возможными затратами [15]. Данные принципы изложены в государственной программе «Содействие занятости населения Российской Федерации». Региональная стратегия была подготовлена годом раньше, что может свидетельствовать о формировании единой линии экономической политики в части планирования трудовых ресурсов.

Вместе с тем в наборе индикаторов присутствуют некоторые проблемы, которые требуют исправления. В соответствии с теорией предвидения, разработанной Н. Д. Кондратьевым, данный вид прогноза является условным. Это означает, что наступление прогнозируемых событий А, В, С обусловлено наступлением событий X, Y, Z [4].

В целевых индикаторах, представленных в стратегии, отсутствует ряд показателей, входящих в объект прогнозирования (рынок труда), что затрудняет, на наш взгляд, планирование трудовых ресурсов и может снизить достоверность прогноза.

Так, в Стратегии делается попытка спрогнозировать уровень безработицы и численность безработных, но при этом отсутствует показатель экономической активности, от которого эти индикаторы зависят напрямую: уровень безработицы – это доля экономически активного населения, которое находится в поисках подходящей работы.

На это возможно возражение, состоящее в том, что и экономическая активность не является безусловным показателем и определяется экономико-демографическими характеристиками населения (удельный вес населения в трудоспособном возрасте, уровень рождаемости, благосостояние населения), состоянием конъюнктуры (потребность в рабочих местах, их структура, заработная плата и т. д.), что, в свою очередь, также определяется множеством факторов самой разнообразной природы. В этом случае система целевых показателей разрослась бы до значительных размеров, что не только исключило бы принцип использования минимального числа показателей, но и сделало бы сам процесс прогнозирования либо затруднительным и затратным, либо в принципе невозможным.

Однако, во-первых, экономическая активность – общий показатель объёма рынка труда, отражающий число населения, готового «продать» свой «товар» – рабочую силу. Этот показатель составляет основу рынка труда – объекта планирования (в отличие, например, от демографических характеристик, которые являются по отношению к рынку труда экзогенными факторами). Во-вторых – учёт показателя экономической активности соответствует миссии, заявленной в Стратегии, – требованию обеспечить регион трудовыми ресурсами. В-третьих, игнорирование этого показателя может привести к коренным ошибкам в прогнозировании уровня безработицы в частности. Уровень безработицы – это число безработных, поделённое на количество экономически активного населения. При оценке экономической активности по показателям общей и регистрируемой безработицы, представленным в Стратегии, мы получаем существенные расхождения (рис. 1).

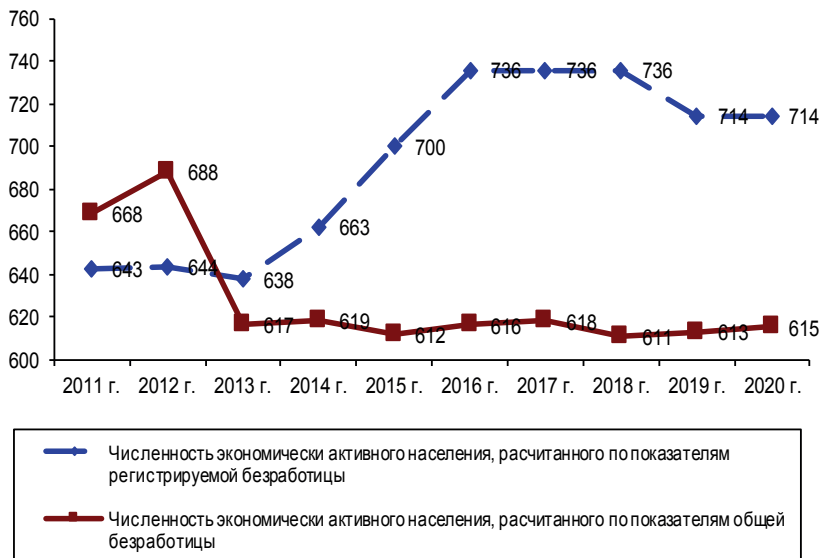


Рис. 1. Численность экономически активного населения, рассчитанная на основе показателей общей и регистрируемой безработицы, представленных в Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 г., тысяч человек

Источники: О Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 23.12.2013 № 1349 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс; Расчёты автора.

Расхождения наблюдаются уже с начала исследуемого периода – при расчёте по показателям общей безработицы численность экономически активного населения в 2011 г. составляет 668 тыс. чел., по показателям регистрируемой безработицы – 643 тыс. чел, тогда как фактическое число экономически активных граждан на рынке труда, представленное Росстатом, – 645 тыс. чел. [14], что ближе к результатам расчётов по показателям регистрируемой безработицы.

Однако если следовать этим расчётам далее, к 2018 г. численность экономически активного населения составит 736 тыс. чел, к 2020 – 714 тыс. чел., что не соответствует ни тенденции сокращения численности населения, ни умеренному росту экономической активности. Если же оценивать численность экономически активного населения по индикаторам общей безработицы, то к 2018 г. их число составит

611 тыс. чел., к 2020 – 615 тыс. чел. Таким образом, результаты расчёта имеют различные тенденции в зависимости от того, по каким индикаторам они рассчитываются, и демонстрируют расхождения в диапазоне от 25 до 125 тыс. чел. В этом случае достоверность прогноза по меньшей мере одного из показателей вызывает сомнения.

Аналогичным образом мы предлагаем оценивать показатели, производные от численности занятых в экономике: доля занятого населения, имеющего профессиональное образование; удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников; удельная численность пострадавших от несчастных случаев на производстве на 1 тыс. работающих; удельный вес работников, занятых во вредных и опасных условиях труда. Все эти показатели прогнозируются в Стратегии без опоры на показатели занятости, что может привести к расхождениям, схожим с теми, что мы получаем при попытке оценить экономическую активность по уровню безработицы. Отметим также, что требование роста занятости напрямую следует из миссии Стратегии, состоящей в обеспечении региона трудовыми ресурсами. Поэтому мы предлагаем включить в перечень целевых индикаторов численность занятых в экономике и уровень занятости в регионе, что не является значительной методологической проблемой при условии, что известно число экономически активного населения.

Допущения о взаимообусловленности индикаторов рынка труда справедливы и для ряда других прогнозируемых показателей. В частности, это относится к индикаторам предложения рабочих мест: доле вакансий постоянного характера в общей потребности работников, заявленной работодателями, и уровню трудоустройства граждан, обратившихся в службу занятости населения, коэффициенту напряжённости на рынке труда. По нашему мнению, эти показатели невозможно спрогнозировать, не зная общее число вакансий, заявленное работодателями. Само по себе число вакансий отражает лишь официально заявленную потребность в рабочей силе, не отражает конъюнктуру рынка труда, не характеризует ситуацию на нём как благоприятную или нет и не соответствует миссии Стратегии развития трудовых ресурсов. Однако оно выполняет важное вспомогательное значение. В связи с этим мы предлагаем дополнить перечень целевых индикаторов числом вакансий, заявленных работодателями.

Помимо индикаторов, указанных в Стратегии, возможно порекомендовать оценивать наряду с общей безработицей уровень молодой безработицы, которая является специфической проблемой Вологодской области, что следует из проведённого ранее анализа.

Набор целевых показателей, представленные в Стратегии, следует, на наш взгляд, упорядочить и дополнить в соответствии с принципами взаимообусловленности и системности. Тогда их перечень будет представлять собой систему из 15 индикаторов, в основе которой находятся показатели экономической активности (спроса и предложения рабочей силы) и заявленных вакансий (предложения рабочих мест). Прочие индикаторы органично следуют из них и изменяются в зависимости от демографических и конъюнктурных процессов, происходящих в экономике региона (рис. 2).

Таким образом, из анализа, проведённого выше, следует, что Стратегию развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 г. возможно усовершенствовать. Для этого следует:

1. Скорректировать основной сценарий с целью установления баланса между предлагаемыми направлениями.

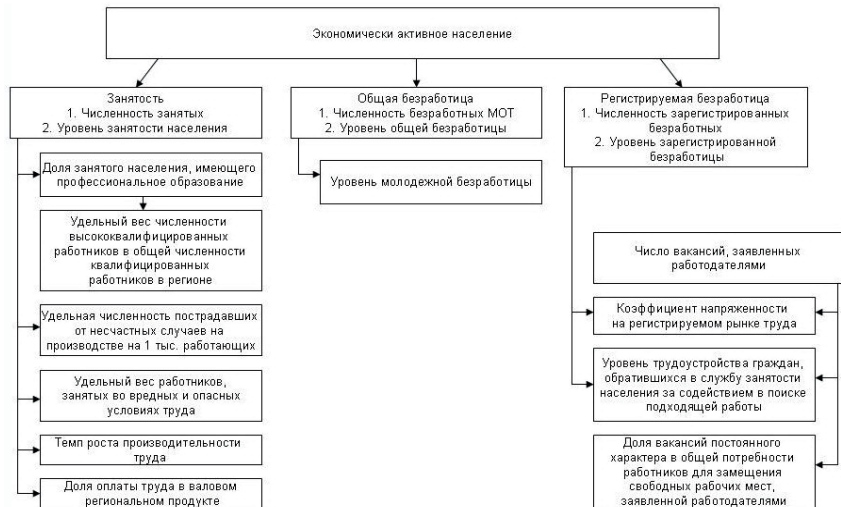


Рис. 2. Целевые индикаторы планирования трудовых ресурсов на региональном уровне

Источник: Составлено автором.

2. Дополнить перечень целевых показателей, руководствуясь принципами взаимообусловленности и системности, дополнив его числом экономически активного населения и уровнем экономической активности, численностью занятых в экономике и уровнем занятости, уровнем молодежной безработицы и числом вакансий, заявленных работодателями.

Выработка Стратегии представляется нам актуальным и своевременным шагом, принятым органами региональной власти в ответ на вызовы экономики. В целом сценарии и целевые показатели, представленные в документе, соответствуют проблемам, существующим в сфере рынка труда. Однако, на наш взгляд, Стратегия не лишена недостатков, ликвидация которых могла бы способствовать повышению качества государственного управления трудовыми ресурсами, что, в конечном итоге, способствовало бы развитию регионального труда в области и успешности происходящих в ней модернизационных процессов.

Заключение

В 2015 году в Институте социально-экономического развития территорий РАН в рамках НИР «Институциональный анализ рынка труда» проведено исследование «Стратегическое планирование трудовых ресурсов региона», посвящённое исследованию сущности стратегического планирования трудовых ресурсов в современной России и его реализации на уровне региона. В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Стратегическое планирование рынка труда является инструментом, необходимым для применения на различных уровнях. Необходимость эта обусловлена социальной функцией государства, незаменимостью труда как фактора производства и необходимостью совершенствования человеческого капитала. Инновационный аспект стратегического планирования трудовых ресурсов связан с тем, что прежние институты планирования, применяемые в советскую эпоху, функционировали на иных экономических и правовых началах. Соответственно, в условиях рыночной экономики простая реставрация советских институтов планирования непригодна. Создание же новых правовых основ стратегического планирования началось сравнительно недавно – во второй половине 2000 годов, в настоящее время эти основы находятся на стадии становления.

2. В ходе анализа Стратегии трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 г. выявлены некоторые проблемы, существующие в сфере государственного планирования социально-трудовых отношений:

А) В качестве основной проблемы вологодского рынка труда названа структурная безработица, тогда как по результатам анализа безработица имеет выраженный конъюнктурный и возрастной характер. Её конъюнктурная природа подтверждается тем, что средний уровень высвобожденной рабочей силы в среднем за период с 2007 по 2013 г. составлял 25%, а в кризисный 2009 г. – 40%. Возрастной характер проявляется в высоком уровне молодёжной безработицы (в 2013 г. 39,6%). Примечательно, что Вологодская область является единственным регионом Северо-Запада России, где молодёжная безработица демонстрирует тенденцию значительного роста (с 2007 по 2013 г. – на 17 п. п.). Различия в характере безработицы определяют и различные меры государственного воздействия на неё.

Б) В аналитической части стратегии не указываются две взаимосвязанные проблемы – производительности труда и заработной платы. В то же время, несмотря на двухпроцентный рост производительности труда, рассчитанный авторами Стратегии, Вологодская область демонстрирует устойчивую тенденцию к отставанию от регионов СЗФО и России в целом: за период с 2007 по 2012 гг. уровень производительности труда сократился на 10 п.п. относительно среднего по стране (с 93% до 83%) и 11 п. п. относительно Северо-Западных регионов (с 90 до 79%). Заметим, что в 2000 г. Вологодская область опережала эти территории по производительности труда (110% от среднероссийского уровня и 108% от уровня СЗФО). Регион также отстаёт по темпам роста заработной платы (108% против 124 по России и регионам Северо-Западного федерального округа). Вместо утраты конкурентных преимуществ констатируется рост производительности труда.

В) Предлагаемые сценарии являются односторонним видением ситуации на рынке труда, и каждый из них игнорирует те или иные существующие проблемы. В связи с этим предложен комбинированный сценарий, основанный на модернизационном сценарии, но включающий некоторые инерционные и инвестиционные составляющие. Комбинированный сценарий включает в себя 6 направлений, нацеленных на развитие институтов планирования и прогнозиро-

вания в сочетании с повышением эффективности государственного управления социально-трудовыми отношениями с целью создания гибкого и сбалансированного рынка труда при умеренном развитии социальной поддержки безработных.

Г) Скорректирован перечень индикативных целевых показателей, предлагаемых авторами Стратегии, предложена система из 15 целевых индикаторов, основанных на спросе и предложении рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой экономический словарь [Текст] / под ред. А.Н. Азрилияна. – 7-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2008.
2. Вологдастат [Электронный ресурс]: официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Режим доступа: vologdastat.gks.ru
3. Ильин, В.А. Обоснование направлений разработки среднесрочной программы социально-экономического развития Вологодской области [Текст] / В.А. Ильин, А.Н. Зуев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 1998. – № 5. – С. 15–18.
4. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды [Текст] / Н.Д. Кондратьев; международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; ред. колл.: Л.И. Абалкин и др.; сост. Ю.В. Яковец. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 767 с.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс]: Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
6. Котляров, И. Нестандартные формы занятости [Текст] / И. Котляров // Общество и экономика. – 2015. – № 1–2. – С. 203–218.
7. Леонидова, Г.В. Занятость молодёжи как условие модернизации социально-трудовой сферы [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 101–110.
8. Сиполс, О.В. Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика [Текст]: справочное издание / О.В. Сиполс. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 712 с.
9. О государственной стратегии по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 04.02.1994 № 236 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

10. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
11. О Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области от 23.12.2013 № 1349 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
12. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 990 с.
15. Содействие занятости населения [Электронный ресурс]: Государственная программа Российской Федерации (принята Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 298) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
16. Стратегическое управление и планирование [Электронный ресурс]: электронный справочник. – Режим доступа: <http://www.stplan.ru/articles/theory/strplan.htm>
17. Черданцева, И.В. Совершенствование практики регионального стратегического планирования социально-экономического и инновационного развития [Текст] / И.В. Черданцева, А.М. Дибров // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 12 (127). – С. 31–35.
18. Черданцева, И.В. Совершенствование практики регионального стратегического планирования социально-экономического и инновационного развития [Текст] / И.В. Черданцева, А.М. Дибров // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 12 (127). – С. 31–35.

Раздел II
Материалы научно-практической
конференции
«Молодые ученые – экономике региона»

СЕКЦИЯ
«СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
И УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ
СИСТЕМАМИ И КОМПЛЕКСАМИ»

А.Н. Анищенко¹

К ВОПРОСУ ОБ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИИ
В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СФЕРЕ РЕГИОНА

В сложившихся в настоящее время политических условиях (российское продовольственное эмбарго, функционирование в ВТО) проблемы обеспечения продовольственной безопасности, возможности импортозамещения актуальны для всех регионов Российской Федерации, в том числе и для Вологодской области. Так, удельный вес везенных на территорию региона мяса и мясопродуктов в общем объеме ресурсов в последние годы был более 40%. Аналогичные тенденции наблюдаются и по ряду других продуктов (сельхозсырья), условия для производства которых имеются в области. Велика зависимость аграриев от конъюнктуры на рынке нефтепродуктов, сельхозтехники, минеральных удобрений, зерна, от уровня тарифов на электроэнергию.

Особую актуальность рассматриваемая проблема приобрела в связи с введенным Президентом Российской Федерации указом от 06 августа 2014 года № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». В перечень запрещенной к ввозу в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются США, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, сроком на один год, попали мясо и его производные из крупного рогатого скота, свинины, птицы, рыба, ракообразные, моллюски и прочие беспозвоночные. Кроме того, в него включены молоко и молочная продукция, овощи, съедобные корнеплоды и клубнеплоды, фрукты и орехи. Еще под запрет попали сыры, творог и молокосодержащие продукты на основе растительных жиров [3; 5].

¹ Анищенко Алеся Николаевна – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

В результате возникает вопрос о возможностях российского агропромышленного комплекса оперативно возместить объем запрещенной импортной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (свинины, овощей, фруктов и др.).

Ряд регионов России на данный момент времени готов к расширению объемов производства сельхозпродукции для замещения импорта продовольствия. К таким регионам можно отнести Кировскую, Оренбургскую, Волгоградскую области, Краснодарский край и др. По мнению их органов управления, области получили «мощный стимул, чтобы использовать свой потенциал и совместными усилиями с производителями из других российских регионов обеспечить полное продовольственное импортозамещение в стране» [4; 5].

В Вологодской области также активизирована работа по решению задачи импортозамещения продовольствия. Так, например, начато активное продвижение брендового проекта «Настоящий Вологодский продукт». «Год назад была запущена программа импортозамещения. У региона есть возможности полностью обеспечить себя яйцами, молоком и картофелем. Мы на 46% можем обеспечить себя овощами и на 40% мясными продуктами», – подчеркнул губернатор области Олег Кувшинников [2].

Для этого увеличена государственная поддержка аграрного комплекса. «Если в прошлом году из областного бюджета был выделен 1 млрд руб., то в текущем году аграрии получают 1,5 миллиарда рублей областных субсидий» [2].

В целом деятельность по обеспечению продовольственной безопасности в Вологодской области направлена на создание в экономике и социальной сфере региона условий, при которых обеспечивается физическая и экономическая доступность продуктов питания его жителям в объемах, ассортименте и качестве, необходимых для здоровой жизнедеятельности, с учетом достигнутого уровня доходов населения или их роста.

Следует отметить, что в решении задачи по продовольственному обеспечению жителей региона особая роль принадлежит мясной и молочной промышленности, которые являются особо важной сферой агропромышленного комплекса региона. Эти отрасли обеспечивают более 60% регионального объема товарного производства пищевой продукции.

В 2013 году в сравнении с 2009 годом в Вологодской области производство молока незначительно снизилось, производство мяса сократилось на 23,3%, яйца, напротив, – увеличилось на 2,7% (табл. 1). В целом общие ресурсы мяса к уровню 2012 года увеличились на 0,2%, ресурсы молока и яйца – снизились на 2,2% и 12,2% соответственно.

Таблица 1. Производство продукции отрасли животноводства, хозяйства всех категорий

Вид продукции	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2009 г., %
Молоко, тыс. тонн	465,9	443,0	446,6	461,9	430,2	92,3
Скот и птица (в убойном весе), тыс. тонн	49,3	50,1	48,9	43,5	37,8	76,7
Яйца, млн. шт.	575,1	587,1	601,5	690,5	590,7	102,7

Источник: Составлено автором на основе официальных статистических данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologdatastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdatastat/ru/statistics/enterprises/agriculture

Ресурсы мяса, яйца, картофеля и фруктов за 2009-2013 гг. в регионе увеличились, в то время как ресурсы молока и овощей сократились. Изменение ресурсов продуктов отрасли животноводства произошло за счет увеличения ввоза мяса на 13,8%, молока – на 47% и снижения их доли собственного производства. В целом ресурсы молока и яиц формировались в основном за счет собственного производства, доля которого составила 82%.

Специфика регионального мясного рынка такова, что его основной объем (90% по колбасным изделиям и полуфабрикатам) обеспечивает готовая продукция местных производителей. В то же время для изготовления колбас и полуфабрикатов используется 56% завозного мясного сырья.

Одним из основных видов продукции, не производимой на территории области, является продовольственное зерно, используемое для производства муки. Ввоз данного вида продукции составляет 95-100 процентов. Кроме этого, завозится до 70% фуражного зерна. В последние два года импорт зерна в область не осуществлялся, ранее зерно в незначительных объемах завозилось с территории Казахстана. Указанные факторы обуславливают высокий уровень зависимости региона от ценовой конъюнктуры российского зернового рынка.

Собственное производство зерна в Вологодской области в 2013 году составило 166,3 тыс. тонн (69,8% к уровню 2009 года). Запас продо-

вольственного зерна (в пересчете на муку) и муки в области находился в диапазоне от 67 до 26 дней. Также в области создан государственный резерв зерна в количестве 8,9 тыс. тонн пшеницы продовольственной, который обеспечивает потребность области в муке на 25 дней.

В целом на продовольственном рынке Вологодской области доля импортных продовольственных товаров и сырья для их производства составляет около 35% (как и по России). Основными импортными товарами являются: мясо и мясное сырье для промышленной переработки, рыба, овощные консервы, сыр, кофе, чай, какао, фрукты, орехи, брендированный алкоголь, кондитерские изделия (табл. 2).

В регион ввозится 100% сахара, растительного масла и круп, около 90% рыбы и конфет, более 80% сыров и муки, 50% мяса для производства колбасных изделий.

Таблица 2. Импорт отдельных видов продовольственных товаров в Вологодской области, тонн

Наименование товара	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Свинина мороженая	260	96	н.д.	н.д.	н.д.
Фрукты свежие, сушеные	2596	3572	606	251	393
Овощи свежие, в т.ч.	72	140	80	211	321
- картофель	60	140	80	100	186
Мукомольно-крупяные изделия, в т.ч.	5384	7970	5945	3653	4339
- мука	2739	2798	2421	н.д.	3594
Сахар белый	255	1743	12500	5763	11662
Кондитерские изделия	0,9	0,6	н.д.	н.д.	н.д.
Компоты, соки	23	21	н.д.	8	42
Источник: Официальные статистические данные Территориального органа службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru					

Производство основных групп продовольствия в расчете на душу населения за 2009-2013 гг. по Вологодской области выше значений показателя по России. Так, например, производство молока выше значения по стране на 1,4 п.п., яйца – 0,8 п.п. (табл. 3).

Нельзя не отметить и то, что важную роль в обеспечении продовольственной безопасности региона играет торговля с другими регионами России, а также с зарубежными странами, так как самообеспечение основными видами продовольствия для ряда субъектов невозможно из-за ряда причин или же экономически нецелесообразно.

Таблица 3. Производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции на душу населения, кг в год

Вид продукции	Территория	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2009 г., %
Молоко	Россия	230	223	221	222	213	92,6
	Вологодская область	383	368	372	386	360	94,0
Скот и птица на убой (в убойном весе)	Россия	47	50	53	56	60	127,7
	Вологодская область	41	42	41	36	32	78,0
Яйца (штук)	Россия	278	284	288	294	288	103,6
	Вологодская область	473	488	501	577	494	104,4

Источник: Рассчитано автором на основе официальных статистических данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedstat.ru>

Вологодская область поставляет свою продукцию в 49 субъектов РФ, в том числе в Москву и Санкт-Петербург, Архангельскую, Костромскую, Ярославскую области, республики Карелия, Коми и другие регионы, а также в Грузию, Белоруссию, Азербайджан, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан. Основными же потребителями вывозимой продукции являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также Ярославская и Архангельская области.

Регионом экспортируются в основном молокопродукты, кондитерские изделия, яйца, мясопродукты и алкогольная продукция (табл. 4).

Таблица 4. Вывоз продукции отраслей животноводства и растениеводства за пределы Вологодской области, тонн

Продукция	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2009 г., %
Молоко	111449	94877	69498	68009	82059	73,6
Мясо	1275	1793	1242	867	900	70,6
Яйца, тыс. шт.	98191	53517	59769	33991	43254	44,1
Зерно	732	12	-	-	-	-
Картофель	3263	5070	7072	8796	6562	201,1
Овощи и бахчевые	996	929	2069	2295	2366	237,6

Источник: Составлено автором на основе официальных статистических данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/enterprises/agriculture

Агропродовольственный экспорт составляет незначительную долю всего регионального экспорта. Максимальная доля экспорта продуктов питания была в 2013 году и составляя 0,4% (табл. 5).

Таблица 5. Структура экспорта товаров в Вологодской области

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2009 г.
Экспорт (всего), млн. дол. США	2522,0	3941,4	4860,0	4456,9	4103,1	в 1,6 раза
продовольственные товары и сырье для их производства	8,3	11,8	11,3	13,3	18,8	в 2,3 раза
Экспорт (всего), %	100	100	100	100	100	-
продовольственные товары и сырье для их производства	0,3	0,3	0,2	0,3	0,4	+0,1 п.п.
Источник: Рассчитано автором на основе официальных статистических данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/enterprises/agriculture						

На структуру вывоза оказывает влияние производственная специализация региона. Так, во внутрироссийской интеграции Вологодская область выступает в качестве поставщика молочных и мясных продуктов.

Основными импортерами продовольственных товаров в Вологодскую область являются Казахстан, Финляндия, Польша, Венгрия, Германия, а также Ленинградская, Московская, Калининградская, Архангельская, Кировская, Воронежская области и города Москва и Санкт-Петербург. В регион ввозятся: сахар, подсолнечное масло, фрукты, мясопродукты, зерновые продукты, макаронные изделия, рыба и др. В связи с отсутствием собственного производства за счет ввоза область полностью обеспечивает свои потребности в растительном масле, сахаре, чае, соли.

В целом региональные производители полностью покрывают потребности населения области в молоке и молокопродуктах, яйце, на 90% обеспечивают внутриобластной рынок мяса и мясопродуктов².

Вместе с тем имеющийся в регионе потенциал в совокупности со сложившимися условиями производства способствует решению вопроса импортозамещения в продовольственной сфере региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко, А.Н. Оценка продовольственной безопасности региона / А.Н. Анищенко // Проблемы развития территории. – 2013. – № 4 (66). – С. 30-39.

² На основе официальных статистических данных Единой межведомственной информационно-статистической системы ЕМИСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru>

2. Кувшинников, О.А. Настоящее Вологодское импортозамещение [Электронный ресурс] / О.А. Кувшинников. – Режим доступа: <http://expert.ru/northwest/2015/11/nastoyashee-ologodskoe-importozameshenie>
3. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/15135>
4. Российские аграрии готовы обеспечить полное продовольственное импортозамещение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fishretail.ru/news/rossiyskie-agrarii-gotovi-obespechit-polnoe-prodovolstvennoe-328763>
5. Россия: Правительство утвердило план импортозамещения продовольствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrprod.dp.ua/2014/10/12/rossiya-pravitelstvo-utverdilo-plan-importozameshheniya-prodovolstviya.html>

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ НА ОДНОЛЕТНЕЕ ПЛАНИРОВАНИЕ С ТРЕХЛЕТНЕГО БЮДЖЕТНОГО ЦИКЛА

В сентябре 2015 года Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу РФ законопроект № 878973-6 «Об особенностях составления и утверждения проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на 2016 год». Целью документа стало внесение временных изменений порядка составления и утверждения проекта федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на 2016 год.

В 2016 году для бюджетов всех уровней бюджетной системы приостановлена норма Бюджетного кодекса об обязательном плановом периоде. Планирование будет заключаться только в прогнозе социально-экономического развития и основных направлений бюджетной, налоговой, таможенно-тарифной и денежно-кредитной политики.

Данные изменения продиктовала сложившаяся экономическая ситуация в России, связанная с геополитическими процессами и высокой волатильностью на финансовых и сырьевых рынках.

Отметим, что необходимость среднесрочного бюджетного планирования (как правило, на период 3 – 5 лет) является общепризнанной за рубежом. Безусловно, осуществление среднесрочного планирования обеспечивало взаимосвязь между стратегическими приоритетами государственного развития и тактическими мероприятиями, реализуемыми органами власти в текущем финансовом году.

Однако представляется, что обеспечение последовательности бюджетной политики и устойчивости бюджетов как одной из важнейших задач среднесрочного бюджетного планирования является скорее результатом не утверждения бюджетных проектировок на среднесрочный период, а стабильности макроэкономической ситуации в совокупности с достоверными и реалистичными экономическими прогнозами. Отсюда следует, что принятие многолетних бюджетов само по себе не гарантирует преемственности и стабильности проводимой бюджетной политики, если сложившиеся экономические условия не позволяют с достаточной степенью надёжности прогнозировать параметры развития.

¹ Печенская Мария Александровна – к.э.н., научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

В настоящее время прогнозирование в России не позволяет с должной степенью достоверности осуществлять даже годовое бюджетное планирование, поскольку фактические показатели исполнения бюджетов отклоняются от запланированных параметров, а изменения в законы о бюджете на очередной финансовый год вследствие изменения основных бюджетных параметров вносятся, как правило, несколько раз в течение года.

Таблица 1. Изменение проектных параметров федерального бюджета на 2014 год

Параметр	Проект бюджета на 2012 – 2014 гг.	Проект бюджета на 2013 – 2015 гг.	Проект бюджета на 2014 – 2016 гг.	Исполнено за 2014 г.	Отклонение от первоначального плана, %
Доходы, млрд руб.	14091,8	14063,4	14238,8	14488,2	102,8
Расходы, млрд руб.	14582,9	14207,0	13960,1	13821,6	94,8
Дефицит (-) / профицит (+), млрд руб.	-491,1	-143,6	+278,6	-148,8	30,3
Государственный долг, млрд руб.	9221,8	7590,3	6888,5	7241,17	78,5
Количество корректировок в течение года, раз	4	3	5	-	
Источник: Составлено по Федеральным законам «О федеральном бюджете».					

Сопоставление проекта федерального бюджета на 2012 – 2014 гг. с фактическим его исполнением на 01.01.2015 года показывает (табл. 1):

- рост совокупных доходов бюджета на 396 млрд рублей;
- снижение расходов бюджета на 761 млрд рублей;
- снижение дефицита бюджета на 342 млрд рублей;
- снижение государственного долга почти на 2 трлн рублей.

Решение задачи по повышению качества макроэкономического прогнозирования и бюджетного планирования требует создания системы максимального соответствия достигнутых в отчётном году параметров показателям, установленным на трёхлетний период. Для этого необходимо проведение ряда мероприятий, в частности:

1. Организация взаимосвязи между бюджетным планированием и составлением отчётности об исполнении бюджета.

Поскольку отчёт формируется в начале следующего финансового года, выявленные недостатки бюджетного процесса прошлого года уже не учитываются при составлении бюджета на очередной

год. Разрыв между отчётом об исполнении бюджета предыдущего года и планированием бюджета на очередной год приводит к тому, что неэффективные направления деятельности продолжают финансироваться, а на развитие новых приоритетов расходов недостаточно средств.

2. Повышение среднесрочной стабильности бюджетного и налогового законодательства.

3. Смена характера формирования бюджета.

В Российской Федерации он осуществляется сверху вниз, тогда как зарубежная практика обратной последовательности снизу вверх свидетельствует о наилучших результатах. Так, в Германии формирование проекта бюджета происходит в следующей последовательности:

Определение органами местного самоуправления совместно с населением задач бюджетной политики на предстоящий год.

Вынесение органами местного самоуправления проекта бюджета на рассмотрение субъекта федерации при возникновении недостаточности собственных финансовых, материальных, трудовых или иных ресурсов.

Утверждение проекта бюджета представительным органом субъекта Федерации.

Вынесение на рассмотрение Федерации проекта бюджета в случае недостаточности финансирования из нижестоящих бюджетов.

В данном случае обеспечивается прозрачность параметров бюджета и его формирование на основе реальных потребностей как территорий, так и страны в целом. Применение подобного порядка формирования бюджетов в России устранил проблему финансирования неактуальных мероприятий и большого количества президентских национальных программ, дополняющих проект бюджета. Например, указы Президента отвечают реальным потребностям общества и имеют строго целенаправленный характер, однако не находят достаточной финансовой основы для их осуществления (как это происходит, например, с реализацией «майских» указов Президента РФ).

4. Организация целостной концепции формирования доходов и расходов бюджета.

В настоящее время они существуют автономно, их взаимосвязь обнаруживается только при определении результатов исполнения бюджета. Кроме того, составление бюджетов в РФ основано на при-

оритете доходов над расходами. Однако первичность определения направлений деятельности позволит решить проблему снижения налоговой нагрузки не столько за счёт уменьшения налогов, сколько за счёт сокращения государственных расходов.

5. Пересмотр методов проектирования бюджетных показателей, которые не обеспечивают равномерность бюджетных расходов и поступлений.

Использование основной массы государственных денег в конце года приводит не только к их неполному освоению, но и к нарастанию инфляции в начале следующего финансового года, что в конечном итоге подрывает макроэкономическую стабильность. По мнению многих экономистов, выходом из этой ситуации может служить создание эффективных институтов индикативного планирования и прогнозирования.

Безусловно, совершенствование только процедуры и инструментов бюджетного планирования недостаточно для повышения стабильности формирования бюджетов. Очевидно, что в текущий кризисный этап развития экономики целесообразно составление более чёткого плана на однолетний период, а не осуществление многократных пересмотров бюджетных параметров. Кроме того, переход к реальному краткосрочному планированию государственных доходов и расходов сможет положительно повлиять на функционирование малых и средних предприятий и социальное обеспечение населения. Поскольку в первую очередь именно на них отражаются любые радикальные изменения в бюджетной сфере.

С этой точки зрения считаем переход к краткосрочному бюджетному планированию на 2016 год своевременным и целесообразным. Вместе с тем придерживаемся позиции о необходимости даже в условиях экономических потрясений обеспечивать сценарный подход к планированию основного финансового документа страны. Убедены в важности проработки всевозможных вариантов развития: от самого пессимистичного до оптимистичного. На наш взгляд, следует поддержать переход на утверждение однолетнего бюджета на 2016 год, но вместе с тем не прерывать наработанную практику среднесрочного бюджетного планирования в неутверждаемой форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюнина, М.Л. Бюджетное планирование: развитие методологических подходов [Текст] / М.Л. Васюнина // Финансы. – 2014. – № 11. – С. 17-20.
2. Печенская, М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности [Текст] / М.А. Печенская. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 164 с. – (Проблемы эффективности государственного управления).
3. Печенская, М.А. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы [Текст] / М.А. Печенская, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 110 с. – (Проблемы эффективности государственного управления).
4. Селезнев, А.З. Однолетний бюджет на 2016 г. в свете опыта «трехлеток» и кризисной ситуации в стране [Текст] / А.З. Селезнев // Экономист. – 2016 – № 1. – С. 30-45.
5. Швецов, Ю.Г. Теория и методология бюджета как общественного достояния [Текст] / Ю.Г. Швецов // Вопросы экономики. – 2011. – № 8. – С. 106-114.
6. Hemmelgarn, T. The 2008 Financial Crisis and Taxation Policy [Electronic resource]: working paper / T. Hemmelgarn, G. Nicodeme ; European Commission. – 2010. – № 20. – Available at: <http://ec.europa.eu>

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ «СКОЛЬЗЯЩЕГО СТРЕСС-ПРОГНОЗИРОВАНИЯ» В ПРАКТИКУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

По мнению В.Н. Бурова и Д.А. Новикова, организационный проект – это алгоритм внедрения разработанного продукта, формирование «образа жизни» служащих [1]. Иными словами, это описание того, что должны делать и уметь служащие при окончании консультирования. Основной задачей создания организационного проекта является четкое описание функциональных обязанностей сотрудников.

Внедрение нейросетевых технологий в практику стратегического управления развитием региона предполагает разработку организационного проекта. Круг полномочий и обязанностей, закрепленных за основными участниками стратегирования в силу служебного положения определяет функции и перечень задач, решаемых ими при осуществлении «скользящего» стресс-прогноза.

Система управления регионом имеет иерархическую структуру, на верхнем уровне которой располагаются планирующие и координирующие подсистемы, а на нижнем – технологические подсистемы, реализующие конкретные задачи.

Эффективность функционирования информационной системы для моделирования и прогнозирования во многом зависит от оптимальности информационных потоков. Достижение этого условия предполагает, что каждое подразделение администрации региона несет ответственность за предоставление информации по определенному для него перечню показателей.

На рисунке 1 представлена обобщенная схема информационных потоков между органами власти на региональном и муниципальном уровнях.

Нижнее звено регионального стратегического управления представлено специалистами управлений и отделов при департаментах и комитетах. В их функции входит составление плановой и отчетной документации, предполагающее создание и переработку большого объема различной учетной, финансовой, организационно-распо-

¹ Кашинцев Николай Павлович – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

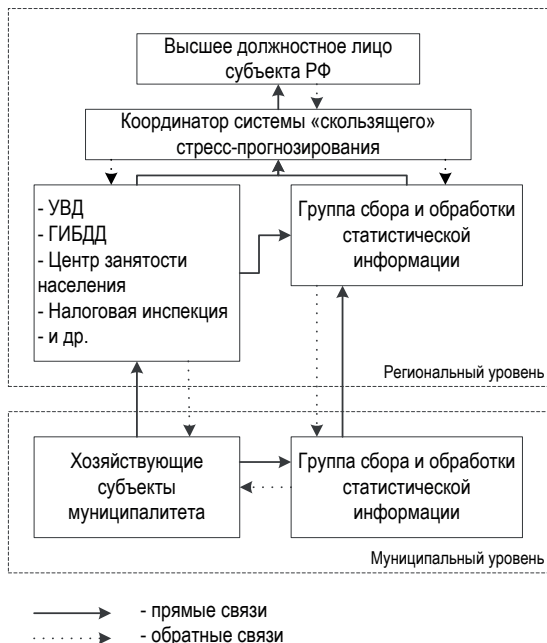


Рис. 1. Схема информационных потоков социально-экономического моделирования и прогнозирования

рядительной и нормативной документации. В рамках реализации «скользящего» стресс-прогноза служащие структурных подразделений несут ответственность за собранные данные.

Механизм реализации задач стресс-прогнозирования на муниципальном уровне стратегического управления следующий. Работниками организации заполняются формы статистической отчетности. От предприятий, организаций, учреждений и других субъектов в звенья муниципального уровня стратегического управления стекается первичная информация об основных итогах деятельности. Поступившая информация обрабатывается, анализируется и обобщается.

Схематично процесс формирования информационной базы на муниципальном уровне стратегического управления представлен на рисунке 2.

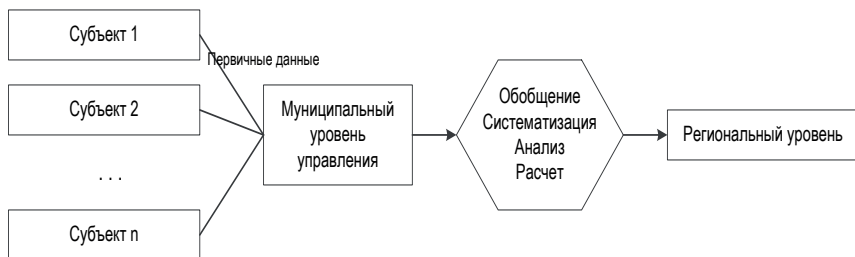


Рис. 2. Схема процесса формирования информационной базы на муниципальном уровне стратегического управления

Сформированная и обработанная информационная база показателей и индикаторов для дальнейшей проработки передается на региональный уровень управленческой системы. Помимо количественных данных, на региональный уровень передается и краткая характеристика происходящих в муниципальном образовании социально-экономических процессов.

В Департаменте стратегического планирования ВО, осуществляющем стресс-прогнозирование, назначается лицо, ответственное за сбор, качественное исполнение и своевременную передачу данных.

По сравнению с муниципальным звеном управленческой системы региональное звено стратегического управления в процессе моделирования в большей степени занято аналитической и прогнозной работой.

Механизм реализации «скользящего» стресс-прогноирования на региональном уровне управленческой системы следующий. От ответственного лица муниципального звена на региональное звено (уровень руководителя подразделения) ежемесячно поступает заполненная статистическая форма, содержащая данные по показателям развития региона. Динамика этих показателей отражает развитие отдельных сфер в жизнедеятельности субъекта РФ в рамках компетенции подведомственного подразделения. Полученная информация служит основой для принятия оперативных управленческих решений. Статистическая форма поступает к руководителю подразделения ежемесячно. Содержащиеся в форме данные подвергаются анализу, на основе сделанного анализа формируются выводы и рекомендации. Кроме того, на этом уровне происходит согласование и утверждение плановых значений показателей и разработанных на муниципальном

уровне мероприятий - по устранению негативных и поддержке позитивных тенденций в развитии подведомственной сферы.

Проведение «скользящего» стресс-прогнозирования социально-экономического развития, охватывающего все стороны жизнедеятельности региона, связано с наличием большого количества разнородной информации.

Механизм циркуляции основных входящих и исходящих стратегических документов представлен на рисунке 3.

Внедрение системы ежемесячного моделирования и прогнозирования социально-экономического развития региона в практику стратегического управления может осуществляться по схеме, представленной на рисунке 4.

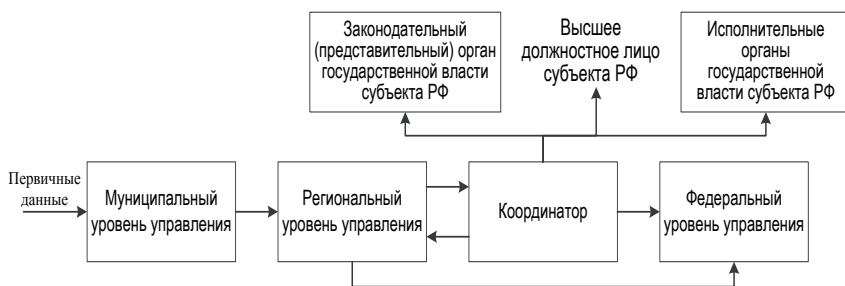


Рис. 3. Структура документооборота для стресс-прогнозирования социально-экономического развития региона

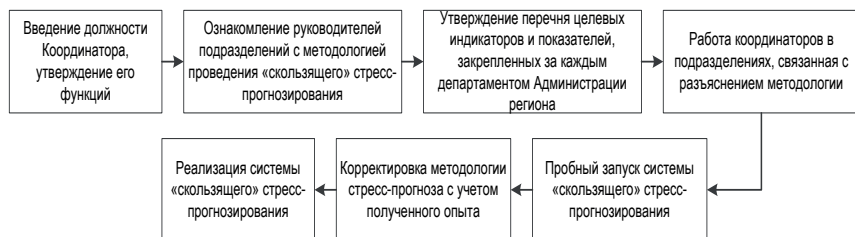


Рис. 4. Схема внедрения ежемесячного моделирования и прогнозирования

Организованная таким образом работа по «скользящему» моделированию и прогнозированию социально-экономического развития региона позволит:

- увязать оперативные цели и задачи со стратегическими и тактическими;
- вовремя координировать и направлять деятельность всего сообщества на решение региональных и муниципальных проблем;
- при решении оперативных и текущих задач более эффективно использовать имеющиеся ресурсы;
- оценивать деятельность органов власти всех уровней в достижении намеченных целей и задач развития.

Таким образом, активная и целенаправленная работа управленческих структур региона по совершенствованию стратегического управления социально-экономическими процессами обеспечит решение многих актуальных проблем. Широкое внедрение в практику управления информационных технологий и создание системы «скользящего» стресс-прогнозирования позволит значительно повысить эффективность стратегических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров, В.Н. Как управлять проектами: научно-практическое издание. Серия «Информатизация России на пороге XXI века» [Текст] / В.Н. Буров, Д.А. Новиков. – М.: СИНТЕГ-ГЕО, 1997. – 188 с.
2. Жихаревич, Б.С. Подход к изучению эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне [Текст] / Б.С. Жихаревич // Регион: Экономика и Социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 235–256.
3. Петров, А.В. Информационные технологии в управлении социально-экономическим развитием [Текст]: доклад / А.В. Петров. – М., 1997.

ОЦЕНКА ПАРАМЕТРОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Развитие экономики России невозможно без крупномасштабной технологической модернизации, направленной на усиление взаимосвязей добывающего и обрабатывающего секторов, что обуславливает необходимость активного государственного участия в регулировании воспроизводственных процессов. Между тем существующие системные условия хозяйствования остаются дезинтегрированными, а упрощенная схема функционирования экономики свелась к вывозу сырьевых ресурсов в обмен на машинно-технические изделия и продовольствие. При такой схеме социально-экономическая ситуация существенно зависит от внешней конъюнктуры, у страны не появляются ни внутренние, ни внешние факторы крупномасштабной технологической модернизации, не происходит оживления базового и фундаментального источника прогресса – производства новейших наукоемких средств производства [2].

Сложившаяся в 1990-е годы экономическая система нарушила целостность существовавших цепочек добавленной стоимости. Рассечены на разрозненные переделы и дезинтегрированы технологические цепочки во всем народном хозяйстве. Из-за системной дезорганизации и упадка обрабатывающей промышленности существенно снизилась величина агрегированного мультипликатора добавленной стоимости (рис. 1). Данный показатель исчисляется отношением совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот, и рассчитывается по официальным данным Росстата о детализированной разработке счета производства СНС [1].

Как показывает анализ, в расчете на единицу стоимости добывающего сектора обрабатывающая промышленность в 2003–2013 гг. создавала в среднем 1,55 единицы добавленной стоимости. Это почти на порядок ниже, чем в промышленно развитых странах, где значение мультипликатора поддерживается в диапазоне 11–13 единиц (в США – 12,8 [7]). Кроме того, за указанный период отмечается снижение мультипликатора на 4,1%.

¹ Лукин Евгений Владимирович – к.э.н., научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

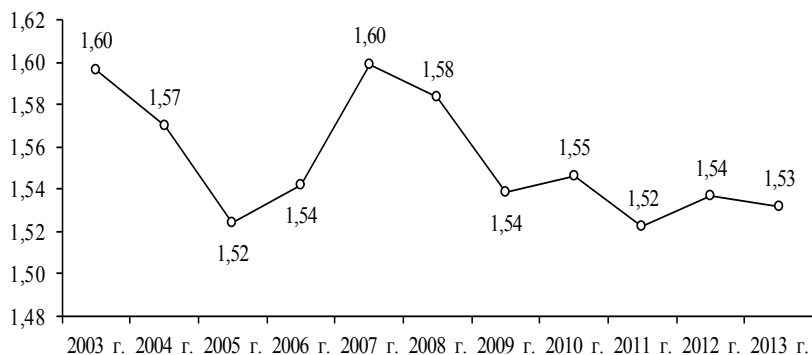


Рис. 1. Динамика мультипликатора добавленной стоимости в экономике России в 2003–2013 гг.

Источник: Национальные счета России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_15; Расчеты автора.

Крайне низкая величина мультипликатора добавленной стоимости исчерпывающе характеризует природу нынешнего экономического роста, при котором экономика России выступает сырьевым источником для экономик развитых стран. Изменение качества экономического роста возможно только за счет разворота к высокотехнологическому развитию.

В существующей структуре российского хозяйства единственным сектором, способным генерировать технологическое развитие, являются обрабатывающие производства. Других секторов и комплексов высоких технологий, сопряженных с ним, не существует (табл. 1). По итогам 2014 года вклад обрабатывающих производств составлял 9536,2 млрд. руб., или 13,4% совокупной величины ВВП. При первичной оценке данный показатель представляется достаточно весомым, формально он даже находится на уровне развитых стран (в американской экономике, например, вклад обрабатывающей индустрии составляет около 14,5% ВВП [7]).

Таблица 1. Валовая добавленная стоимость РФ по видам экономической деятельности в 2014 году [3]

Вид экономической деятельности	Млрд. руб.	% к итогу
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10575,2	14,8
Обрабатывающие производства	9536,2	13,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7459,9	10,4

Добыча полезных ископаемых	6306,0	8,8
Транспорт и связь	5333,0	7,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3984,3	5,6
Строительство	3964,5	5,6
Финансовая деятельность	3243,8	4,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2529,0	3,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2424,5	3,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2075,4	2,9
Образование	1823,0	2,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1073,8	1,5
Гостиницы и рестораны	636,8	0,9
Рыболовство, рыбоводство	124,1	0,2
Деятельность домашних хозяйств	0,1	0,0
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	61089,4	85,6
Чистые налоги на продукты	10317,0	14,4
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	71406,4	100,0

В то же время структура национального хозяйства развитых стран, а также масштабы разработки, освоения, производства и применения высоких технологий существенно отличаются от России. Так, в США, помимо сектора обрабатывающей индустрии, на производство высоких технологий работают также государственный сектор (12,3% ВВП), сектор промышленного лизинга (12,1%), сектор инжиниринга и научных услуг (6,9%), сектор информационной техники (4,7%) [7]. Их общая доля достигает 50,5% ВВП. Поэтому можно утверждать, что ВВП США технологичен более чем наполовину. А если еще учесть долю высокотехнологического оборудования, каким оснащены сектора прочих услуг, то вклад американского комплекса высоких технологий можно оценить примерно в 3/4 ВВП. Этим предопределяется высокое значение мультипликатора добавленной стоимости и разность уровней технологических укладов. В России индустриальный уклад преимущественно доэлектронных технологий (машиностроение в 2014 году занимало лишь 13,2% в структуре промышленности, в том числе производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 3,7%), в США – неоиндустриальный уклад высоких, наукоемких и цифровых технологий.

Развитие этого невысокого уклада идет крайне медленно. До сих пор не удалось восстановить уровень 1991 г. в производстве транспортных средств (49,5%) и производстве машин и оборудования (74,5%; рис. 2).

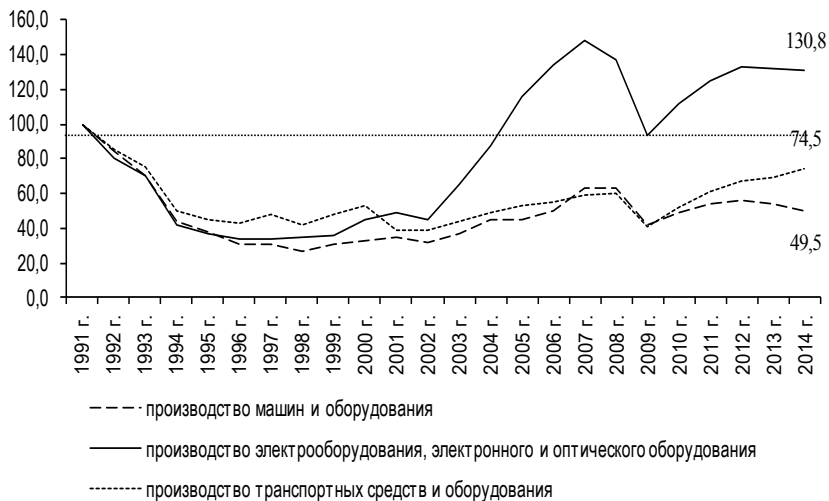


Рис. 2. Динамика производства в отраслях машиностроения России в 1991-2014 гг., % (1991 г. = 100%)

Источник: Промышленное производство России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okved.xls; Расчеты автора.

Продолжается утрата материально-технической базы инвестиционного машиностроения, о чем свидетельствует отрицательная динамика производства по многим видам продукции в станкоинструментальной и электротехнической промышленности (табл. 2).

Таблица 2. Производство основных видов машиностроительной продукции в России в 2010-2014 годах

Наименование продукции	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Гражданские самолеты, штук	12	22	18	102	95	791,7
Станки токарные с числовым программным управлением, штук	129	195	166	137	214	165,9
Станки деревообрабатывающие, штук	3909	5323	5105	5561	4869	124,6
Установки генераторные с дизельными двигателями (двигателями внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия), тыс. кВт	313	303	397	410	352	112,5
Аккумуляторы свинцовые для запуска поршневых двигателей (стартерные), тыс. штук	6068	6273	6091	6066	6604	108,8
Вагоны грузовые магистральные, тыс. штук	50,5	63,0	71,7	60,1	54,5	107,9
Автомобили грузовые (включая шасси), тыс. штук	155	207	212	207	154	99,4

Наименование продукции	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Станки металлорежущие, штук	2832	3280	3467	2945	2739	96,7
Приборы полупроводниковые; кристаллы пьезоэлектрические в сборе, млн. штук	61,3	62,7	60,0	56,2	56,5	92,2
Электродвигатели переменного тока многофазные мощностью более 750 Вт, но не более 75 кВт, тыс. шт.	239	284	234	242	210	87,9
Насосы воздушные или вакуумные; компрессоры воздушные или газовые прочие, тыс. штук	148	119	174	158	120	81,1
Двигатели внутреннего сгорания для автотранспортных средств и мотоциклов, тыс. штук	238	255	263	242	192	80,7
Электродвигатели переменного тока многофазные мощностью не более 750 Вт, тыс. штук	137	163	151	124	97	70,8
Электродвигатели универсальные (переменного/ постоянного тока) мощностью более 37,5 Вт, тыс. шт.	495	451	415	385	319	64,4
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых, тыс. кВт	2063	2434	1722	1120	1273	61,7
Машины кузнечно-прессовые, штук	2218	2492	2098	2162	1349	60,8
Электродвигатели переменного тока многофазные мощностью более 75 кВт, тыс. штук	18,3	13,4	16,1	14,3	10,9	59,6
Генераторы переменного тока (синхронные генераторы), тыс. кВт	9920	11020	14142	7935	5709	57,6
Электродвигатели мощностью не более 37,5 Вт; прочие электродвигатели и генераторы постоянного тока, тыс. штук	1637	1748	1263	1165	748	45,7
Вертолеты, штук	98	64	38	68	41	41,8
Турбины на водяном паре и турбины паровые прочие, тыс. кВт	4210	4332	3546	3101	875	20,8
Источник: Промышленное производство России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okved.xls						

Несмотря на рост некоторых важных производств (гражданские самолеты, станки с ЧПУ и др.), ситуация в машиностроении продолжает оставаться сложной. Загрузка мощностей по большинству важнейших видов продукции инвестиционно-технологического назначения является очень низкой (табл. 3). Без восстановления загрузки и ввода новых мощностей машиностроительного комплекса технологическое (т.е. основанное на современных наукоемких технологиях) развитие неосуществимо.

Таблица 3. Уровень использования среднегодовой производственной мощности в машиностроении России в 2010-2013 годах

Наименование продукции	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2010 г., п.п.
Автомобили легковые	57	72	80	68	+11
Холодильники и морозильники бытовые	68	70	65	61	-7
Автомобили грузовые (включая шасси)	31	42	47	45	+14
Автобусы	29	40	50	44	+15
Машины кузнечно-прессовые	38	44	40	39	+1
Бульдозеры самоходные и бульдозеры с поворотным отвалом	32	57	44	39	+7
Турбины на водяном паре и турбины паровые прочие	41	54	44	38	-3
Электродвигатели универсальные (переменного/ постоянного тока) мощностью более 37,5 Вт	46	43	42	38	-8
Подшипники шариковые или роликовые	29	33	33	29	0
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых	54	55	41	28	-26
Станки металлорежущие	7,7	13	10	24	+16,3
Тракторы для сельского и лесного хозяйства прочие	25	39	40	19	-6
Экскаваторы	28	20	12	12	-16
Краны мостовые электрические	12	13	13	10	-2
Бытовые пылесосы	24	17	12	-	-

Источник: Уровень использования среднегодовой производственной мощности [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/mosh10.doc

Россия обладает достаточным инвестиционным потенциалом для осуществления этих задач. Валовое накопление основного капитала в 2014 г. оценивается в 14,7 трлн. руб., или 10% ВВП (табл. 4). Реальный инвестиционный потенциал намного выше и уменьшается, главным образом, чрезмерными величинами чистого экспорта² (5,1 трлн. руб., или 7% ВВП) и чистого вывоза капитала (4,2 трлн. руб., или 6% ВВП). Следует отметить, что один из резервов уже начал использоваться. Чистое кредитование других стран³ в 2014 г. стало почти нулевым [3]. Ранее (с 1998 по 2013 год) для России было характерно крупное чистое кредитование других стран (до 2,5 трлн. руб. в год), что снижало валовое накопление на 10-15% от возможностей, вытекающих из объемов сбережений [4].

² Чистый экспорт равен экспорту за вычетом импорта.

³ Превышение финансовых активов, приобретенных резидентами страны, над суммой принятых ими финансовых обязательств.

Таблица 4. Использование ВВП России в 2010 и 2014 гг.

Показатель	2010 г.		2014 г.	
	Трлн. руб.	Доля в ВВП, %*	Трлн. руб.	Доля в ВВП, %*
ВВП	46,3	100	71,4	100
Конечное потребление домашних хозяйств	23,6	51	38,0	53
Конечное потребление государственного управления	8,7	19	13,9	20
Сбережения	12,2	26	16,3	23
Валовое накопление основного капитала	10,0	22	14,7	21
Чистый экспорт	3,7	8	5,1	7
Чистый вывоз капитала	3,1	7	4,2	6

* Сумма показателей больше 100%.
 Источник: Национальные счета России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_15; Расчеты автора.

Такое значимое сокращение ресурсной базы внутреннего развития сказывается как на инвестиционной ситуации, так и на социальной. С одной стороны, наблюдается существенное недопотребление в сфере домашних хозяйств: они используют лишь 53% ВВП (в развитых странах – 65-70%). С другой стороны, экономика испытывает острое недоинвестирование: вместо нормы в 30% ВВП используется лишь 10%. Причем при 14,7 трлн. руб. инвестиций в основной капитал ввод основных фондов в обрабатывающих производствах составил в 2014 году 1,5 трлн. руб., или 10% совокупной величины, т.е. норма накопления промышленного капитала⁴ в России равняется 2,1% ВВП (табл. 5). Это свидетельствует о крайне неэффективном распределении инвестиций в российской экономике (для сравнения, в экономике США норма накопления промышленного капитала превышает 15% ВВП).

Таблица 5. Движение основных фондов в обрабатывающих производствах России в 2010-2013 годах

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2010 г., %
Наличие основных фондов, млрд. руб.	7989,0	8876,6	9862,3	11379,0	142,4
Коэффициент обновления	5,9	6,4	6,5	6,9	+1 п.п.
Коэффициент выбытия	1,0	1,0	0,8	1,1	+0,1 п.п.
Объем ввода, млрд. руб.	881,4	1094,2	1186,5	1540,8	174,8

Источник: Уровень использования среднегодовой производственной мощности [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/mosh10.doc

⁴ Величина приобретения основных средств производства, инвестирования промышленными предприятиями.

Таким образом, проанализированные данные указывают на слабое регулирование в сфере общественного воспроизводства. Технологическое развитие экономики требует управления ключевыми параметрами кругооборота промышленного капитала (скоростью, пропорциями), обеспечения необходимой величины (не ниже уровня развитых стран, т.е. 30% ВВП), технологической и продуктовой структуры капиталовложений, поддержки должных уровней обновления основных производственных фондов (в диапазоне 11-14%). Важным моментом является объединение добывающего и обрабатывающего секторов народного хозяйства [1]. Подъем экономики возможен за счет вертикальной интеграции добычи и технологической переработки сырьевых ресурсов в наукоемкую продукцию конечного потребления, т.е. создания технологических цепочек с полным циклом производства высокотехнологичной продукции конечного спроса в форме общенациональных корпораций, где интегрированы собственность, труд, управление, промышленный капитал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция [Текст] / С.С. Губанов. – М.: Книжный Мир, 2012. – 224 с.
2. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
3. Национальные счета России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_15
4. Погосов, И.А. Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века [Текст] / И.А. Погосов, Е.А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 36 с.
5. Промышленное производство России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_prom_okved.xls

6. Уровень использования среднегодовой производственной мощности [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/mosh10.doc
7. Input-Output Accounts Data [Electronic resource] / Bureau of Economic Analysis. – Available at: http://bea.gov/industry/io_annual.htm

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ РЕГИОНОВ

На сегодняшний день проблема выбора приоритетов развития имеет особую важность, что обусловлено качественными изменениями, происходящими в мировой экономике. Важность этой проблемы отмечена в решениях конференций ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г. и Йоханнесбург, 2002 г.), в которых предлагается альтернатива социально-экономическому росту – концепция «устойчивого развития», характеризующаяся единым подходом к эволюции каждого из аспектов (экономического, социального и экологического). Об актуальности проблемы перехода к устойчивому развитию России свидетельствует то обстоятельство, что по индексу устойчивости общества, отражающему экономические, социальные и экологические аспекты развития, в 2012 году Россия занимала 52-е место по экономическому, 59-е место по социальному и 128-е место по экологическому благополучию [7].

Особую актуальность имеет исследование эколого-экономических аспектов устойчивого развития на региональном уровне. Здесь, помимо системных проблем, основными из которых выступают продолжающееся загрязнение окружающей среды в ходе хозяйственной и бытовой деятельности и низкая эффективность природоохранных мероприятий, отмечается и меньшая обеспеченность финансовыми и кадровыми ресурсами. Так, в Вологодской области ресурсные платежи, в число которых входит и плата за загрязнение окружающей среды, составляют порядка 5% доходов консолидированного бюджета [4]. При этом особенностью региона является наличие крупных промышленных холдингов, активно загрязняющих окружающую среду.

Важность исследований региональной устойчивости, по мнению ряда исследователей, обуславливается следующими основными особенностями современных регионов [6]:

¹ Кузнецов Алексей Павлович – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

- регионы выступают как наиболее эффективно управляемые структуры, занимающие равноудаленное положение в управленческом пространстве страны;
- являясь исторически наиболее устойчивыми территориальными образованиями, регионы сформировали за период своего существования достаточно обособленные социумы с определенным набором национальных и этнических признаков;
- за прошедшее десятилетие регионы приобрели значительный опыт совмещения практики стимулирования рыночных преобразований на своих территориях с политикой государственного регулирования этих процессов.

Управление устойчивым развитием в настоящее время становится важной составляющей развития России и ее регионов. Неустойчивая экономическая ситуация в стране, природно-сырьевой и экспортно ориентированный характер ее экономики не позволяют ей успешно применять инструменты и механизмы в данной области. В этой связи исследование методов и инструментов управления, применяемых в российской и зарубежной практике для управления устойчивым развитием, является весьма актуальным. Кроме того, для реализации экологической политики важное значение имеет проведение экологически сбалансированных экономических реформ и создание соответствующей экономической среды на макроэкономическом уровне.

Решение задач в области устойчивого развития прежде всего должно обеспечиваться за счет разработки системы программных и прогнозных документов, таких как стратегия устойчивого развития долгосрочного характера, долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные прогнозы, которые включают в качестве составного компонента прогноз изменений окружающей среды и отдельных экосистем в результате хозяйственной деятельности. При переходе к устойчивому развитию региона предполагается соблюдение ряда ограничений: осуществление хозяйственных мероприятий преимущественно на уже освоенных территориях и отказ от реализации любых проектов, которые наносят невосполнимый ущерб окружающей среде или экологические последствия которых недостаточно изучены.

При этом подразумевается последовательное решение ряда принципиальных задач:

- в процессе выхода регионов из нынешнего кризиса обеспечить стабилизацию экологической ситуации;
- обеспечить улучшение состояния окружающей среды за счет экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления;
- ввести хозяйственную деятельность в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления.

Из этого вытекают следующие задачи регионального организационно-экономического механизма:

- обеспечить стабильное поступление финансовых ресурсов на экологические цели;
- осуществлять эффективное распределение средств, особенно инвестиционных, учитывая необходимость первоочередного решения экологических проблем в неблагоприятных зонах;
- стимулировать рациональное использование природных ресурсов, эффективную охрану окружающей природной среды и ее воспроизводство;
- предупреждать негативное воздействие хозяйственной деятельности на природу и человека;
- компенсировать экологический ущерб и ущерб здоровью населения, причиняемый (причиненный) хозяйственной деятельностью.

Объектом механизма является окружающая среда, субъектами – население, субъекты хозяйствования, органы государственной власти. Ниже представлена схема формирования организационно-экономического механизма экологически устойчивого развития (рисунок).

Организационно-экономический механизм экологически устойчивого развития, таким образом, базируется на консолидированном социально-экономическом механизме управления природопользованием, которое исполняет государство с помощью фискальных, регулирующих, распределительных и социальных функций посредством законодательных, информативных, фискальных и экономических методов на федеральном, региональном и местном уровнях.

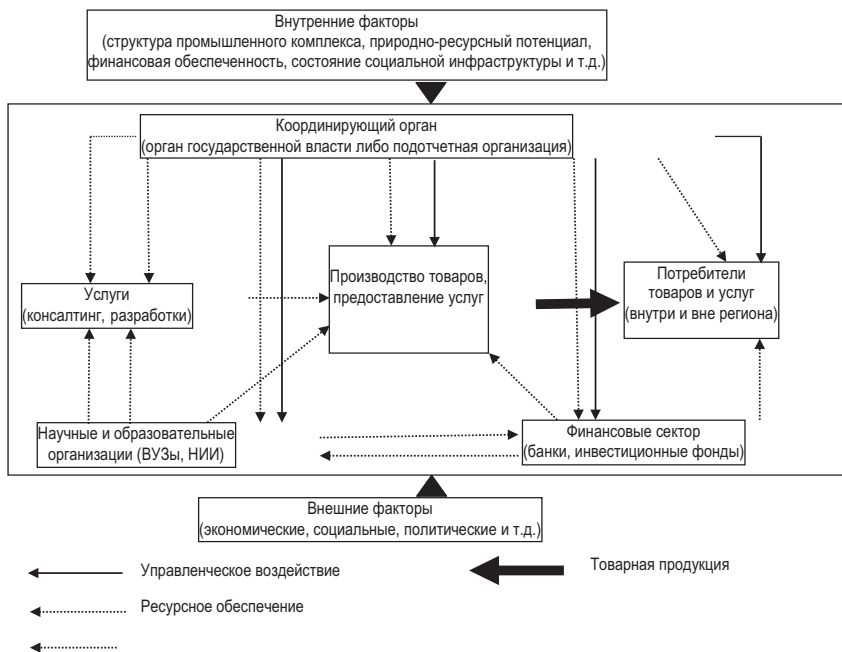


Рис. Организационно-экономический механизм эколого-экономической устойчивости регионального развития

Из окружающей среды изымаются компоненты, являющиеся частью природно-ресурсного потенциала, и поступают отходы из муниципальной экономики. Информация о состоянии окружающей среды так же, как и информация о состоянии природно-ресурсного потенциала, поступает в органы управления, к субъектам экономики, в научные и общественные институты.

Представляется, что такой механизм, работая системно и целенаправленно, способен обеспечить реализацию предпосылок эколого-экономической сбалансированности и переход природно-хозяйственного муниципального комплекса к биосферосовместимому типу образования развития, в ходе которого благодаря социокультурным сдвигам, технологическим и управленческим инновациям и последовательным управленческим воздействиям можно максимально снизить потребление ресурсов из окружающей среды и

сброс отходов в нее, а затем и перейти к новому типу экономики, встроенному в природные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев, С.Н. Индикаторы устойчивого развития России [Текст] / С.Н. Бобылев, П.А. Макеенко. – М.: ЦПРП, 2001. – 220 с.
2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-eu.ru/node/14>
3. Рейтинг стран мира по индексу устойчивости общества [Sustainable Society Foundation. The 2012 Sustainable Society Index] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/sustainable-society-index/info>;
4. Стратегия рационального природопользования и охраны окружающей среды Вологодской области на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/postanovleniya_pravitelstva/9744
5. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.n-west.ru/wp-content/uploads/2012/12/O-Strategii-sotsialnoe%60konomicheskogo-razvitiya-Vologodskoy-oblasti-na-period-do-2020-goda.pdf>
6. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Общество для экономики или экономика для общества. Экономическое развитие для общества или общественное развитие для экономики. На первый взгляд может показаться, что эти два процесса развития идут рука об руку. На самом деле это не так. Хотя они и взаимосвязаны, определение приоритетов между ними предполагает использование в теории и на практике совершенно разных аргументов для обоснования общественно-экономического развития.

Современную устойчивость системы жизнеобеспечения многие исследователи связывают с развитием общества в контексте социально-экономического развития территорий. Это, на наш взгляд, концептуально ошибочно в связи с постановкой акцента на территориальном развитии как обеспечении процесса жизнедеятельности, который имеет конечной целью получение блага человеком, повышение качества его жизни. При этом нарушается каузальность объективного процесса – не только в мыслях современных ученых, стратегов, исследователей, но и в воплощенных на бумаге нормативно-правовых актах, программах, стратегиях развития.

Зададимся вопросом, что или кто позволяет достичь лучших условий жизни. Развитая экономика? Ответ очевиден. Человек выступает первым звеном во всех этапах создания и потребления блага (идея – претворение в жизнь – организация, управление, контроль производства – обмен благом – потребление), поэтому главная роль в реализации потенциала роста качества жизни принадлежит ему.

В связи с этим устойчивое развитие системы жизнеобеспечения мы связываем с социально-экономическим развитием территорий в контексте развития общества.

Такой теоретический подход, реализуемый на практике, имеет в своем арсенале инструменты экономико-правового характера, нацеленные на развитие человека. Первоочередная цель здесь – развитие общества, вторая цель – социально-экономическое развитие территорий.

¹ Вохмянин Иван Андреевич – аспирант, инженер-исследователь ИСЭРТ РАН.

Применение иного подхода к общественно-экономическому развитию приведет к тому, что огромная часть населения, привыкшая жить от зарплаты до зарплаты, имеющая доход, сравнимый с величиной прожиточного минимума, не сможет вырваться из ловушки бедности. Коэффициент дифференциации доходов россиян (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) в 2014 году составил 16. С 2006 года его величина практически не изменилась (таблица).

Таблица. Коэффициент дифференциации доходов населения РФ за период 1995-2014 гг.

Год	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Коэффициент	13,5	13,3	13,6	13,8	14,1	13,9	13,9	14	14,5	15,2	15,2	15,9	16,7	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	16,2	16
Спарклайн																				
Источник: Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) (январь-декабрь) [Электронный ресурс] / Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31170																				

Разрыв между оплатой и реальным содержанием труда зачастую колоссален. Самая заниженная оплата труда имеется в тех сферах, которые прямо воздействуют на жизнеобеспечение населения (здравоохранение, образование, предоставление социальных, коммунальных услуг) и не относятся к реальному сектору экономики. Поэтому одним из путей развития системы жизнеобеспечения в соответствии с предложенным подходом мы видим в увеличении дохода людей, чей труд несоизмерим с его оплатой, то есть содержание труда превышает его объективную оплату.

Необходимо исходить из той позиции, что рост оплаты труда повысит платежеспособный спрос населения. Спрос потребует от экономики увеличения производства продукции, работ и услуг, тем самым умножит ее оборот. Это в свою очередь увеличит количество рабочих мест, поможет снизить безработицу. Конечно, возникают

инфляционные риски. Вместе с тем инфляция, происходящая сейчас, при которой реальные доходы снижаются или остаются на одном уровне, а заработная плата во многих случаях даже не индексируется в соответствии с инфляцией, видится большей бедой. Полагаем, что рост оплаты труда должен осуществляться не на основе инфляции, а в соответствии с изменением содержания труда, возрастанием его сложности, объема работ и др. Данный подход ориентирован на социально-экономическое развитие общества, способного и готового не только поддержать экономику повышением спроса на ее продукцию, работы и услуги, но и имеющего стимул двигать экономику вперед за счет повышения производительности труда, предпосылкой которого становится положительный опыт поощрения.

Подход направлен также на снятие социального напряжения в обществе, формирование человеком взгляда на свое будущее как здоровую, активную, рабочую деятельность, имеющую целью жизнь своей семьи в достатке, а не просто выживание.

В настоящее время ухудшению экономического положения населения способствует также деятельность банков, которые не только разогревают кризис в экономике, занимаются спекуляциями на выдаваемые Центральным Банком кредиты, но и создают ситуацию, в которой процесс взятия и погашения кредита гражданами, особенно малообеспеченными, зачастую превращается из жизненной необходимости в неосуществимый план жизнеобеспечения. Ввиду этого необходимо ужесточение правил ведения деятельности в финансовом секторе экономики, ориентирование банковских структур на повышение благосостояния общества, а не состояния кошельков их владельцев.

Нужно понять, что мы должны поставить в приоритет – обеспечение развития общества или экономики территорий. В первом случае развитое общество работает на экономику, во втором – развитие экономики способствует в какой-то мере развитию общества. Соответственно, и инвестировать в первом случае необходимо в человека, в общество, во втором – в предприятия, производство, экономику. По мнению автора, верен подход, считающий приоритетом социально-экономическое развитие общества. Мы не говорим о том, что инвестиции в экономику не нужны. Речь идет лишь о смещении акцента с проблем территориального развития на проблемы развития человека,

с алгоритма развития «экономика территории – человек, общество» на алгоритм «человек, общество – экономика территории», то есть о решении проблем экономического развития через соответствующее решение проблем развития индивидуума, общественного развития.

В довершение сказанного отметим, что отдельные ученые рассуждают об утрате современным научным знанием гуманистической составляющей. О том, что в современных условиях быстрого общественно-экономического развития для восполнения гуманистического направления науке необходим междисциплинарный подход, основывающийся в том числе на достижениях и опыте социологии [2]. На наш взгляд, правильное осмысление предлагаемого направления поиска знания, постановка проблемы развития качества жизни человека в новую парадигму в качестве центральной, применение на практике адекватных поставленной проблеме инструментов ее решения смогут обеспечить устойчивое развитие социально-экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) (январь-декабрь) [Электронный ресурс] / Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: <http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31170>
2. Кравченко, С.А. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки [Текст] / С.А. Кравченко, В.И. Салыгин // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 22.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ НА ОАО «ВОЛОГОДСКИЙ ЗАВОД СТРОИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ДОРОЖНЫХ МАШИН»

В настоящее время условия развития экономики требуют повышения эффективности всех направлений деятельности предприятий, освоения новых технологий, поиска резервов снижения затрат и обеспечения качества выполняемых работ. Важным фактором повышения эффективности деятельности предприятия является научно-техническое совершенствование. В современных условиях нужны революционные, качественные изменения, переход к принципиально новым технологиям, к технике нового поколения, коренное перевооружение всех отраслей народного хозяйства на основе новейших достижений науки и техники.

Таким образом, есть объективная необходимость проведения модернизации производственной деятельности на предприятиях.

Под модернизацией находящегося в эксплуатации оборудования (основных фондов) понимают обычно приведение его в соответствие с современными требованиями путем частичного усовершенствования конструкции с целью повышения экономической эффективности [7]. Модернизация оборудования может проводиться по нескольким направлениям (рис. 1).

Во-первых, усовершенствование конструкций действующих машин, повышающее их режимные характеристики и технические возможности [10]. Во-вторых, механизация и автоматизация станков и механизмов, которые позволяют увеличить производительность оборудования [9]. Высшей степенью механизации является автоматизация производственных процессов, которая дает возможность осуществлять весь цикл работ без непосредственного участия в нем человека, лишь под его контролем [6]. В-третьих, перевод оборудования на программное управление. Программное управление – это управление режимом работы объекта по заранее заданному алгоритму (программе) [8].

¹ Лихачева Татьяна Николаевна – инженер-исследователь ИСЭРТ РАН.

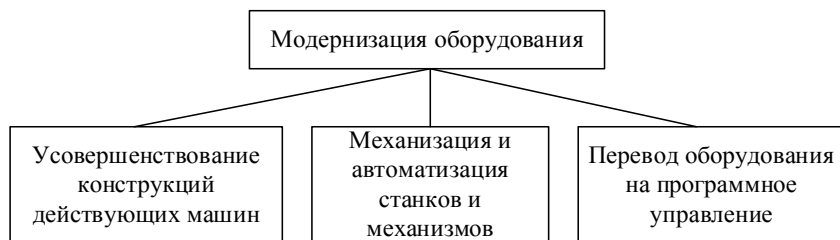


Рис. 1. Направления модернизации

Целью модернизации и перевооружения ОАО «Вологодский завод строительных конструкций и дорожных машин» («СКДМ») является создание оптимальных технологических условий для производства основных видов продукции предприятия с учетом тенденции изменения спроса покупателей по видам продукции. В 2014 году на заводе проведена серьезная модернизация производства, установлено новейшее оборудование. Столь мощное переоснащение позволило существенно повысить конкурентоспособность предприятия не только на отечественном, но и на международном рынке.

Проведем анализ основных производственных фондов предприятия, для оценки их состояния. Данные для анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Анализ структуры основных фондов по состоянию на конец года ОАО «СКДМ»

Показатель	2012 г.		2013 г.		2014 г.		Отклонение, (+,-)		Темп роста, %	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	2013 г. к 2012 г.	2014 г. к 2013 г.	2013 г. к 2012 г.	2014 г. к 2013 г.
Здания и сооружения	392186	64,9	398745	65,0	327081	52,3	6559	-71664	101,67	82,03
Машины и оборудование	176526	29,2	178623	29,1	181564	29,0	2097	2941	101,19	101,65
Транспортные средства	29007	4,8	30138	4,9	18755	3,0	1131	-11383	103,9	62,23
Производственный и хозяйственный инвентарь	1752	0,3	1822	0,3	1544	0,2	70	-278	104,0	84,74
Земельные участки и объекты природопользования	4487	0,7	4572	0,7	29462	4,7	85	24890	101,89	644,4
Итого	603958	100	613900	100	625583	100	9942	11683	101,65	101,9

За исследуемый период произошли несущественные изменения в структуре основных фондов. Стоимость основных фондов возросла в 2014 году на 1,9% по сравнению с 2013 годом. Значительно сократил-

ся удельный вес зданий и сооружений – на 12,7%. Увеличился объём машин и оборудования в структуре на 1,6% за счёт технического перевооружения. Предприятием были приобретены земельные участки и объекты природопользования для реализации текущих проектов, в результате их удельный вес вырос в 6 раз.

Далее проведем оценку основных фондов – их движения и технического состояния (табл. 2).

Таблица 2. Оценка состояния и движения основных фондов на основе коэффициентов

Показатель	На начало периода	Поступление	Выбытие	На конец периода	Коэффициент обновления	Коэффициент интенсивности обновления	Коэффициент выбытия
ед. изм.	тыс. руб.	тыс. руб.	тыс. руб.	тыс. руб.	%	%	%
Обозначение	C_0	C_n	$C_в$	C_1	$K_{обн}=3/5 \times 100$	$K_{инт}=4/3 \times 100$	$KB=4/2 \times 100$
2012 г.	601059	10667	7768	603958	1,77	72,82	1,29
2013 г.	603958	16170	6228	613900	2,63	38,52	1,03
2014 г.	625583	43141	3396	665328	6,48	7,87	0,54

Отношение выбывших основных фондов к поступившим составляет 7,87%. Значение данного коэффициента показывает замедление деятельности организации по обновлению основных средств, поскольку поступление основных средств значительно превышает их выбытие. Это свидетельствует о том, что изношенное оборудование продолжает эксплуатироваться.

Анализ изношенности основных фондов исследуемой организации представлен в табличной форме (табл. 3).

Таблица 3. Характеристика изношенности основных фондов организации

Показатель	Первоначальная стоимость		Сумма износа		Коэффициент износа		Коэффициент годности	
	На начало периода	На конец периода	На начало периода	На конец периода	На начало периода	На конец периода	На начало периода	На конец периода
	C_0	C_1	C_n	$C_в$	$K_{изн}=4/1 \times 100$	$K_{г1}=5/3 \times 100$	$K_{г0}=100-6$	$K_{г1}=100-7$
2012 г.	601059	603958	167118	205796	27,80	34,07	72,20	65,93
2013 г.	603958	613900	205796	261360,9	34,07	42,57	65,93	57,43
2014 г.	625583	665328	261360,92	331928,3	41,78	49,89	58,22	50,11

Выполненные расчеты свидетельствуют об удовлетворительном состоянии основных фондов организации, так как коэффициент износа составляет 41,78% на начало периода и 49,89% – на конец. Несмотря на усилия организации по обновлению основных фондов, наблюдается тенденция к росту коэффициента износа. Следовательно, деятельность организации по обновлению основных фондов необходимо продолжить.

Данные для анализа эффективности использования основных фондов приведены в таблице 4.

Таблица 4. Анализ эффективности использования основных фондов ОАО «СКДМ», тыс. руб.

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Отклонение, (+-)		Темп роста, %	
				2013 г. к 2012 г.	2014 г. к 2013 г.	2013 г. к 2012 г.	2014 г. к 2013 г.
Выручка от продажи продукции	1802169	1523649	2255637	-278520	731988	84,55	148,04
Среднегодовая стоимость ОПФ	603958	613900	625583	9942	11683	101,65	101,9
Среднегодовая стоимость активной части ОПФ	176526	179431,87	182846,6	2905,87	3414,73	101,65	101,9
Среднесписочная численность работников	947	843	829	-104	-14	89,02	98,34
Фондоотдача	2,2	2,16	3,61	-0,04	1,44	98,29	166,74
Фондоотдача активной части	8,86	7,40	12,34	-1,46	4,94	83,50	166,74
Фондоёмкость продукции	0,46	0,46	0,28	0,00	-0,19	100,53	59,97
Фондорентабельность	16,2	10,54	28,91	-5,66	18,37	65,04	274,36
Относительная экономия (перерасход) основных фондов	126116,1	8405,49	17295,72	-117710,6	8890,23	6,66	205,77

За анализируемый период темп роста выручки выше (148,04%), чем у среднегодовой стоимости основных фондов (101,9%), в связи с увеличением фондоотдачи активной части фондов, что непосредственно связано с повышением автоматизации выполняемых процессов. Фондорентабельность увеличилась в 2 раза за счёт увеличения выручки. Наблюдается перерасход капитальных вложений на 17295,72 тыс. руб. в 2014 году, что является результатом обновления производства на предприятии.

К основным отрицательным моментам можно отнести замедление деятельности организации по обновлению основных средств. Несмотря на усилия организации по обновлению основных фондов,

наблюдается тенденция к росту коэффициента износа. Следовательно, деятельность организации по обновлению основных фондов необходимо продолжить. В связи с этим предприятию в первую очередь необходимо сократить долю изношенного оборудования, провести мероприятия по замене устаревшей техники, модернизации оборудования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годовой отчёт общества 2012 г. [Текст]. – М., 2012. – 67 с.
2. Годовой отчёт общества 2013 г. [Текст]. – М., 2013. – 81 с.
3. Годовой отчёт общества 2014 г. [Текст]. – М., 2014. – 74 с.
4. ГОСТ Р ИСО 10001-2009. Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Рекомендации по правилам проведения для организаций [Электронный ресурс]: введ. 27.05.2009 // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Режим доступа: http://expert.gost.ru/ME/DOC/TXT_GOST_R_ISO_10001-2009.pdf
5. ГОСТ Р ИСО 10014-2008. Менеджмент организации. Руководящие указания по достижению экономического эффекта в системе менеджмента качества [Электронный ресурс]: введ. 18.12.2008 // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Режим доступа: <http://files.stroyinf.ru/Data1/55/55647>
6. Кантор, Е.Л. Экономика предприятия [Текст]: учебник для вузов / Е.Л. Кантор. – СПб.: Питер, 2007. – 394 с.
7. Лехтянская, Л.В. Оборотные средства и модернизация производства [Текст] / Л.В. Лехтянская // Российское предпринимательство. – 2013. – № 5 (227). – С. 42–46.
8. Общероссийский информационный портал [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.rb-edu.ru>
9. Райзберг, Б.А. Основы экономики [Текст]: учеб. пособие / Р.А. Райзберг. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 408 с.
10. Савкина, Р.В. Планирование на предприятии [Текст]: учебник / Р.В. Савкина. – М.: Дашков и К, 2012. – 321 с.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ НА ПРИМЕРЕ
ПАО «МРСК СЕВЕРО-ЗАПАДА»**

Современное антимонопольное законодательство основано на предположении, что необходимо препятствовать развитию монополий или прекращать их деятельность, если монополия уже существует. Им уточнены критерии, по которым определяются монополисты на российских рынках. Безусловным монополистом может считаться фирма, контролирующая 65 и более процентов рынка, за исключением только тех случаев, когда хозяйствующий субъект докажет, что, несмотря на превышение указанной величины, его положение на рынке не является доминирующим. Фирмы, контролируемые от 35 до 65 процентов рынка, тоже могут быть признаны монополистами, но при условии, если антимонопольные органы докажут наличие доминирующего положения хозяйствующего субъекта. Установлена и нижняя планка для возможности проведения анализа деятельности фирмы. Если хозяйствующий субъект имеет на рынке долю, составляющую менее 35 процентов, его положение не может быть признано доминирующим. Важно подчеркнуть, что по идее даже сам факт доминирующего положения ненаказуем. Антимонопольные органы должны преследовать не за доминирующее положение, а за злоупотребление им. Новое антимонопольное законодательство включает в сферу антимонопольного регулирования не только отдельные предприятия, но и «группу лиц», создающих устойчивое образование и проводящих скоординированную конкретную политику.

Однако в случае естественной монополии ее существование экономически обосновано. Государство, министерства и ведомства, управляющие отдельными отраслями национальной экономики, а также многие промышленные предприятия в силу естественных условий хозяйствования (имея в распоряжении или управлении редкие и свободно не производимые материальные блага или услуги – землю, полезные ископаемые и т.п.) превратились в монополи-

¹ Решетникова Ксения Михайловна – студент ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (научный руководитель – доцент к.э.н. О.Б. Кирик).

стов (естественные монополии), которые не имеют конкурентов на рынке. Например, производство жилищно-коммунальных услуг требует существования в единичном варианте и исключает дублирование производства (нет смысла вести в дом несколько трубопроводов и электросетей). Продукция и услуги отличаются высокой степенью однородности и массовым характером потребления. И здесь встает проблема государственного регулирования.

Регулирование является важным компонентом развития монополии. В целом оно способствует технологическому прогрессу. Однако чрезмерное вмешательство регулятора может иметь и отрицательное влияние. Экономические методы регулирования предусматривают создание благоприятных экономических условий для оптимизации функционирования и стимулирования развития естественных монополий, т. к. повышение эффективности их деятельности при сохранении технического регулирования и ценового регулирования позволит активизировать инновационную деятельность, привлечь инвестиции, повысить конкурентоспособность российских естественных монополий.

В условиях естественных монополий роль государства должна заключаться в повышении эффективности управления ими. С помощью регулирования возможно добиться социально приемлемых цен, установления определенных стандартов качества на продукцию и получения выгод от эффекта масштаба производства. Так, за счет снижения цен сокращается общий объем прибыли монополиста, но достигается социальная справедливость [1]. Довольно обычной является государственная собственность на предприятия электроэнергетики.

Публичное акционерное общество «Межрегиональная распределительная сетевая компания Северо-Запада» (до 03.07.2015 – открытое акционерное общество) с 1 апреля 2008 года действует как единая операционная компания. В ее состав входят семь филиалов – «Архэнерго», «Вологдаэнерго», «Карелэнерго», «Колэнерго», «Комиэнерго», «Новгородэнерго», «Псковэнерго». Территория обслуживания компании – 1,58 млн кв. км с населением около 5,9 млн человек. Общая протяженность воздушных и кабельных линий электропередачи составляет 175,8 тыс. км. Количество подстанций 35 кВ и выше, состоящих на балансе, – 1 172 шт, установленная мощность силовых трансформаторов подстанций составляет 19,03 тыс. МВА. Уставный капитал

составляет 9,5786 млрд рублей. 55,38% акционерного капитала ПАО «МРСК Северо-Запада» принадлежит ПАО «Российские сети». ПАО «МРСК Северо-Запада» является одной из крупнейших сетевых организаций СЗФО. В соответствии с решением ФСТ России ОАО «МРСК Северо-Запада» включено в реестр субъектов естественных монополий. Доля ПАО «МРСК Северо-Запада» на рынке услуг по передаче электроэнергии в целом по территории обслуживания составляет 73%. Отпуск электроэнергии в сеть ПАО «МРСК Северо-Запада» по итогам 9 месяцев 2015 года составил 28 684 миллионов кВт/ч. Это соизмеримо с годовой выработкой Балаковской АЭС, являющейся крупнейшей в стране. Общий объем потерь электроэнергии по итогам 9 месяцев составил 5,93%. Сохранению потерь на уровне ниже нормативного способствовала, в частности, реализация программы по энергосбережению и энергоэффективности. Так, за первые три квартала компания выявила 2150 случаев безучетного и бездоговорного энергопотребления [2].

Основные потребители электрической энергии:

- ПАО «Северсталь»;
- ОАО «Череповецкий Азот»;
- ЗАО «Вологодский подшипниковый завод»;
- ОАО «ФосАгро»;
- ОАО «Череповецкий сталепрокатный завод».

Основными видами услуг, оказываемых ПАО «МРСК Северо-Запада», являются передача электрической энергии по распределительным электрическим сетям и технологическое присоединение энергопринимающих устройств (энергетических установок) юридических и физических лиц к электрическим сетям.

Динамика изменения фактической выручки за 2012 – 2014 гг. ПАО «МРСК Северо-Запада» в разрезе видов деятельности, представлена в таблице 1.

В 2014 году общая величина выручки ОАО «МРСК Северо-Запада» составила 44262 млн руб., что на 2212 млн руб., или 5,2%, больше уровня 2013 года. Существенное изменение выручки за услуги по передаче электроэнергии обусловлено рядом факторов:

1. При снижении полезного отпуска на 2% от уровня прошлого года прирост выручки за услуги по передаче электроэнергии обеспечен за счет роста среднеотпускного тарифа на 6,4%.

Таблица 1. Выручка ПАО «МРСК Северо-Запада», млн руб. [2]

Вид деятельности	Год			Изменение 2013 г. к 2012 г., +/-	Изменение 2014 г. к 2013 г., +/-
	2012	2013	2014		
Выручка от передачи электроэнергии	29276	29650	31343	+374	+1693
Выручка от технологического присоединения к электрическим сетям	1412	955	882	-457	-73
Выручка от реализации электроэнергии	0	10799	11017	+10799	+218
Выручка от прочей деятельности	481	646	1020	+165	+374
Итого	31169	42050	44262	+10881	+2212

2. Изменение выручки от услуг по передаче электроэнергии по факту 2014 г. в сравнении с 2013 г. неоднородно по регионам. Наибольший рост выручки от передачи электроэнергии наблюдается по филиалу «Архэнерго» (+318 млн руб.) и «Карелэнерго» (+334 млн руб.). Различия в динамике выручки от основного вида деятельности обусловлены неоднородностью изменений среднего тарифа по регионам присутствия.

Завершена реконструкция воздушных переходов 10 кВ через железную дорогу в Грязовецком РЭС. Замена кабельных переходов ВЛ-10 кВ на воздушные в Грязовецком РЭС началась в 2008 году. Была произведена замена пяти кабельных переходов на участке Вологда-Ярославль Северной железной дороги. Все переходы находятся на территории Грязовецкого района Вологодской области. Главной причиной замены кабельных линий классом напряжения 10 кВ на воздушные стала необходимость частого ремонта выходящих из строя кабелей, постоянно подвергающихся электрохимической коррозии под железнодорожными путями. Новые переходы ВЛ-10 кВ выполнены на повышенных металлических опорах самонесущим изолированным проводом. Общая протяженность всех железнодорожных переходов составляет 2,176 км. Затраты составили порядка 26,2 млн рублей.

Завершено строительство отпайки ВЛ-110 кВ на ПС «Красавино». По новой воздушной линии электропередачи протяженностью 5,44 км будет осуществляться передача вырабатываемой ГТЭС «Красавино» электрической энергии в сеть 110 кВ для электроснабжения потребителей Великоустюгского муниципального района и смежных с ним районов. Кроме того, вырабатываемая электроэнергия пойдёт на электроснабжение таких важных объектов, как нефтеперекачивающая станция, газокompрессорная станция и нефтеналивной терминал. Затраты на реализацию проекта составили 42,826 млн рублей.

Таблица 2. Анализ рентабельности ПАО «МРСК Северо-Запада»

Показатель, %	Год			Изменение 2014 г. к 2013 г., +/- п.п.
	2012	2013	2014	
Рентабельность (убыточность) активов	0,98	1,45	(0,91)	-0,54
Рентабельность (убыточность) собственного капитала	0,23	1,0	(2,27)	-3,27
Рентабельность продаж	12,52	12,52	10,89	-1,63

Источник: Россети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosseti.ru>

По данной таблице можно сделать вывод, что все показатели рентабельности в 2014 году снизились. Важнейший показатель, используемый для оценки инвестиционной привлекательности, – рентабельность собственного капитала – сократился в 2014 году по сравнению с 2013 годом на 3,27 процентных пункта, что привело в итоге к убыточности в размере 2,27%. Рентабельность продаж также сократилась на 1,63 процентных пункта – это показатель, отражающий степень конкурентоспособности оказываемых услуг.

Данные невысокие значения показателей рентабельности подтверждают, что тарифы полностью контролируются государством и даже возможно прямое установление цен на продукцию ПАО «МРСК Северо-Запада». При таком регулировании предприятие может быть убыточным, но будут обеспечиваться низкие цены. В отношении естественных монополий правительство часто образует комиссии для регулирования цен и устанавливает стандарты на предоставляемые услуги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахинов, Г.А. Экономика общественного сектора [Текст]: учеб. пособие / Г.А. Ахинов. – М.: ИНФРА - М, 2008. – 345 с.
2. Россети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosseti.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В условиях региональной экономики переходного периода производственный сектор УИС, получивший широкую хозяйственную самостоятельность, столкнулся с необходимостью принципиально новых подходов к обеспечению собственной экономической безопасности, что потребовало коренного преобразования всей системы защиты экономических интересов. В процессе становления рыночных отношений, создания правовой основы цивилизованного предпринимательства, усиления недобросовестной конкуренции и криминализации отдельных сегментов экономики тяжесть этих проблем легла и на производство УИС, которые во многих случаях оказались не подготовленными к их решению. В этой связи возникла насущная необходимость в научной и практической разработке данной проблемы, в понимании сущности понятий безопасности в целом и экономической безопасности в том числе [1].

Уголовно-исполнительная система на протяжении всего своего существования прочно и неразрывно связана с экономикой как страны в целом, так и региональной в частности. Мнения ведущих ученых, изучающих проблематику влияния пенитенциарной системы на экономику региона, расходятся, одни считают, что УИС – это федеральная структура и больше всего оказывает влияние на общегосударственные процессы, другие в свою очередь доказывают, что влияние происходит именно на уровне региона. Однозначно можно отметить то обстоятельство, что структурные подразделения, которые непосредственно организуют работу с осужденными, центры трудовой адаптации осужденных, сотрудники УИС, лица, освободившиеся из мест лишения свободы и отбывающие наказание, находящиеся под надзором, и есть участники социально-экономических отношений. Таким образом, про-

¹ Коварин Дмитрий Евгеньевич – курсант Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань.

изводственный сектор уголовно-исполнительной системы оказывает существенное влияние на региональную экономику.

Поскольку основное влияние уголовно-исполнительная система оказывает на социальную жизнь региона путем возвращения к нормальной жизни осужденных через их ресоциализацию, то и в региональных долгосрочных программах должны быть предусмотрены мероприятия и инструменты по стимулированию данных процессов. Так, в каждой из приведенных выше концепций (стратегий) есть раздел, связанный с организацией правопорядка на этих территориях. Благополучие семей сотрудников и работников учреждений напрямую связано с уровнем их жизни, возможностью приобретать товары, получать услуги. В процессе преобразования уголовно-исполнительной системы России оплата труда сотрудников была повышена и достигла достойного уровня. Достойная оплата труда не всегда гарантирует обеспечение для сотрудников доступа к социальным благам, инфраструктуре, так как их нет в той местности, в которой они проживают [3].

В процессе анализа ситуации с обеспечением кадров уголовно-исполнительных учреждений выделяют именно отсутствие социальной инфраструктуры как один из основных отрицательных факторов, выявляемых при проведении опросов. Органы государственной власти обязаны работать над созданием условий жизни населения, так как в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об организации местного самоуправления в РФ» это является прямой обязанностью муниципальных властей. Данное обстоятельство побуждает власти развивать территории, а результатом этого становится создание дополнительных рабочих мест, формируются обслуживающие организации. Исходя из этого, даже если в дальнейшем при реформировании УИС будет принято решение о ликвидации учреждения пенитенциарной системы, это не приведет к полному вымиранию территорий, а даст толчок к развитию нового производства, так как на базе учреждений путем привлечения инвесторов данная территория окажется не просто привлекательной экономически, но и с точки зрения проживания граждан [6].

Влияние второй группы населения территорий в лице осужденных, отбывших наказание, и иных лиц, находящихся под надзором системы, заключается, скорее всего, не в экономическом, а в социаль-

ном факторе. Согласно имеющейся статистике большинство лиц, находившихся в местах лишения свободы, имеют серьезные заболевания, инвалидность. При их освобождении это окажет существенное влияние и на состояние здоровья населения региона в целом. Органы государственной власти должны в своих концепциях и стратегиях предусмотреть программы по профилактике в области здравоохранения в виде диспансерного учета среди лиц, отбывших наказание, чтобы предотвратить в дальнейшем распространение заболевания, а также оказания своевременной медицинской помощи, результатом чего должно стать снижение смертности.

Региональная наука постоянно находится в поиске того самого единого интегрального показателя, который бы показывал эффективность работы органов государственной власти. Показатель продолжительности жизни населения региона можно считать одним из ключевых не только по здравоохранению, но и как обобщающий показатель по региону. Здоровое население, способное трудиться и создавать общественные блага, влияет и на экономическую составляющую.

Вклад уголовно-исполнительной системы страны в экономическую составляющую региона проходит через участие производственного сектора. Как выше отмечалось, производственные предприятия работают достаточно в спектральном разрезе отраслей народного хозяйства. Имеется опыт успешной реализации деятельности как в увеличении производства, так и в привлечении инвестиций на предприятия, все это благоприятно влияет и на экономическую составляющую региона за счет увеличения отчислений, за счет формирования новых рабочих мест [5].

Органы государственной власти региона должны сотрудничать с территориальными органами ФСИН в целях привлечения новых инвесторов по созданию новых производств, все это в итоге приведет к ресоциализации осужденных и тем самым улучшит социальную составляющую региональной экономики субъекта.

Обеспечение защищенности экономических интересов режимного объекта, связанных с его производственно-хозяйственной, финансовой, инвестиционной, общественной и прочими видами деятельности, является целью системы обеспечения его экономической безопасности.

Весьма значимой может быть угроза отставания техники и технологии, применяемых на режимных объектах. Эта угроза, если она не предотвращена, лишает организацию конкурентоспособности на рынке и возможности нормально функционировать.

Следующей значимой угрозой считаются высокие издержки производства. Эта угроза тесно связана с предыдущей. В мире постоянно возникают технические новшества, позволяющие снижать издержки производства, что, естественно, может привести и к снижению цен. Если производственное подразделение постоянно не работает над снижением издержек производства, то всегда есть угроза потерять конкурентоспособность на рынке [4].

Вместе с тем для выявления угроз экономической безопасности производственных подразделений УИС недостаточен мониторинг изменения указанных выше индикаторов по годам за отчетный или прогнозируемый период или в сравнении с аналогичными индикаторами производственных подразделений УИС. Такой мониторинг дает представление о ситуации только в терминах «лучше», «хуже», но не дает ответа на вопрос, «насколько плохо», т.е. не показывает, насколько кризисная ситуация, каков уровень угрозы экономической безопасности. Для этого необходимо сравнение фактических и прогнозных данных с какими-либо нормативными значениями, четко определяющими параметры кризисной ситуации. Такими нормативами служат пороговые значения экономической безопасности производственных подразделений УИС – это предельные величины каких-либо финансово-экономических индикаторов, превышение которых лишает хозяйствующий субъект возможности функционировать в нормальном режиме, т.е. создает кризисные ситуации.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что в интересах стабильного функционирования производственного сектора УИС необходимо в тех или иных объемах заниматься обеспечением безопасности производства или экономической безопасности. Размер, капиталоемкость, технологическая сложность режимного объекта определяют лишь объем тех работ, которые проводят по обеспечению безопасности производства [2].

Не заботясь о соблюдении элементарных мер экономической безопасности производственного сектора УИС, учреждение может оказаться на грани банкротства, например, в результате неплатежей:

любой выданный товарный кредит может повлечь за собой риск неплатежа, если не предприняты определенные меры по сбору минимальной информации о производстве. Участвуя в сделке в качестве покупателя или инвестора, необходимо проводить определенный набор процедур, цель которого – проверка достоверности излагаемых о себе продавцом или получателем средств сведений. Проведение данной информационно-аналитической работы позволит снизить риск купить «кота в мешке» и потратить деньги впустую. Безопасность производственного сектора УИС предполагает, что в учреждении также должны быть продуманы определенные меры по снижению потерь, вызываемых действиями проверяющих структур, например, в рамках оперативно-розыскной деятельности уполномоченных структур, которая также может закончиться для учреждения невосполнимыми потерями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступление и наказание. – 2014. – № 8. – С. 20.
2. Преступление и наказание. – 2013. – № 24. – С. 6.
3. Васильева, Л.П. Управление социально-экономическим развитием региона: сценарно-индикативное прогнозирование и планирование [Текст]: монография / Л.П. Васильева, А.П. Соколов ; под общ. ред. Ю.А. Дмитриева; НОУ ВПО.
4. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение [Текст] / Л.А. Абалкин // Вопросы экономики. – 2010. – № 12. – С. 67.
5. Экономическая безопасность [Текст]: учебное пособие / под ред. В.А. Богомолова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 295 с.
6. Экономическая безопасность [Текст]: учебное пособие / Д.А. Баландин, О.Б. Дишлина, В.В. Шлыков ; Владимир. юрид. ин-т ФСИН России. – Владимир, 2007. – 82 с.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевой задачей, стоящей перед органами государственной власти и местного самоуправления РФ, является создание благоприятных условий для интенсификации экономического роста и повышения качества жизни населения страны. На местном уровне это выражается в обеспечении комплексного социально-экономического развития каждого муниципального образования, что неразрывно связано с эффективным управлением инвестиционными процессами органами местного самоуправления на подведомственной территории. Исследование инвестиционных процессов в рамках данной статьи позволит выявить позитивные и негативные тенденции, а также особенности инвестиционного развития муниципальных образований Вологодской области.

В настоящее время экономика Вологодской области развивается в достаточно сложных внешних условиях. На экономическую ситуацию в Вологодской области оказывают влияние как нестабильность в мировой экономике, так и сохранение факторов замедления экономического роста в России [1]. На основании данных, представленных на рисунке 1, можно отметить, что инвестиционные процессы в России, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области развиваются достаточно синхронно. С 2008 года прослеживается общее снижение инвестиционной активности, которое обусловлено влиянием мирового финансового кризиса. С 2010 года наблюдается непродолжительный рост объема инвестиций в основной капитал, а после 2011 года в соответствии с общемировыми тенденциями вновь наблюдается замедление инвестиционной активности.

В 2013 г. в Вологодской области зафиксировано значительное падение индекса физического объема инвестиций в основной капитал (38,7%). Это в первую очередь связано с завершением крупных проектов, с сокращением инвестиционных планов ОАО «Северсталь»

¹ Атаева Нина Юрьевна – аспирант ИСЭРТ РАН, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».

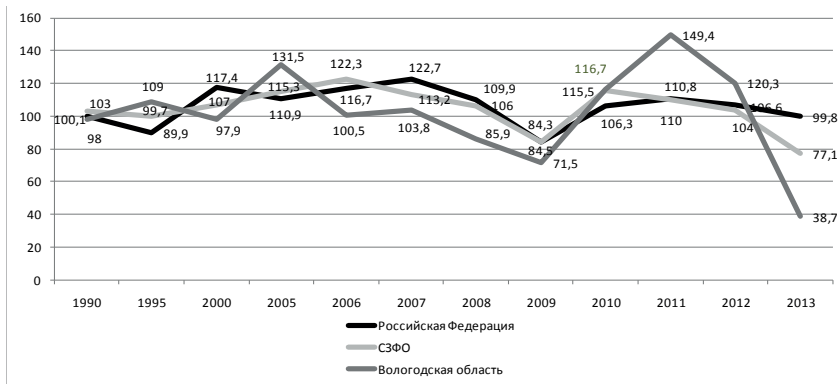


Рис. 1. Динамика индексов физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

и инвестиционных программ энергетических компаний и Газпрома. Во-вторых, снижение объема инвестиций обусловлено рисками в экономике (внешняя нестабильность, снижение курса рубля, ограниченные возможности государственного стимулирования, снижение цен на нефть). Инвесторы ведут крайне осторожную политику и не стремятся вкладывать средства в новое строительство и реконструкцию производства. В-третьих, причиной отрицательной динамики объема инвестиций стала нестабильность в банковской сфере (высокие процентные ставки, трудности с получением кредита). Замедляется реализация инвестиционных проектов, как следствие, снижается инвестиционная активность региона. Восполнить такое резкое падение объемов инвестиций в исследуемом периоде за короткое время не представляется возможным. Ситуация усугубляется вплоть до 2014 г. дефицитом бюджета области и значительным объемом государственного долга (табл. 1) [4].

Наблюдается неравномерное распределение инвестиций по муниципальным образованиям Вологодской области. Анализ общего объема инвестиций в основной капитал муниципальных районов и городских округов Вологодской области в пересчете на одного жителя за 2010–2014 гг. свидетельствует о снижении инвестиционной активности большинства территорий (табл. 2).

**Таблица 1. Основные параметры областного бюджета
и долговой нагрузки, млрд. руб.**

Показатель	Фактически				Проект
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Доходы, всего	36,0	40,7	40,9	45	49,9
Расходы	40,4	46,0	44,1	46,1	45,9
Дефицит-, профицит+	-4,4	-5,3	-3,2	1	+4
Государственный долг	25,9	28,0	34,0	34,8	35,1

**Таблица 2. Общий объем инвестиций в основной капитал
муниципальных районов и городских округов Вологодской области
в пересчете на одного жителя, тысяч рублей**

Территория	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение, 2014 г. к 2010 г., %
По области	56915	95809	126129	49511	50534	89
Бабаевский	4405	11206	18397	14573	24940	566
Бабушкинский	1849	... 1)	1561	7495	2334	126
Белозерский	8859	13246	40939	22802	23329	263
Вашкинский	7321	10340	10901	8957	12642	173
Великоустюгский	11360	12494	10356	13709	6440	57
Верховажский	10517	8797	5815	12982	15337	146
Вожегодский	19388	8791	8708	2770	6670	34
Вологодский	33861	23959	14936	13369	14688	43
Вытегорский	49296	33684	44130	34917	20347	41
Грязовецкий	17955	... 1)	19379	48488	42384	236
Кадуйский	71731	19474	28427	450507	... 1)	... 1)
Кирилловский	6600	5765	17364	20678	88315	1338
Кичм.-Городецкий	2170	2003	4419	3300	3982	184
Междуреченский	21627	9204	6269	21079	15887	73
Никольский	8459	4365	8893	17400	7758	92
Нюксенский	14025	... 1)	130666	12480	... 1)	... 1)
Сокольский	22837	26631	22461	29414	15321	67
Сямженский	5280	... 1)	8345	28103	8447	160
Тарногский	8397	11811	13262	18022	6386	76
Тотемский	18541	... 1)	16568	11160	47904	258
Усть-Кубинский	12610	10246	7834	48335	6172	49
Устюженский	6112	8586	8118	12995	5129	84
Харовский	36210	... 1)	8130	64112	... 1)	... 1)
Чагодощенский	93293	41489	73374	56782	... 1)	... 1)

Череповецкий	9807	24645	12113	14561	20204	206
Шекснинский	62049	45344	26709	16706	12846	21
г. Вологда	43839	43470	38056	34808	38330	87
г. Череповец	49835	74049	84480	70661	77765	156
Примечание: 1) Данные не рассчитываются в связи с несовпадением границ территорий по административно-территориальному делению и муниципальным образованиям. Источник: Инвестиции в основной капитал по муниципальным районам и городским округам Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2015. – 73 с.						

Отраслевая структура капитальных вложений Вологодской области свидетельствует о несбалансированности развития региональной экономики (табл. 3). Наибольшая часть инвестиционных вложений приходится на основную отрасль экономики региона, промышленность (54,6% в 2014 г.). В структуре инвестиций значительно увеличилась доля финансовых средств, направляемых в сырьевые производства, а в отраслях высокого передела (машиностроении, деревообрабатывающем производстве, производстве пищевых продуктов) наблюдалось её снижение. С 2000 по 2012 год наблюдается активное развитие инвестиционной деятельности в отраслях транспорта и связи, что в большей части обусловлено финансированием строительства трубопровода, соединяющего газоместорождения Сибири со странами Западной Европы [5]. Вологодская область имеет все условия для производства важнейших продуктов питания не только для внутреннего потребления, но и для вывоза их за пределы области. Однако за исследуемый период значительно (на 18,6 п.п.) сократилась доля инвестиций в сельское хозяйство, что ставит под угрозу продовольственную безопасность региона. Данная проблема становится особо актуальной в связи с введенными Правительством России санкциями, заключающимися в запрете на поставки продовольствия из ряда зарубежных стран. Сохранение перечисленных тенденций будет сдерживать качественное социально-экономическое развитие региона.

Чтобы обеспечить рост экономики региона, требуются инвестиции в физический капитал, но анализ инвестиционных процессов муниципальных образований Вологодской области свидетельствует о сокращении доли инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства (табл. 4).

Таблица 3. Отраслевая структура инвестиций в Вологодской области, %

Отрасль \ Год	1991	1995	2000	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение, 2012 г. к 1991 г., п.п.
промышленность	31	41	40,3	42,9	30,5	23,5	57	54,6	23,6
с/х	24	3,5	5,9	4,4	2,8	1,7	3,9	5,4	-18,6
строительство	21,3	23,6	1,5	0,7	0,2	0,4	0,6	0,8	-20,5
транспорт и связь	12,3	15,5	30,4	40	60,3	68,0	22,9	21,1	8,8
торговля	1,8	2	1,6	1,3	0,5	0,8	2,4	2,6	-0,8
прочие	9,6	14,4	20,3	10,7	5,7	5,6	13,2	15,5	5,9
всего	100	100	100	100	100	100	100	100	-

Источник: Инвестиционные процессы в Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2015. – 98 с.

Таблица 4. Доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал муниципальных районов и городских округов Вологодской области, %

Территория	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение, 2014 г. к 2010 г., +/-
По области	49,2	33,7	30,9	49,8	44,3	-4,9
Бабаевский	64,5	48,7	21,4	35,7	60,5	-4
Бабушкинский	56	63,4	55,6	75,4	77,7	21,7
Белозерский	83,8	71,4	15,2	63	72	-11,8
Вашкинский	83,5	63,1	61	62,8	67,8	-15,7
Великоустюгский	30,3	71,8	53,4	40,9	65,3	35
Верховажский	36,1	68,3	53,3	56,5	14,7	-21,4
Вожегодский	9,2	31,4	22,2	49,6	42,4	33,2
Вологодский	17,9	35,2	33,6	32,7	38,2	20,3
Вытегорский	41,1	23,2	14,2	23,7	44,5	3,4
Грязовецкий	32,5	31,4	35,5	17,5	35,3	2,8
Кадуйский	17,4	35,2	25,5	0,2	0,2	-17,2
Кирилловский	24,8	44	19,5	22	5,7	-19,1
Кичм.-Городецкий	75,4	70,7	80,8	64,9	66,3	-9,1
Междуреченский	39	39,3	35,4	46,8	48,9	9,9
Никольский	11,5	34,4	44,8	26,8	45,2	33,7
Нюксенский	9,1	6,6	2,2	21,9	2	-7,1
Сокольский	81	72,6	58,5	44,8	56,8	-24,2
Сямженский	65,3	64	70,2	15,3	74,7	9,4
Тарногский	21,4	13,4	17,1	17,9	10,5	-10,9
Тотемский	29	19	40,2	36,7	7,9	-21,1
Усть-Кубинский	12	25,9	3,8	3,9	38,9	26,9
Устюженский	57,4	58,2	33,5	45,6	50,9	-6,5

Харовский	5,6	79	66,2	0	0,5	-5,1
Чагодощенский	24,8	85,9	50,7	0,7	10	-14,8
Череповецкий	46	60,9	38,3	57,7	47,5	1,5
Шекснинский	37,7	64,8	82,9	61,7	53,5	15,8
г. Вологда	54,9	54,7	43,3	51,5	49,9	-5
г. Череповец	53,8	51	58,1	75,1	49	-4,8

Источник: Инвестиции в основной капитал по муниципальным районам и городским округам Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2015. – 73 с.

Анализ структуры инвестиций в основной капитал муниципальных районов и городских округов Вологодской области по источникам финансирования показал, что к 2014 г. по сравнению с данными 2010 г. выявляется нехватка собственных средств у предприятий на инвестиционные цели, что приводит, в свою очередь, к увеличению привлеченных финансовых ресурсов (табл. 5).

Таблица 5. Структура инвестиций в основной капитал муниципальных районов и городских округов Вологодской области по источникам финансирования, %

Территория	2010 г.			2014 г.		
	Собственные средства	Привлеченные средства	В т.ч. бюджетные	Собственные средства	Привлеченные средства	В т.ч. бюджетные
По области	36,9	63,1	11,7	61,7	38,3	12,6
Бабаевский	99,9	0,1	-	48,0	52,0	16,0
Бабушкинский	67,3	32,7	31,8	36,8	63,2	61,3
Белозерский	83,8	16,2	16,0	88,1	11,9	4,5
Вашкинский	73,2	26,8	15,9	84,6	15,4	14,4
Великоустюгский	37,7	62,3	12,8	48,9	51,1	17,9
Верховажский	14,4	85,6	63,1	24,8	75,2	71,9
Вожегодский	5,2	94,8	1,5	19,3	80,7	7,5
Вологодский	31,7	68,3	46,8	84,0	16,0	6,0
Вытегорский	38,7	61,3	59,3	48,4	51,6	45,8
Грязовецкий	76,0	24,0	11,7	51,5	48,5	16,2
Кадуйский	18,9	81,1	0,3	...	0,5	0,5
Кирилловский	68,7	31,3	22,3	89,1
Кичм.-Городецкий	70,6	29,4	9,5	49,8	50,2	39,3
Междуреченский	11,2	88,8	23,0	46,3	53,7	25,9
Никольский	17,1	82,9	71,9	23,6	76,4	70,9
Нюксенский	47,6	52,4	4,8	2,1	...	6,1
Сокольский	23,4	76,6	13,5	69,9	30,1	23,6

Сямженский	40,4	59,6	41,2	63,4	36,6	35,4
Тарногский	11,7	88,3	64,7	15,9	84,1	82,3
Тотемский	76,8	23,2	8,8	5,3
Усть-Кубинский	29,5	70,5	68,3	77,8	22,2	22,2
Устюженский	78,3	21,7	18,6	52,6	47,4	42,5
Харовский	3,1	96,9	5,7	2,3
Чагодощенский	14,1	85,9	1,7	...	15,0	3,9
Череповецкий	74,0	26,0	11,3	29,1	70,9	4,0
Шекснинский	11,0	89,0	40,2	44,9	55,1	23,8
г. Вологда	33,4	66,6	16,1	30,7	69,3	32,8
г. Череповец	81,6	18,4	8,8	86,8	13,2	2,9
Источник: Инвестиции в основной капитал по муниципальным районам и городским округам Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2015. – 73 с.						

В подтверждение данных таблицы 5 имеются сведения 2014 г. по оценке организациями Вологодской области факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность. К их числу относятся недостаток собственных финансовых ресурсов (51%), неопределенность экономической ситуации в стране (38%), высокий процент коммерческого кредита (37%), недостаточный спрос на продукцию (25%), несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей инвестиционные процессы (14%) [2].

Таким образом, необходимо отметить следующие особенности и негативные тенденции инвестиционных процессов муниципальных образований Вологодской области:

- 1) неравномерное распределение инвестиций по муниципальным образованиям Вологодской области;
- 2) снижение общего объема инвестиций в основной капитал большинства муниципальных районов и городских округов Вологодской области за исследуемый период;
- 3) несбалансированность развития региональной экономики (увеличение доли финансовых средств, направляемых в сырьевые производства, и снижение инвестиций в отрасли высокого передела);
- 4) падение доли инвестиций в сельское хозяйство, что ставит под угрозу продовольственную безопасность региона;
- 5) значительное снижение доли инвестиций в строительство;
- 6) сокращение доли инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства;

7) нехватка собственных средств у муниципальных предприятий на инвестиционные цели, что приводит, в свою очередь, к увеличению привлеченных финансовых ресурсов;

8) увеличение за исследуемый период количества недоинвестированных территориально-хозяйственных систем;

9) низкая эффективность инвестиционной политики органов местного самоуправления.

В сложившихся условиях экономической нестабильности и дефицита бюджета в перспективе ожидается последующее падение показателей инвестиционной деятельности и замедление инвестиционных процессов в муниципальных образованиях Вологодской области [6]. Для осуществления устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области важнейшее значение имеет совершенствование инвестиционного процесса и поиск решений, направленных на содействие стимулированию инвестиционной активности Вологодской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаева, Н.Ю. Инвестиционная активность в регионе: анализ и перспективы [Текст] / Н.Ю. Атаева // Эволюционная и институциональная экономика: вопросы теории и практики: материалы Всероссийской конференции молодых исследователей, г. Вологда, 12 сентября 2014 г. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – С. 16-27.
2. Инвестиции в основной капитал по муниципальным районам и городским округам Вологодской области [Текст]: стат. сб. – Вологда, 2015. – 73 с.
3. Инвестиционные процессы в Вологодской области [Текст]: стат. сб. – Вологда, 2015. – 98 с.
4. Закон Вологодской области «Об областном бюджете на 2016 год и плановый период 2016 и 2017 годов» от 21 декабря 2014 года № 3532-ОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Закон Вологодской области от 11 декабря 2013 года № 3234-ОЗ «Об утверждении Программы социально-экономического развития Вологодской области на 2014-2016 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Инвестиционный портал регионов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.investinregions.ru>
7. Постановление от 28 октября 2013 г. № 1113 «О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на 2014-2016 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

8. Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
9. Ускова, Т.В. О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста [Текст] / Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6. – С. 45-59.

**СЕКЦИЯ
«СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ»**

К.Н. Калашников¹

**ПРОБЛЕМЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ**

В отчёте ВОЗ «Первичная медико-санитарная помощь: сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было», опубликованном в 2009 г., «непропорциональный акцент на больницах и узкой специализации» назван основным источником неэффективности в современных системах здравоохранения [1]. Учитывая, что в России коечный фонд значительно шире, чем в странах запада, а сроки госпитализации, косвенно свидетельствующие об эффективности диагностики и лечения, значительны, стремление ввести коечные фонды в разумные рамки может показаться логичным, а доводы апологетов реструктуризации – убедительными [3]. Однако есть целый ряд аргументов, основанных на тех же рекомендациях ВОЗ, которые позволяют оценивать реструктуризацию стационарной помощи в современной России как практику преждевременную и в значительной мере – разрушительную.

Убедительных доказательств того, что в России высокоспециализированная (по крайней мере, третичная) медицинская помощь достигла черты «избыточности», нет. Г.Э. Улумбекова в известной книге «Здравоохранение России. Что надо делать?», опираясь на данные по заболеваемости и смертности населения, утверждает, что объективная потребность в медицинской помощи в России в 1,5 раза выше, чем в ЕС, и в стране имеется значительный дефицит койко-мест, составляющий как минимум 25% (таблица) [6]. Действительно, общий коэффициент смертности (число умерших от всех причин на 1 тыс. чел. населения) в РФ в 1,4 раза выше, чем в развитых странах ЕС и в 1,2 раза выше цифры, чем в «новых» членах ЕС, по уровню душевого ВВП близких к России (ряд государств Восточной Европы).

В пользу ограниченности межстрановых сопоставлений говорит и то, что понятие «больничная койка» является интегральным,

¹ Калашников Константин Николаевич – к.э.н., научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

Таблица. Обеспеченность населения РФ больничными койками, ед. на 1 тыс. чел. населения (по Г.Э. Улумбековой, 2013)

Койки по видам	Факт	Потребность	Дефицит, в %
Все	7,7	9,6	25
Активные	5,8	7,2	24
Психиатрические и наркологические	1,17	1,17	0
Фтизиатрические	0,47	0,47	0
Реабилитационные	0,10	0,47	3,7 раза
Длительного ухода	0,18	0,31	72

включающим в себя массу нюансов, скрываемых формальностью статистических отчётов, в том числе – квалификацию персонала, оснащённость больниц оборудованием, наконец, удобство пребывания в палате и качество больничной пищи [4]. Сравнение масштабов коечных фондов России и постиндустриальных стран скрывает колоссальные качественные различия, и проблемой российского здравоохранения является не столько избыточность стационарных фондов, сколько их «ненаполненность», которая усугубляется системными проблемами, слабым развитием дорожно-транспортной инфраструктуры и неравенством населения.

Вместе с тем снижение ёмкости больниц в процессе реструктуризации не гарантирует существенной экономии средств, поскольку интенсивность лечения в других учреждениях может и даже должна возрасти [4]. Следовательно, сокращение больничного звена в России приведёт к ещё большему усугублению ситуации, если оставшиеся мощности не перейдут на принципиально новые принципы работы, более интенсивной и эффективной, но это невозможно осуществить без существенных затрат – как финансовых, так и организационных, однако это противоречит заявленному ориентиру преобразований – экономии общественных ресурсов. Предполагается, что средства, условно высвободившиеся в результате оптимизации сети медицинской помощи, будут направляться на повышение качества сохранившихся фондов, однако представляется весьма вероятным, что эти ресурсы не будут переориентированы на поддержку качественных перемен и повышение эффективности сохранившихся мощностей, поскольку представителей законодательной власти, формирующих территориальные бюджеты, при распределении финансов удовлетворит новый более «экономный» вариант.

Однако и масштабы реализации компенсаторных практик в контексте реструктуризации российского здравоохранения не впечатляют, даже если анализировать их в части формальных критериев статистической отчётности. С 2011 по 2014 г. обеспеченность россиянок койками дневного пребывания увеличилась в 3 раза (с 7,3 до 20,3 единиц на 10 000 чел. населения), однако места пребывания в дневных стационарах начали появляться в широком объеме лишь в последние годы. Крайне малы и объёмы оказания гражданам паллиативной медицинской помощи, в 2013 году они более чем в 2 раза уступали скудному и впервые установленному нормативу Программы госгарантий. В 29 субъектах Российской Федерации эта помощь в стационарных условиях гражданам практически не оказывается [2]. Наибольший дефицит ощущается в обеспечении населения реабилитационными койками. Без формирования этих замещающих механизмов реструктуризация рискует стать преимущественно деструктивной мерой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г. Первичная медико-санитарная помощь сегодня актуальнее, чем когда-либо [Текст]. – Женева: ВОЗ, 2008. – 152 с.
2. Министерство здравоохранения РФ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru>
3. Реализация реформы здравоохранения в субъектах РФ [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: <http://www.healthreform.ru>
4. Реформа больниц в новой Европе [Текст] / Ж. Фигерас, М. Макки, Э. Моссиалос, Р.Б. Солтман. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002.
5. Счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297
6. Улумбекова, Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать [Текст] / Г.Э. Улумбекова. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 704 с.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Конкурентоспособность экономики и переход России на инновационный путь развития во многом зависят от наличия достаточного количества квалифицированных кадров. Дефицит трудовых ресурсов и проблемы их качества для экономики России в настоящее время являются достаточно острыми. Важную роль в их решении играет эффективная реализация трудового потенциала страны, которой препятствует ряд причин, среди которых можно выделить следующие основные:

- сокращение численности населения в трудоспособном возрасте [4];
- ухудшение здоровья населения [4];
- неэффективное использование рабочей силы [1];
- ухудшение качества подготовки кадров [2, с. 16-17];
- рассогласованность функционирования системы профессионального образования и потребностей рынка труда [3, с. 72] и др.

Данный перечень не является исчерпывающим, так как для конкретной территории кроме общероссийских факторов на состояние трудового потенциала оказывают влияние специфические региональные особенности. В связи с этим в современных условиях весьма актуальной является оценка состояния трудового потенциала в целях разработки управленческих воздействий на трудовое поведение населения, что приведет к более эффективной его реализации. Это обусловлено тем, что трудовое поведение во многом определяется имеющимися возможностями населения, т.е. его трудовым потенциалом. Оценка состояния трудового потенциала и анализ его компонентов позволяет выявить существующие резервы использования рабочей силы на рынке труда, а также эффективно управлять ими, воздействуя на трудовое поведение работников.

Одним из источников получения оперативной информации для характеристики трудового потенциала является мониторинг. В общепринятом понимании мониторинг представляет собой постоянное

¹ Попов Андрей Васильевич – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

наблюдение за каким-либо объектом или процессом, в результате которого производится сопоставление фактического положения с желаемым (исходным). Мониторинг применяется во многих науках, в том числе в управлении различными областями деятельности, одной из которых является трудовая сфера. Мониторинг кадрового потенциала, социально-трудовых отношений, трудового потенциала дает обширную информацию, без наличия которой осуществление многих качественных преобразований является труднодостижимым.

Эффективным инструментом, способным решить большое количество существующих проблем, связанных со сбором и анализом информации, выступает информационно-аналитическая система. Инструментарий, в основе которого лежит использование IT-технологий, позволяет автоматизировать работу с информационными потоками, что приводит к снижению трудоемкости процессов поиска данных, расчета необходимых показателей и их визуализации для широкого круга лиц. Кроме того, доступность информационной базы способствует более согласованным действиям власти, бизнеса и общества по преодолению существующих проблем.

В 2015 году в Институте социально-экономического развития территорий РАН была разработана информационно-аналитическая система – ИС «Трудовой потенциал», которая предназначена для поддержки научно-исследовательской деятельности путем автоматизации процессов обработки статистических данных.

Показатели мониторинга трудового потенциала, загружаемые в Систему, представляют собой целостную систему статистических индикаторов, которые позволяют объективно оценивать как отдельные стороны, так и состояние трудового потенциала в целом.

В основе Системы лежит авторская методика комплексной оценки трудового потенциала территории, согласно которой его структура представляет собой синтез двух составляющих: количественной и качественной сторон.

Количественная сторона (демографическая и экономическая компоненты) представляет совокупное предложение рабочей силы на рынке труда с учетом текущей потребности экономики, что дает возможность оценить количество располагаемых трудовых ресурсов и возможности удовлетворения существующего спроса. Качественная сторона (психофизиологическая, образовательно-квалификаци-

онная и социальная компоненты) показывает непосредственно качество трудовых ресурсов, что обусловлено тем, что для выполнения трудовой деятельности необходимо обладать определенными физическими и умственными характеристиками, а также иметь возможность восполнять свой жизненный потенциал.

Полный перечень индикаторов, используемых для комплексной оценки трудового потенциала территории, отражен в таблице 1. Состав каждого из компонентов может быть пересмотрен в зависимости от цели исследования.

ИС «Трудовой потенциал» дает возможность автоматически производить расчеты сводных индексов по каждому из блоков и интегральных величин (качественных и количественных сторон трудового потенциала) на основе средней арифметической.

Следующим этапом анализа интегральных характеристик является создание с помощью Системы матрицы «количественная сторона трудового потенциала – качественная сторона трудового потенциала», позволяющей разбить все регионы на несколько групп в зависимости от значений данных показателей².

Таблица 1. Показатели оценки трудового потенциала региона

Показатель	Единица измерения	Направленность
Количественная сторона трудового потенциала		
Демографическая компонента		
Доля мотивированного к труду населения в возрасте 15-72 лет	% от общей численности населения в возрасте 15-72 лет	прямой
Доля работающего населения старше трудоспособного возраста в общей численности занятых	%	обратный
Экономическая компонента		
Количество мотивированного к труду населения, не занятого трудовой деятельностью, приходящегося на одну вакансию	человек на одну вакансию	прямой

² Поскольку расчеты производились за один год и не требуют сопоставления с другими временными периодами, нами был выбран метод группировки на основе использования средних величин. Для этого к средним значениям интегральных характеристик трудового потенциала субъектов РФ поочередно прибавлялось (вычиталось) среднеквадратическое отклонение, деленное на два. Итоговое количество интервалов составило 5.

Качественная сторона трудового потенциала		
Психофизиологическая компонента		
Ожидаемая продолжительность жизни	лет	прямой
Коэффициент смертности трудоспособного населения без учета внешних причин смерти	на 100000 лиц трудоспособного возраста	обратный
Образовательно-квалификационная компонента		
Уровень образования экономически активного населения	баллов	прямой
Удельный вес численности высококвалифицированных работников	% от общей численности квалифицированных работников	прямой
Социальная компонента		
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	%	обратный
Удельный вес домохозяйств, оценивающих свое материальное положение как неблагоприятное	%	обратный

Рассмотрим результаты оценки состояния трудового потенциала территорий РФ с помощью ИС «Трудовой потенциал» за 2013 г. Результаты этапа обработки данных позволили выделить следующие особенности.

Среди территорий с согласованным развитием качественных и количественных аспектов трудового потенциала:

1. Территория с высокими характеристиками обоих аспектов была выявлена только одна – Республика Дагестан, что связано с наличием значительного количества трудовых ресурсов и высокими показателями здоровья, а также благополучными оценками домохозяйствами своего материального положения. Однако и в данном регионе имеются проблемы, на которые необходимо обратить внимание. Прежде всего, это невысокий уровень образовательно-квалификационной компоненты.

2. 18 субъектов РФ относятся к среднему уровню развития качественной и количественной сторон трудового потенциала. Однако в разрезе базовых индексов территории, относящиеся к данному блоку, весьма неоднородны. Так, например, Новосибирская область имеет достаточно высокий уровень социальной компоненты, однако по показателю экономической компоненты, отражающему возможности трудовых ресурсов региона удовлетворить текущие потребности экономики в кадрах, отстает от некоторых регионов, находящихся в этой же группе.

3. Выявлены регионы, характеризующиеся уровнем развития качественной и количественной сторон трудового потенциала низким и ниже среднего (6). Наиболее низкие значения демонстрирует Еврейская автономная область, что обусловлено невысоким уровнем экономической, психофизиологической и образовательно-квалификационной составляющих.

Среди территорий с разбалансированным развитием качественных и количественных аспектов трудового потенциала:

1. Имеются регионы (6), которые обладают высокой количественной обеспеченностью трудовыми ресурсами, однако невысоким уровнем их качественной компоненты (национальные республики Сибири, Республика Карелия, Чеченская Республика), выражающейся в низких значениях показателей образовательно-квалификационной, социальной и психофизиологической составляющих трудового потенциала.

2. Выделены территории (7) с высоким уровнем качественных аспектов трудового потенциала, но нехваткой количественных ресурсов (Краснодарский край, Республика Адыгея, Калужская и Самарская области, г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург). Города Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область обладают преимуществом в уровне образования и квалификации работников в силу своей привлекательности как крупные финансовые и промышленные центры. При этом все регионы демонстрируют высокие показатели по социальному блоку, что объясняется одними из самых низких по стране уровней бедности (7-10%). Однако данные территории не являются обеспеченными с точки зрения количества трудовых ресурсов.

Таким образом, информационно-аналитическая система мониторинга трудового потенциала является эффективным инструментом, способным выявлять сильные и слабые стороны трудового потенциала территорий. Полученные данные позволяют разработать комплекс целенаправленных мероприятий по регулированию трудового поведения с целью наиболее эффективной реализации трудового потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? [Текст]: препринт / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников [и др.]. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – 64 с.
2. Гимпельсон, В.Е. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? [Текст]: препринт / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – М.: НИУ ВШЭ, 2010. – 64 с.
3. Попов, А.В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный опыт [Текст] / А.В. Попов, Т.С. Соловьева // *Ars Administrandi*. – 2015. – № 2. – С. 65-84.
4. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

**ОЦЕНКА ДИНАМИКИ РЕАЛЬНЫХ
ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ГРУПП
НАСЕЛЕНИЯ**

Индекс потребительских цен (ИПЦ) является официальным статистическим показателем, измеряющим темпы инфляции цен, с которой, как правило, сталкиваются на собственном опыте и которую ощущают домашние хозяйства, выступающие в роли потребителей. Данный показатель широко используется в качестве заменителя индекса инфляции для экономики в целом, отчасти благодаря частоте и своевременности его составления [4]. Очевидно, что данный индекс не является показателем общей инфляции, поскольку учитывает только изменение цен на потребительские товары и услуги, приобретаемые домашними хозяйствами, и не охватывает инвестиционные товары и услуги, приобретаемые предприятиями или органами государственного управления. Однако он широко используется органами государственного управления и центральным банком для определения целевых показателей инфляции [1].

В то же время изменение цен на потребительские товары и услуги, используемые при расчете индекса, оказывает неодинаковое влияние на разные категории населения. Искажения данного рода связаны с отсутствием учета дифференциации доходов населения и игнорирования различий в структуре потребления отдельных социальных групп. То есть структура потребительских расходов определяется по категории «всё население».

Статистическим бюро Европейских сообществ признается возможность определения целого ряда вариантов ИПЦ. Решение о составлении различных вариантов индекса строится на основе того, какую группу домашних хозяйств и ассортимент потребительских товаров и услуг должен охватывать ИПЦ. То есть помимо единого официального ИПЦ по стране в целом публикуется и ряд вспомогательных индексов, относящихся к различным подгруппам населения

¹ Россошанский Александр Игоревич – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

(например, домохозяйства с детьми, работники с низким уровнем доходов, пенсионеры с низким уровнем доходов и т. п.) [4]. Рассчитанные показатели применяются для индексации заработных плат отдельных категорий работников, пособий по социальным отчислениям (пенсии по возрасту, пособия по безработице, на детей и т. д.).

Следует отметить, что Федеральной службой государственной статистики РФ производятся расчеты сводных индексов потребительских цен по отдельным группам населения с различным уровнем доходов [1, 3]. Однако рассчитанные индексы, дифференцированные по доходным группам, ограничены и представлены лишь для первой (с наименьшими доходами) и десятой (с наибольшими доходами) децильных групп, что не позволяет проводить полноценного дефлирования доходов различных категорий населения (табл. 1). Отражение данных индексов в разрезе субъектов РФ и вовсе отсутствует.

Таблица 1. Индексы потребительских цен для первой и последней 10% доходной группы населения, рассчитанные Росстатом (декабрь к декабрю предыдущего года), %

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Все товары и услуги										
первая группа (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	113,3	112,3	109,8	115,1	115,8	109,3	111,8	106,0	107,3	107,3
десятая группа (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	110,6	109,8	108,3	110,0	111,4	108,4	107,1	105,8	105,9	105,5
из них:										
продовольственные товары										
первая группа	112,6	108,6	108,2	118,0	117,7	105,0	114,7	103,1	107,5	107,1
десятая группа	112,1	109,7	109,2	114,4	115,8	106,6	111,7	104,2	107,6	107,6
непродовольственные товары										
первая группа	107,8	107,1	107,1	107,8	111,0	112,6	106,1	108,2	106,5	106,3
десятая группа	107,1	105,9	105,5	105,8	106,5	108,6	104,7	105,6	104,5	103,5
услуги										
первая группа	120,4	126,2	115,5	114,2	115,4	115,8	110,7	109,9	107,9	108,7
десятая группа	116,0	118,7	113,2	112,9	116,6	109,9	106,7	108,2	106,8	107,7

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.

Цель исследования – определение различий в динамике реальных денежных доходов по отдельным социально-экономическим группам населения.

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, материалы выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств.

При оценке инфляционной нагрузки для каждой децильной группы населения Российской Федерации и Вологодской области был рассчитан индивидуальный индекс цен, учитывающий структуру расходов данной группы населения. При этом все виды расходов, выделенные в рамках бюджетных обследований домашних хозяйств, были приведены в соответствие с потребительской корзиной, используемой для расчета официального индекса потребительских цен. Оценка строилась на авторской методике М.С. Матыцина и Э.Б. Ершова [2].

Принятые обозначения:

$s = 1, \dots, n$ – номер доходной группы;

n – общее число групп (в нашем случае $n = 10$, т.е. рассматривались децильные группы);

$i = 1, \dots, 5$ – категория расходов домохозяйства: покупка продуктов питания ($i=1$), общественное питание ($i=2$), алкогольные напитки ($i=3$), непродовольственные товары ($i=4$), услуги населению ($i=5$);

I_{si} – индекс потребительских цен для s -й доходной группы по i -й категории расходов. Например, I_{11} – индекс потребительских цен для первой доходной группы на покупку продуктов питания;

w_{si} – удельный вес i -й категории расходов в общем объеме потребительских расходов s -й доходной группы.

Используя значения в качестве весовых коэффициентов, получаем следующую формулу для расчета ИПЦ по доходным группам:

$$I_s = \sum_{i=1}^5 I_{si} \cdot w_{si}, \text{ где}$$

I_s – индекс потребительских цен s -й доходной группы.

Как можно видеть из таблиц 2 и 3, рассчитанные таким образом индексы свидетельствуют о неравномерности роста цен для различных категорий населения: для бедных цены возрастают каждый год более быстрыми темпами, чем для богатых. В среднем за более чем десятилетний период инфляционная нагрузка по РФ для первой де-

цильной группы составляла 10,2%, в то время как для десятой – 8,8%, по Вологодской области – 10,2% и 9% соответственно. Это вызвано тем, что цены на товары, составляющие основу потребительских расходов «бедных» слоев населения, росли быстрее.

Таблица 2. Инфляционная нагрузка в разрезе доходных групп населения Российской Федерации в 2004-2014 гг. %

Доходная группа*	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Средняя за период
I	12,92	11,99	9,40	13,74	15,01	8,15	10,02	5,72	6,58	6,36	12,79	10,24
II	12,75	11,87	9,36	13,45	14,71	8,26	9,82	5,74	6,55	6,32	12,60	10,13
III	12,62	11,76	9,31	13,22	14,51	8,34	9,67	5,78	6,53	6,30	12,46	10,05
IV	12,54	11,77	9,26	12,96	14,28	8,40	9,52	5,81	6,51	6,25	12,31	9,96
V	12,40	11,54	9,15	12,67	14,13	8,48	9,45	5,87	6,46	6,26	12,21	9,87
VI	12,21	11,55	9,05	12,42	13,87	8,64	9,19	5,96	6,43	6,24	12,10	9,79
VII	11,94	11,28	8,98	11,92	13,50	8,76	8,88	6,12	6,41	6,23	11,84	9,62
VIII	11,78	11,42	8,92	11,55	13,12	8,90	8,71	6,20	6,41	6,18	11,67	9,53
IX	11,74	11,14	8,91	11,28	12,92	8,91	8,51	6,27	6,37	6,09	11,40	9,41
X	10,98	10,14	8,40	10,00	11,70	9,13	7,78	6,37	6,04	5,74	10,52	8,80

* Каждая доходная группа составляет 10% общей численности населения: I – 10% наименее обеспеченных, ..., X – 10% наиболее обеспеченных.
 Источники: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств Вологодской области : стат. бюллетень / Росстат. – М., 2005 – 2014; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.; Расчеты автора.

Последующее дефлирование доходов населения на основе рассчитанных индексов позволило оценить динамику неравенства населения по реальным доходам и выявить существенные искажения в отображении реальной ситуации, порождаемой применением официального индекса потребительских цен (табл. 4 и 5). Особый интерес в данном случае представляет разница в изменении реальных доходов различных доходных групп, рассчитанная двумя способами: с помощью дифференцированных индексов и официального ИПЦ. Полученные оценки свидетельствуют о том, что, несмотря на замедление роста неравенства в номинальном выражении, рост дифференциации по реальным доходам продолжался достаточно быстрыми темпами. Таким образом, относительная стабилизация разницы в номинальных доходах полярных групп не привела к снижению разрыва в уровне жизни населения. Опережающий рост цен на продукты пита-

Таблица 3. Инфляционная нагрузка в разрезе доходных групп населения Вологодской области в 2004-2014 гг., %

Доходная группа*	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Средняя за период
I	12,69	11,79	9,56	14,91	15,94	6,18	9,55	5,34	6,04	7,30	12,83	10,19
II	12,52	11,63	9,61	14,38	15,57	6,22	9,31	5,40	5,96	7,10	12,57	10,02
III	12,34	11,66	9,47	14,04	15,27	6,47	9,46	5,44	5,96	7,10	12,48	9,97
IV	12,40	11,67	9,49	13,64	15,27	6,50	9,31	5,44	5,95	7,19	12,55	9,95
V	11,91	11,85	9,60	13,44	14,88	6,62	9,20	5,61	6,00	7,16	12,55	9,89
VI	11,63	11,89	9,54	13,37	14,65	6,61	9,07	6,01	5,91	7,13	12,15	9,81
VII	11,77	12,44	9,37	12,94	14,17	6,65	9,22	5,79	5,88	6,98	11,95	9,74
VIII	11,17	12,93	9,51	12,30	14,22	6,75	8,76	5,62	5,82	6,98	12,12	9,65
IX	10,93	11,52	9,29	12,67	14,03	6,98	8,89	5,81	5,88	6,97	11,23	9,47
X	11,38	11,00	8,63	11,01	12,21	7,22	8,35	6,40	5,74	6,79	10,60	9,03

* Каждая доходная группа составляет 10% общей численности населения: I – 10% наименее обеспеченных, ... , X – 10% наиболее обеспеченных.
 Источники: Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области : стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда., 2005 – 2014; Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 375 с.; Расчеты автора.

ния и платные услуги, являющихся базовой составляющей потребительских расходов наименее обеспеченных слоев населения, привел к относительному снижению покупательной способности их доходов по сравнению с наиболее обеспеченными.

Таблица 4. Динамика среднедушевых денежных доходов населения РФ, с учётом дифференцированных по доходным группам индексов потребительских цен, 2004-2014 гг.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2004, раз	Для сравнения (по офиц. ИПЦ)	Δ
I	2 545	2 937	3 352	3 738	4 338	4 580	4 915	5 423	5 538	5 709	5 546	2,18	2,31	0,13
II	3 836	4 354	4 936	5 453	6 299	6 596	7 102	7 659	7 968	8 167	7 875	2,05	2,16	0,10
III	4 748	5 433	6 162	6 802	7 811	8 143	8 718	9 354	9 754	10 058	9 678	2,04	2,12	0,09
IV	5 720	6 485	7 420	8 129	9 364	9 728	10 323	11 073	11 532	11 935	11 440	2,00	2,07	0,07
V	6 742	7 713	8 770	9 693	11 160	11 627	12 214	13 015	13 525	14 002	13 381	1,98	2,04	0,05
VI	8 190	9 377	10 680	11 825	13 695	14 304	14 768	15 483	16 037	16 713	16 023	1,96	2,00	0,04

VII	10 214	11 568	13 145	14 912	17 417	17 709	18 368	18 878	19 670	20 463	19 667	1,93	1,94	0,01
VIII	12 910	14 418	16 291	18 878	21 793	21 654	22 739	23 492	24 552	25 979	25 144	1,95	1,95	0,00
IX	15 890	18 576	20 560	23 971	26 971	27 298	28 978	30 428	31 715	34 594	33 072	2,08	2,06	-0,03
X	25 234	30 770	32 453	37 260	42 643	40 547	44 151	47 271	50 674	53 978	54 739	2,17	2,03	-0,14

Источники: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств Вологодской области : стат. бюллетень / Росстат. – М., 2005 – 2013; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.; Расчеты автора.

Таблица 5. Динамика среднедушевых денежных доходов населения Вологодской области с учётом дифференцированных по доходным группам индексов потребительских цен, 2004-2013 гг.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2004, раз	Для сравнения (по офиц. ИПЦ)	Δ
I	2 811	3 139	3 148	3 923	4 500	4 363	5 128	4 819	5 716	5 300	6 044	2,15	2,24	0,09
II	4 102	4 712	4 987	5 805	6 396	6 286	7 395	7 990	8 516	8 967	8 205	2,00	2,05	0,05
III	5 288	5 892	6 328	7 298	8 174	7 939	9 065	9 981	10 313	11 487	9 593	1,81	1,85	0,04
IV	6 321	6 985	7 933	8 994	9 963	9 523	10 708	12 193	12 224	13 792	11 343	1,79	1,83	0,03
V	7 297	8 621	9 857	11 066	12 282	11 528	12 956	14 593	13 763	16 550	13 579	1,86	1,90	0,03
VI	8 530	10 307	11 831	12 812	14 261	13 567	14 833	17 311	15 780	19 699	16 959	1,99	2,01	0,03
VII	10 788	12 380	14 286	15 484	16 637	15 397	17 016	20 625	18 774	23 551	20 377	1,89	1,90	0,01
VIII	13 582	14 749	17 866	18 334	19 904	17 869	20 240	25 010	23 264	28 854	25 543	1,88	1,88	0,00
IX	16 715	18 218	22 086	23 725	25 063	22 123	24 004	31 912	31 318	37 028	31 117	1,86	1,84	-0,03
X	21 725	25 523	27 856	35 878	38 122	34 740	36 473	53 318	60 765	62 798	73 685	3,39	3,19	-0,20

Источники: Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области : стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2005 – 2013; Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 375 с.; Расчеты автора.

Подводя итоги, стоит выделить несколько немаловажных аспектов, которые характеризуют динамику реальных денежных доходов населения:

1. Рассчитанные дифференцированные по доходным группам индексы потребительских цен свидетельствуют о неравномерности роста цен для различных категорий населения. В среднем инфляционная нагрузка для богатых категорий населения оказывается значительно ниже, чем для бедных. Это вызвано тем, что цены на товары, составляющие основу потребительских расходов «бедных» слоев населения, росли быстрее.

2. Дефлирование доходов населения на основе рассчитанных индексов позволило оценить динамику неравенства населения по реальным доходам и выявить существенные искажения в отображении реальной ситуации, порождаемой применением официального индекса потребительских цен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глущенко, К.П. Инфляция «официальная» и «реальная» [Текст] / К.П. Глущенко // ЭКО. – 2012. – № 3 (453). – С. 71-95.
2. Матыцин, М.С. Исследование дифференциации российского населения по реальным доходам [Текст] / М.С. Матыцин, Э.Б. Ершов // Экономический журнал ВШЭ. – 2012. – № 3. – Том 16. – С. 318-340.
3. Росстат. Методологические положения по статистике. Вып. 1. Методологические положения о порядке наблюдения за изменением цен и тарифов на товары и услуги, определение индекса потребительских цен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm
4. Руководство по индексам потребительских цен. Теория и практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/cpi/manual/2004/rus/cpi_ru.pdf

ДОСТУПНОСТЬ ПРИОРИТЕТНЫХ СФЕР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ ИНВАЛИДОВ

Формирование доступной среды для инвалидов является базовым условием создания общества равных возможностей и, соответственно, одной из приоритетных задач социального государства. Общая численность инвалидов в Российской Федерации на 2015 год составила 12924 тыс. человек. Показатель вырос относительно уровня 2000 года на 21%. Среди регионов Северо-Западного федерального округа Вологодская область по показателю общей численности инвалидов в 2015 г. занимает второе место (123 тыс. чел.), уступая только г. Санкт-Петербургу (вместе с Ленинградской областью; 832 тыс. чел.) [3].

Термин «доступная среда»: определяет «совокупность условий и требований к создаваемой человеком окружающей городской среде (архитектурный дизайн, транспортная и инженерная инфраструктура) и информационной среде, позволяющая беспрепятственно двигаться и воспринимать информацию» [7].

Для обеспечения целенаправленной работы по формированию условий для беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам и услугам, интеграции инвалидов и общества Правительство Российской Федерации Постановлением от 17.03.2011 г. № 175 утвердило государственную программу «Доступная среда» на 2011–2015 годы» [5].

В Вологодской области те же задачи решались в рамках долгосрочной целевой программы «Безбарьерная среда» на 2010–2014 годы. С 2015 г. действия в интересах инвалидов закреплены в подпрограмме «Безбарьерная среда» государственной программы «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014–2018 годы» [8].

В 2015 г. в рамках выполнения работ по договору с Автономным научным учреждением социологических и мониторинговых исследований Вологодской области «Агентство мониторинга и социологических исследований» ИСЭРТ РАН продолжен мониторинг мнения инвалидов о доступности объектов и услуг в приоритетных сферах

¹ Фахрадова Лейла Натиговна – аспирант, младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

жизнедеятельности, начатый в 2013 г. В опросе участвовали инвалиды четырёх целевых групп (инвалиды по зрению, инвалиды по слуху, инвалиды, требующие помощи при передвижении, инвалиды, требующие постоянного постороннего ухода)².

Респондентам предлагалось, в частности, оценить, насколько доступны объекты и услуги в таких сферах, как социальная защита, здравоохранение, транспорт, информация и связь, культура, образование, физкультура и спорт, жилой фонд. В среднем доля инвалидов, положительно оценивающих уровень доступности перечисленных сфер, составила 48,1%³, что на 1,1% выше целевого значения показателя, закреплённого в подпрограмме «Безбарьерная среда» государственной программы «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014-2018 годы». В 2014 г. значение показателя составляло 42,4%, в 2013 г. – 37,2%.

Распределение оценок доступности для многих сфер определялось различиями в типах ограничений жизнедеятельности респондентов. Так, доля положительных оценок доступности сферы транспорта достаточно высока среди инвалидов по слуху (62%) и инвалидов по зрению (45%), в то время как среди инвалидов, требующих помощи при передвижении, она составляет 24%, а среди инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода – 15% (рисунок).

Сходная ситуация сложилась для сферы культуры. Среди инвалидов по зрению 62% положительно оценили уровень доступности объектов и услуг в сфере здравоохранения, среди инвалидов по слуху такие оценки высказали 53%. Для 18% инвалидов, требующих помощи при передвижении, а также для 20% инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода, доступ к объектам и услугам культуры представляется невозможным (см. рисунок).

Потребление услуг здравоохранения является инвестициями в человеческий капитал, поскольку обеспечивает возможность участия индивидов в общественном производстве [4]. Для людей с ограниченными возможностями здоровья доступ к качественной медицинской

² Выборка была сформирована в соответствии с техническим заданием договора. Численность респондентов – 139 человек; территориальный охват: г. Вологда, г. Череповец, г. В. Устюг, г. Сокол.

³ Рассчитана средняя доля инвалидов, ответивших, что приоритетные сферы «доступны» и «скорее доступны».

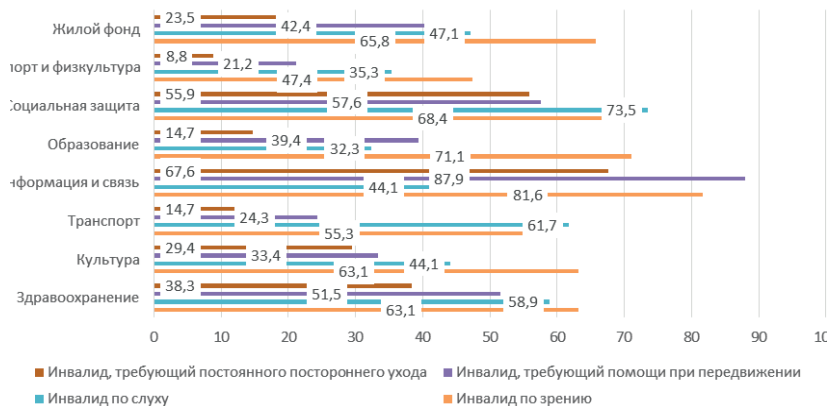


Рис. Распределение положительных оценок доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности (в % от числа опрошенных)

помощи приобретает первостепенное значение как ведущий фактор поддержания физического функционирования. В то же время для инвалидов, требующих помощи при передвижении, и инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода, доступность объектов и услуг в сфере здравоохранения остаётся невысокой (см. рисунок).

Инвалиды, требующие помощи при передвижении, наиболее высоко оценили доступность объектов и услуг в таких сферах, как информация и связь (87%), социальная защита (57%) и здравоохранение (51%). Инвалиды, требующие постоянного постороннего ухода, также чаще отмечали доступность объектов и услуг в трёх перечисленных сферах, однако среди них доля высказавших положительные оценки была несколько ниже: информация и связь – 67%, социальная защита – 55%, здравоохранение – 39% (см. рисунок).

Иначе по уровню доступности объектов и услуг распределились сферы жизнедеятельности в соответствии с оценками, высказанными инвалидами по слуху. На первом месте расположилась сфера социальной защиты (73%), на втором – транспорт (61%), на третьем – здравоохранение (58%). Инвалиды по зрению чаще всего отмечали доступность объектов и услуг в сферах информации и связи (81%), социальной защиты (68%) и здравоохранения (63%; см. рисунок).

Относительно низкие оценки доступности среди всех категорий респондентов получила сфера физкультуры и спорта. Среди инвали-

дов всех групп, за исключением инвалидов по зрению, низко были оценены уровни доступности жилого фонда, культуры и образования.

В целом распределение положительных оценок доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности показывает, что в большей степени инфраструктура населенных пунктов соответствует потребностям инвалидов по слуху и инвалидов по зрению (см. рисунок).

Наиболее распространённой проблемой при организации свободного доступа инвалидов к объектам жилого фонда является высокая стоимость их переоснащения. Согласно данным из открытых источников, примерная стоимость приобретения и установки одного погонного метра пандуса составляет около 16,5 тыс. рублей [9], мобильных лестничных подъёмников для индивидуального использования – около 200 тыс. рублей [6], стационарного наклонного подъёмника, устанавливаемого в подъезд, – 130 тыс. рублей, стационарного вертикального подъёмника для общественных зданий и частных домов – от 100 тыс. рублей [2]. В условиях дефицита бюджетных средств приобретение и установка указанного оборудования затягиваются, что снижает общую эффективность мероприятий по формированию доступной среды.

Для решения существующих проблем при создании доступной среды российские исследователи предлагают отдавать приоритет типовым конструкциям, предусматривать возможность обмена принадлежащих инвалидам неприспособленных жилых помещений, на оборудованные с учётом их потребностей, совершенствовать контроль над установкой специального оборудования, сократить время рассмотрения заявок и прохождения согласований на установку элементов универсального дизайна и реабилитационного оборудования в жилых помещениях, а также в учреждениях социального обслуживания граждан [1]. К перечисленным мерам можно добавить: развитие проектов, основанных на государственно-частном партнёрстве [10]; обеспечение адресности поддержки граждан; контроль релевантности приспособлений, устанавливаемых в жилых помещениях инвалидов; планирование строительства жилых домов с учетом возможности проживания в них лиц с ограничениями здоровья; качественное выполнение проверки соответствия элементов безбарьерной среды техническим и иным требованиям и стандартам, закреплённым в нормативно-правовых актах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутова, Т.В. Роль федеральных целевых программ в социально-экономическом регулировании государства. Проблемы разработки и реализации федеральных целевых программ на примере программы «Доступная среда» на 2011-2020 гг. и возможные пути их решения [Текст] / Т.В. Бутова // Вестник академии. – 2014. – № 4. – С. 122-127.
2. Где устанавливаются вертикальные и наклонные подъемные устройства для инвалидов? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tdinatorg.ru/wiki/kakie-nagruzki-v-kg-mogut-vyderzhivat-kazhdye-iz-vidov-podemnikov>
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru>
4. Калашников, К.Н. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения [Текст]: монография / К.Н. Калашников, А.А. Шабунова, М.Д. Дуганов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 153 с.
5. О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы: постановление Правительства РФ от 17.03.2011 г. № 175 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084011>
6. Подъемники для инвалидных колясок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbh.su/categories/rehabilitation/hoists/lifts-for-wheelchairs>
7. Портал Inva-life.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inva-life.ru/publ/normativny_e_akty/dostupnaja_sreda/147-1-0-110
8. Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014-2018 годы: государственная программа Вологодской области [Электронный ресурс]: Утверждена Постановлением Правительства Вологодской области № 1098 от 28.10.2013. – Режим доступа: http://www.socium35.ru/sector/oblast/?SECTION_ID=192
9. Стоимость изготовления пандусов и поручней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandus.su/stoimost-izgotovleniya-pandusov-peril-i-poruchnej>
10. Фахрадова, Л.Н. Государственная поддержка инвалидов в Вологодской области [Текст] / Л.Н. Фахрадова // Проблемы развития территории. – № 1. – 2015. – С. 116-128.

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Усиление интеграции российской экономики в международное экономическое пространство предопределяет необходимость поиска эффективных инструментов управления социально-экономическим развитием территорий. В качестве основных источников регионального развития используются региональные и местные бюджеты, главной особенностью которых является несоответствие между доходами и расходами. Вместе с тем на территории региона осуществляют деятельность организации, которые используют ресурсы территории, прежде всего, трудовые, оказывают зачастую негативное воздействие на окружающую среду. В связи с этим вполне логичным является их участие в решении социально-экономических проблем соответствующей территории.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года, утвержденной распоряжением Председателя Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. (Концепция-2020), одной из современных форм взаимодействия власти и бизнеса, позволяющей эффективно решать социально-экономические задачи развития территорий, является корпоративная социальная ответственность [1].

Однако в российской деловой среде понимание данной категории только зарождается, а в исследованиях уделяется недостаточное внимание конкретным механизмам повышения роли хозяйствующих субъектов в решении социально-экономических проблем регионов, усилению значимости их социальной ответственности во взаимодействии с региональными органами.

В мировой практике социальная ответственность бизнеса воспринимается как прагматичное направление бизнеса, ориентированное на повышение деловой репутации компании, создание сбалансированных отношений со всеми группами влияния [7]. Международный стандарт ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» (2010 г.) придерживается точки зрения, что это ответственность ор-

¹ Копытова Екатерина Дмитриевна – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

ганизации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение».

С учетом выявленных особенностей, на наш взгляд, социальная ответственность бизнеса включает в себя не только заботу о работниках предприятия, но и реализацию социальных программ на уровне территории или государства в целом, т. е. вклад бизнеса в экономическую, экологическую и социальную сферы, выходящий за рамки законодательных обязательств.

Российскими учёными ведётся активная работа по созданию методического инструментария оценки уровня социальной ответственности бизнеса. Вместе с тем единого мнения на этот счёт нет. Так, некоторые исследователи предлагают измерять уровень социальной ответственности бизнеса на основе социальной отчетности предприятий, другие определяют на основе анкетных опросов предприятий или через социально-трудовые отношения. Нами была разработана методика Кемеровского государственного университета и произведен расчет коэффициента влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона на примере предприятий химической промышленности (ОАО «ФосАгро» и ОАО «Акрон») [2, 6] с помощью среднегеометрической величины:

$$K_{\text{вл.рег.раз.}} = \sqrt[3]{K_{\text{вэр}} \cdot K_{\text{вуж}} \cdot K_{\text{вэс}}} \quad (1)$$

где $K_{\text{вл.рег.раз.}}$ – коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона;

$K_{\text{вэр}}$ – индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост региона (определяется путем перемножения индекса роста валовой добавленной стоимости и индекса увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты в рассматриваемом периоде по сравнению с базовым);

$K_{\text{вуж}}$ – индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона (определяется путем перемножения индекса роста средней заработной платы работников компании и индекса увеличения численности работников компании в рассматриваемом периоде по сравнению с базовым периодом);

$K_{\text{вэс}}$ – индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе (определяется путем перемножения индек-

са снижения выбросов вредных веществ в водные источники и индекса снижения выбросов вредных веществ в атмосферу).

У первого холдинга интегральный показатель социальной ответственности (коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона) ОАО «ФосАгро» в 2012 году по сравнению с 2008 годом уменьшился на 22% и составил 1,21. Снижение обусловлено уменьшением (на 2,6 п. п.) индекса влияния деятельности корпорации на экономический рост региона.

Нестабильная ситуация на мировом рынке удобрений, рост себестоимости продукции привели к снижению чистой прибыли ОАО «Акрон». Вследствие этого налоговые платежи в бюджет резко сократились, что обусловило падение индекса влияния деятельности корпорации на экономический рост региона. Коэффициент влияния социально ответственной деятельности за 2008–2012 гг. снизился в 2 раза и составил 0,94.

Вместе с тем на фоне снижения коэффициента влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона, удовлетворение интересов собственников предприятий увеличивается. В частности, дивидендные выплаты ОАО «Акрон» в 2013 году превышали налоговые платежи по налогу на прибыль на 8,7%, а в 2012 году – на 18,3% (табл. 1).

ОАО «ФосАгро» ежегодно предъявляет к возврату колоссальную долю налогов, внесенных в бюджет. Причем с каждым годом предприятие увеличивает сумму налогов к возмещению – только за 2010–2013 гг. зафиксирован рост в 54,1%: 5 млрд руб. против 3,2 млрд. руб. соответственно (табл. 2).

Таблица 1. Дивиденды, выплаченные ОАО «Акрон» аффилированным лицам, млн руб.

Список	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. в % к	
					2009 г.	2011 г.
Всего начислено	1192	1875	6152	4456	В 3,7 раз	72,4
Всего выплачено	1191	1874	6148	4453	В 3,7 раз	72,4
Доля дивидендов в % к чистой прибыли	16,4	29,8	30,2	30,0	182,6	99,1
Доля дивидендов в % к налогу на прибыль	77,0	98,4	118,3	108,7	141,1	91,8

Источник: Годовой отчет ОАО «Акрон» за 2013 год. – С. 71.

Таблица 2. Налоги к возмещению ОАО «ФосАгро»

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. в % к	
					2010 г.	2012 г.
Налоги к возмещению, млн руб.	3285	4373	4617	5063	154,1	109,7
В % к общему объёму уплаченных налогов	67,9	65,8	50,8	85,2	125,5	167,7

Источник: Пояснения к консолидированной отчетности ОАО «ФосАгро» за 2013 год.

Подобные тенденции позволяют утверждать о наличии финансовой возможности предприятий реализации принципов социально ответственного поведения. Однако по результатам опроса, который провёл Институт социально-экономического развития территорий РАН в 2013 году, социальные программы предприятий реализуются эпизодически (41,1% респондентов) и осуществляются только крупным бизнесом (32,2%). Кроме того, значительная часть респондентов (22,2%) отмечают, что бизнес вообще не несёт социальной нагрузки (рисунок).

Основными препятствиями для развития социальной ответственности руководители опрошенных предприятий назвали:

- неэффективную поддержку и поощрение социально ответственных предприятий государством (73,9%);
- отсутствие финансовой возможности для социальных вложений (50,0%);
- отсутствие / неразвитость законодательной базы (31,8%);
- неясность преимуществ эффективной социальной политики (21,6%);
- неготовность общества к социальному партнёрству (8,0%).

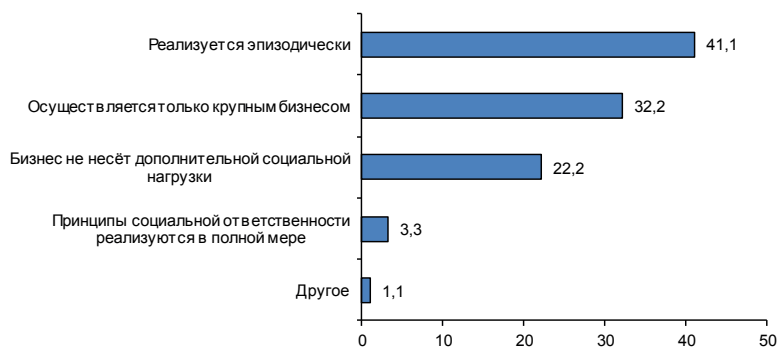


Рис. Распределение ответов на вопрос: «Охарактеризуйте текущее состояние социальной ответственности бизнеса в Вологодской области», % от числа ответивших

Основная проблема в формировании системы социальной ответственности – отсутствие чётких демонстрируемых выгод для российских компаний со стороны общественных институтов, а также прозрачных, эффективных и взаимовыгодных механизмов сотрудничества власти и бизнеса [3].

Для упорядочения и продвижения идеи повышения роли бизнеса в территориальном развитии следует разработать и принять концепцию социальной ответственности бизнеса. Цель – активизировать социально ответственное поведение всех хозяйствующих субъектов. Основные мероприятия включают в себя:

- развитие механизмов информационного обмена между бизнесом и органами региональной власти на основе активного применения информационных технологий;
- проведение специальных форумов и конференций с участием бизнеса и органов власти, посвящённых вопросам развития территории;
- организацию образовательных программ в целях продвижения основ социальной ответственности при участии всех заинтересованных сторон – власти, бизнеса, гражданского общества;
- консультирование предприятий по вопросам внедрения принципов социальной ответственности бизнеса;
- развитие практики материального и морального стимулирования бизнеса к участию в решении общественных проблем;
- создание банка социальных проектов, планируемых к реализации на территории региона;
- организацию конкурса на лучшее социально ответственное предприятие с размещением на сайте Правительства Вологодской области рейтинга лучших;
- активизацию работы по реализации практик ответственных действий бизнеса и повышение уровня вовлеченности в социально-экономические процессы в регионе;
- разработку научно-методического пособия по подготовке социальной отчётности предприятий.

Подводя итог, отметим, что социальная ответственность бизнеса должна рассматриваться как один из механизмов функционирования предприятия, эффективное действие которого повышает устойчивость не только самого экономического субъекта, но и региональной экономической системы в целом. При этом региональное развитие

происходит за счет стабильной наполняемости бюджета, улучшения экологической обстановки и сбережения природных ресурсов, а также за счет повышения уровня и качества жизни населения.

Повышение социальной ответственности бизнеса в определяющей степени зависит от активности участия и заинтересованности органов власти в решении этой задачи. Именно они призваны управлять социально-экономическими процессами, обеспечивать достижение консенсуса всех экономических агентов в целях социально-экономического развития регионов и страны в целом и роста качества жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Совета по национальной конкурентоспособности «Концепция-2020. Российские регионы. Проекты развития» [Текст]. – М., 2008. – С. 56–59.
2. Копытова (Разгулина), Е.Д. Оценка влияния крупнейших предприятий на социально-экономическое развитие территорий [Текст] / Е.Д. Разгулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 223–234.
3. Разгулина, Е.Д. Социальная ответственность бизнеса и развитие территорий [Текст] / Е.Д. Разгулина, А.С. Барабанов // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 5. – С. 73–81.
4. Официальный сайт ОАО «Акрон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.acron.ru>
5. Официальный сайт ОАО «ФосАгро» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.phosagro.ru>
6. Перекрёстов, Д.Г. Корпоративная социальная ответственность: вопросы теории и практики [Текст]: монография / Д.Г. Перекрёстов, И.П. Поварич, В.А. Шабашев. – М.: Издательский дом «Академия естествознания», 2011. – 216 с.
7. Ускова, Т.В. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и тенденции [Текст]: препринт / Т.В. Ускова, Е.Д. Разгулина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 56 с.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СЗФО)

Особенность России состоит как в наличии диспропорций между размещением природного потенциала и сформировавшимся экономическим потенциалом, так и в неравномерном размещении на ее территории природных ресурсов и населения. Почти 85% населения России сконцентрированы в европейской части страны. Северо-Западный федеральный округ является одним из самых густозаселенных федеральных округов РФ. Площадь округа составляет 1677,9 тыс. кв. километров – 10,5% территории России. Округ состоит из 11 субъектов общей численностью 13,7 млн чел. Регион имеет самый высокий показатель урбанизации среди федеральных округов: более 80% жителей – городские. В связи с высокой степенью урбанизации, уровнем межрегиональной миграции и трансформации сложившейся ранее системы расселения существует необходимость оценки механического движения населения и группировки субъектов СЗФО по характеру расселения. Анализ, который будет проведен в работе, в будущем позволит выявить общие и специфические черты демографических процессов на территориях СЗФО [3].

Расселение – это процесс распределения и перераспределения населения по территории. Расселение включает собственно размещение населения и функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения (переселения, сезонные и маятниковые миграции) как способ осуществления межтерриториальных связей. Факторы, влияющие на характер расселения населения, подразделяются на три группы: социально-экономические (уровень экономического развития, состояние социальной инфраструктуры, отраслевая структура экономики и т. п.); природно-климатические; демографические (уровень естественного воспроизводства населения, интенсивность миграционных связей и перемещения населения в целом) [6].

¹ Вячеславов Василий Николаевич – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

В рассматриваемый период с 2000 по 2010 год наблюдается снижение валовой внутренней миграции как на уровне Российской Федерации, так и СЗФО (табл. 1). Меньше всего данная тенденция затронула миграционные потоки, направленные из села в город, снижение составило всего 5%. Это направление является основным для межрегиональной миграции регионов СЗФО, что подтверждается ростом количества сельских поселений без населения или с небольшим числом жителей (до 10 человек).

Значительный рост внутрирегиональной миграции был зафиксирован в период 2011–2014 гг. В 2014 г. по сравнению с 2000 г. увеличился поток миграции по направлению «из города в город» в 2,3 раза, «из села в город» – в 2 раза, «из города в село» – в 1,8 раз, «из села в село» – почти в 3 раза. Высокий рост миграционного потока связан с центростремительной миграцией населения в более крупные и экономически развитые сельские поселения, районные центры и города.

Условное разделение субъектов СЗФО на две группы – регионы-реципиенты и регионы-доноры – показало, что к субъектам с миграционной убылью отнесены Республика Карелия, Коми, а также Архангельская и Мурманская области, с миграционным приростом – Ленинградская, Калининградская, Новгородская области.

Таблица 1. Внутрироссийская миграция населения (человек)

Направление миграции	2000		2002		2006		2010		2014		2014 к 2000 в +/-%	
	РФ	СЗФО	РФ	СЗФО	РФ	СЗФО	РФ	СЗФО	РФ	СЗФО	РФ	СЗФО
всего тыс. чел.	2302,9	150,4	2017,3	132,9	1935,7	114,9	1910,7	117,7	4046,3	329,2	76%	119%
из города в город	998057	79670	884142	70495	825464	59587	835119	60004	1860214	184876	86%	132%
из села в город	572236	32120	502366	29567	493635	27108	518507	30354	999768	68583	75%	114%
из города в село	490968	31263	432453	26895	421653	22437	377315	21503	795201	55319	62%	77%
из села в село	241738	7365	198341	5957	194939	5858	179707	5595	391170	20412	62%	177%

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. – Заглавие с экрана

Несмотря на то, что миграционный отток населения повлиял на количество сельских населенных пунктов, в целом по стране количе-

ство районов и городов осталось прежним (табл. 2). На уровне СЗФО по данным параметрам также не произошло существенных изменений. Уменьшилось лишь количество поселков городского типа, в которых сократилась численность населения.

Таблица 2. Количество населенных пунктов в субъектах СЗФО

Территория	Районы		Города		Поселки городского типа		Сельские населенные пункты	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Российская Федерация	1866	1865	1098	1100	1842	1286	155289	153124
Северо-Западный федеральный округ	155	157	146	146	176	142	29810	29618
Республика Карелия	16	15	13	13	11	11	775	776
Республика Коми	12	12	10	10	31	29	729	720
Архангельская область	21	22	14	14	35	20	3957	3970
Вологодская область	26	26	15	15	12	9	8041	8006
Калининградская область	13	15	22	22	5	4	1079	1073
Ленинградская область	17	17	31	31	34	32	2908	2882
Мурманская область	5	5	16	16	16	12	135	112
Новгородская область	21	21	10	10	18	11	3793	3728
Псковская область	24	24	14	14	14	14	8393	8351

Источник: Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. – Заглавие с экрана; Всероссийская перепись населения 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>. – Заглавие с экрана.

Территориальные изменения в первую очередь были связаны с включением населенных пунктов в черту городов и поселков городского типа, а также их ликвидацией по решению местных органов власти в связи с естественной убылью и миграционным оттоком жителей в другие населенные пункты. В Архангельской области наблюдался незначительный рост количества сельских поселений (с 3957 до 3970), можно предположить, что в некоторой степени это было связано с присвоением бывшим поселкам городского типа статуса сельского поселения вследствие уменьшения количества проживающих.

В период 2002–2014 гг. в субъектах СЗФО (Республика Коми, Карелия, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Псковская, Новгородская области) наблюдалось снижение плотности населения в связи с естественной и миграционной убылью (табл. 3). В Ленинградской и Калининградской областях зафиксирован рост плотности населения вследствие миграционного притока.

Таблица 3. Плотность населения, чел./км²

Территория	Год			
	2002	2005	2010	2014
Российская Федерация	8,5	8,3	8,4	8,5
Республика Карелия	4,2	3,9	3,6	3,5
Республика Коми	2,5	2,4	2,2	2,1
Архангельская область	2,3	2,2	2,1	2,0
Ненецкий автономный округ	0,2	0,2	0,2	0,2
Вологодская область	8,7	8,5	8,3	8,2
Калининградская область	63,3	62,2	62,4	64,2
Ленинградская область	19,9	19,6	20,4	21,2
Мурманская область	6,2	6,0	5,5	5,3
Новгородская область	12,6	12,2	11,6	11,4
Псковская область	13,8	13,1	12,2	11,8
г. Санкт-Петербург	3335,3	3271,9	3463,4	3708,4

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. – Заглавие с экрана

В период 1990–2014 гг. наблюдается рост доли городских жителей, в большинстве случаев рост данного показателя осуществлялся за счет переезда сельских жителей в городские агломерации. На 2014 год доля городских жителей составляла более 70% (табл. 4).

Таблица 4. Доля сельского и городского населения в СЗФО, %

Территория	1990		2002		2010		2014	
	город-ское	сельское	город-ское	сельское	город-ское	сельское	город-ское	сельское
Республика Карелия	81,6	18,4	74,8	25,2	77,7	22,3	79,2	20,8
Республика Коми	75,7	24,3	75,3	24,7	76,6	23,4	77,5	22,5
Архангельская область	73,6	26,4	75,2	24,8	75,2	24,8	76,5	23,5
Вологодская область	65,5	34,5	68,9	31,1	70,0	30,0	71,5	28,5
Калининградская область	79,0	21,0	77,6	22,4	77,2	22,8	77,6	22,4
Ленинградская область	66,0	34,0	66,4	33,6	65,8	34,2	64,9	35,1
Мурманская область	91,4	8,6	92,3	7,7	92,7	7,3	92,7	7,3
Новгородская область	69,7	30,3	69,7	30,3	70,5	29,5	70,5	29,5
Псковская область	63,1	36,9	65,9	34,1	69,8	30,2	70,2	29,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. – Заглавие с экрана

Так как одними из характеристик расселения являются численность территории (людность), параметры заселения (плотность населения, доля городского и сельского населения), нами была проведена группировка регионов СЗФО по данным показателям. По критерию плотности населения в 2014 г. было выделено 3 группы. К регионам СЗФО с высокой плотностью населения относятся: Ленинградская, Калининградская области, г. Санкт-Петербург. К среднему уровню плотности населения относятся следующие регионы: Республика Карелия, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская области. В группу с низкой плотностью были отнесены Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ. Напомним, что территория считается с высокой плотностью в том случае, когда по данному показателю втрое превосходит средний уровень по стране, с низкой плотностью – в обратном случае [4].

Также была выполнена группировка регионов СЗФО по доле сельского населения, принимая во внимание, что в условиях наличия более половины таких жителей территории считаются преимущественно сельскими, а если таковых менее 15% – преимущественно городскими [5]. На фактических данных было установлено, что среди субъектов СЗФО отсутствуют регионы первого типа (с преимущественно сельским населением), поскольку удельный вес сельских жителей не превышает 36%. В группу регионов со значительной долей сельского населения входили Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области. Среди территорий с преимущественно городским населением – г. Санкт-Петербург и Мурманская область.

По показателю людности (численности населения) по каждому региону все сельские населенные пункты были распределены на 3 группы (1 группа – население менее 10 человек, 2 группа – до 100 человек и 200-500 человек, 3 группа – 1-2 тысячи человек, 3-5 тысяч человек, более 5 тыс. чел.).

Сравнительный анализ данных показал, что в первой группе количество поселений увеличилось, в то время как количественные изменения в 3 группе незначительны (табл. 5).

В 2010 г. по сравнению с 2002 г. количество населенных пунктов без населения увеличилось практически во всех регионах СЗФО. Необходимо отметить, в Мурманской области в период 2002–2010 гг.,

**Таблица 5. Группировка сельских населенных пунктов
по численности населения**

Субъект	Тип поселения	Численность поселений	
		2002 г.	2010 г.
Республика Карелия	1 группа	174	203
	2 группа	400	378
	3 группа	107	86
Республика Коми	1 группа	86	98
	2 группа	491	487
	3 группа	135	99
Архангельская область	1 группа	1330	1429
	2 группа	1931	1572
	3 группа	149	121
Вологодская область	1 группа	3046	3228
	2 группа	3237	2529
	3 группа	133	118
Калининградская область	1 группа	95	105
	2 группа	862	838
	3 группа	118	112
Ленинградская область	1 группа	726	738
	2 группа	1782	1724
	3 группа	263	269
Мурманская область	1 группа	12	20
	2 группа	64	50
	3 группа	30	28
Новгородская область	1 группа	1417	1542
	2 группа	1851	1429
	3 группа	65	63
Псковская область	1 группа	3759	3894
	2 группа	3494	2490
	3 группа	67	48

Примечание: 1 группа – население менее 10 человек, 2 группа – до 100 человек и 200-500 человек, 3 группа – 1-2 тысячи человек, 3-5 тысяч человек, более 5 тыс. чел.
 Источник: Составлено автором на основании данных переписи населения: Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. – Заглавие с экрана; Всероссийская перепись населения 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>. – Заглавие с экрана

наоборот, произошло уменьшение количества поселений без проживающего населения на 15 пунктов. Главная причина этого процесса – исчезновение деревень вследствие сокращения населения. В качестве общей тенденции, затрагивающей все субъекты СЗФО, отметим уве-

личение численности поселений, относящихся к первому типу (с населением менее 10 человек), на фоне сокращения во второй и третьей группах.

По характеру заселения (плотность заселения, равномерность заселения, соотношение между городским и сельским населением) выделены следующие типы сельских территорий [2]. Установлено, что в период 2002–2014 гг. характер заселенности регионов СЗФО фактически не изменился: во всех регионах СЗФО – городское заселение, при этом большую часть регионов составляли редко заселенные территории с городским заселением на уровне 70% (табл. 6).

Таблица 6. Типология сельских поселений по заселению

	Преобладание сельского заселения	Преобладание городского заселения	Преобладание сельского заселения	Преобладание городского заселения
	2002 г.		2014 г.	
Редкозаселенные территории	–	Республика Карелия Республика Коми Архангельская область Вологодская область Калининград- ская область Новгородская область Псковская область Мурманская область	–	Республика Карелия Республика Коми Архангельская область Вологодская область Калининград- ская область Новгородская область Псковская область Мурманская область.
Густозаселенные территории	–	Ленинградская область. г. Санкт-Петербург	–	Ленинградская область. г. Санкт-Петербург
Источник: Ковалев С.А. Типология и районирование сельского расселения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php				

В ходе исследования были получены следующие результаты:

– По критерию «плотность населения» регионы СЗФО в 2014 г. были разделены на 3 группы. Группа регионов со средней плотностью населения являлась самой многочисленной (Республика Карелия, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская области). В группу с низкой плотностью населения попали только северные регионы СЗФО (Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ). В группе с высокой плотностью населения – самые экономически развитые регионы федерального округа (Ленинградская, Калининградская области, г. Санкт-Петербург). Например, в г. Санкт-

Петербурге численность населения растет вследствие высокой привлекательности территории и миграционного притока. В целом одним из самых главных факторов привлечения населения является уровень экономического развития территории прибытия. Данная тенденция была выявлена на уровне муниципальных образований и сельских территорий Вологодской области [1].

– Северо-Западный федеральный округ охватывает регионы с преимущественно сельским населением (15–50% сельского населения), так как удельный вес сельского жителя не превышает 40%. Исключением является Мурманская область, в которой проживает 7% сельского населения. Возможно, из-за того что область относится к районам «Крайнего Севера», для этих территорий характерна концентрация населения в городах и крупных сельских населенных пунктах (вблизи районных центров), все остальные территории трудны и очень затратны для освоения.

– Проведена группировка сельских населенных пунктов по численности населения (1 группа – население менее 10 человек, 2 группа – до 100 человек и 200–500 человек, 3 группа – 1–2 тысячи человек, 3–5 тысяч человек, более 5 тыс. чел.). Во всех регионах СЗФО наблюдается рост количества поселений с общей численностью, не превышающей 10 человек, вследствие естественной убыли и центростремительной миграции (переезд в более крупные сельские поселения/районные центры, а также города).

– При построении группировки по уровню заселения между переписями 2002 и 2010 года не наблюдается никаких изменений, субъекты находятся в своих группах. В группе с преобладанием городского заселения/редко заселенные территории находятся: Республика Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Мурманская области. В группу с преобладанием городского заселения/густозаселенные территории попали Ленинградская область и город Санкт-Петербург.

– Выявлены процессы центростремительной миграции и обезлюдения сельских территорий (ярко выражены на территориях, попавших в зону крайнего севера). В группу редко заселенных территорий с преобладанием городского населения попали следующие регионы: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Мурманская области.

В группу густозаселенных территорий с преобладанием городского населения были отнесены: Ленинградская область, г. Санкт-Петербург. Для последних характерны высокий уровень экономического развития, высокая привлекательность для мигрантов, следствием чего является высокий миграционный прирост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вячеславов, В.Н. Типологизация факторов, влияющих на миграцию населения [Электронный ресурс] / В.Н. Вячеславов // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1522>
2. Ковалев, С.А. Типология и районирование сельского расселения [Электронный ресурс] / С.А. Ковалев. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php>
3. Практическая демография [Текст] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
4. Российская Федерация. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Федеральный закон № 131-ФЗ от 06 октября 2003 года]: принят Государственной Думой 16 сентября 2003 года, одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года (в редакции по состоянию на 20 ноября 2010 года, с изменениями, вступающими в силу с 01 января 2011 года). – Вологда: Граффити, 2010. – 195 с.
5. Будажданаева, М.Ц. Совершенствование механизма управления социально-экономическим развитием сельских территорий региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / М.Ц. Будажданаева ; ВСГТУ. – Улан-Удэ, 2015.
6. Социологическая энциклопедия [Текст]: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – Т. 2.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Туризм является значимой отраслью непродуцированной сферы мирового хозяйства, цель которой – удовлетворение потребностей туристов в отдыхе и восстановление трудоспособности. Несмотря на высокий природный и культурно-исторический ресурсный потенциал, туризм в Российской Федерации не является ведущей индустрией народного хозяйства.

Для определения возможных путей развития туризма в регионах РФ, разработки стратегических документов, учитывающих как имеющиеся потенциальные возможности, так и социально-экономический эффект от планируемых мероприятий, необходима разработка методологического инструментария, позволяющего оценить состояние развития туризма в регионе. Данная работа особенно важна на фоне пристального внимания к развитию внутреннего туризма в связи с влиянием экономических санкций, запретов на выезд в популярные зарубежные направления – Турцию и Египет, а также неспокойной геополитической ситуацией в мире.

Таким образом, целью исследования является анализ развития сферы туризма Вологодской области. В настоящее время существует потребность в методике, учитывающей максимальное количество сторон такого явления, как туристская деятельность. В данной статье был проведен анализ методик, анализирующих развитие туристской отрасли [1–5, 7, 9].

По результатам проведенного обзора можно сделать вывод о недостаточной разработанности методологических аспектов исследования анализа развития сферы туризма.

Так, отсутствуют методики, позволяющие комплексно оценить экономическую и социальную эффективность сферы туризма, в частности эффективность функционирования туристской сферы определенного туристского региона. Внимание исследователей сосредоточено на отдельных хозяйствующих единицах, таких как средства

¹ Леонидова Екатерина Георгиевна – аспирант, младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

размещения, туристические предприятия и др. Кроме того, для каждого региона (или группы близлежащих регионов) характерны индивидуальные особенности статистического учета в сфере туризма, вследствие чего разработка универсальной для всех регионов методики становится проблематичной.

Н.В. Рубцова адаптировала методику, разработанную Б. А. Осиповым, В. В. Соколенко, Ю. Д. Шмидтом, апробировала ее на примере регионов Прибайкалья [6], в результате чего стало возможным проведение оценки развития сферы туризма в любом регионе РФ с помощью универсальных показателей. Расчет интегральных показателей по блокам экономической и социальной эффективности с использованием подхода основан на расчете весов показателей по коэффициентам парной корреляции между ними. Показатель социально-экономической эффективности рассчитывается как сумма интегральных показателей блоков экономической и социальной эффективности.

В соответствии с информацией, предоставляемой территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, интегральный показатель с 2010 года принимает положительные значения, что говорит о повышении экономической эффективности туристской сферы Вологодской области. Наблюдая за динамикой интегрального показателя, можно заметить высокие темпы его роста. Самое высокое значение наблюдается в 2013 году и превышает единицу (таблица).

Таблица. Динамика интегрального показателя экономической эффективности внутреннего туризма в Вологодской области

Номер показателя	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Весовой коэффициент
1	0,000	0,011	0,037	0,135	0,230	0,23
2	0,085	0,064	0,000	0,106	0,170	0,17
3	0,000	0,011	0,080	0,022	0,046	0,08
4	0,000	0,067	0,133	0,133	0,200	0,20
5	0,000	0,030	0,105	0,149	0,220	0,22
6	0,000	0,043	0,045	0,180	0,220	0,22
7	-0,120	-0,060	0,022	0,000	-0,013	-0,12
Интегральный показатель	-0,035	0,166	0,423	0,726	1,074	-

Подробнее рассмотрев составляющие интегрального показателя, можно отметить, что высокое значение роста эффективности связа-

но с уверенными темпами роста всех отдельных показателей в 2013 г. относительно 2012 г. Таким образом, можно говорить о достижении поставленных целей уверенного роста экономической эффективности сферы туризма, однако до недавнего времени интегральный показатель имел хоть и положительные, но низкие значения, что говорит о необходимости пристального внимания к управлению данной сферой с целью удержания достигнутых позиций.

Возвращаясь к вопросу эффективного функционирования сферы туризма, нельзя оставить без внимания тот факт, что суммарный турпоток в регионе год от года стабильно возрастает. Главная задача органов власти Вологодской области заключается в том, чтобы адаптировать сферу туризма под новые тренды, ускорить темпы её развития, что позволит достичь высокой экономической эффективности.

К задачам региональных властей относятся следующие:

- реализация региональных и федеральных целевых программ в части, относящейся к данному региону;
- обеспечение эффективного использования туристских ресурсов региона;
- корректировка налоговой политики в отношении субъектов, вовлеченных в туристскую сферу;
- улучшение и развитие инфраструктуры туризма;
- создание и продвижение региональных брендов, маркетинг территории;
- сотрудничество с другими регионами в части реализации совместных проектов, подразумевающих синергетический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминова, Р.К. Методические основы оценки и направления повышения эффективности функционирования организаций индустрии туризма [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Р.К. Аминова. – Махачкала, 2009. – 22 с.
2. Евреинов, О.Б. Комплексное развитие и совершенствование инфраструктуры туризма в регионе (на примере Санкт-Петербурга) [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / О.Б. Евреинов. – СПб., 2012. – 23 с.
3. Караулова, Н. Внешнеэкономическая деятельность предприятия туризма: система показателей эффективности хозяйственной деятельности предприятия [Текст] / Н. Караулова // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2007. – № 3 (30). – С. 63–68.

4. Осипов, Б.А. Методика оценки социально-экономической эффективности внутреннего туризма [Текст] / Б.А. Осипов, В.В. Соколенко, Ю.Д. Шмидт // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2011. – № 3. – С. 3–11.
5. Подсевалова, Е.Н. Методические подходы к определению эффективности предприятий туристической индустрии [Текст] / Е.Н. Подсевалова // Сервис в России и за рубежом. – 2011. – № 3. – Режим доступа: http://old.rguts.ru/electronic_journal/number22/contents
6. Рубцова, Н.В. Содержание понятия эффективность туристической деятельности [Текст] / Н.В. Рубцова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 18 (249). – С. 54–60.
7. Темный, Ю.В. Экономика туризма [Текст]: учебник / Ю.В. Темный, Л.Р. Темная. – М.: Финансы и статистика: ИНФРА-М, 2010. – 448 с.
8. Туризм в Вологодской области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 106 с.
9. Цехла, С.Ю. Особенности оценки социальной эффективности туристической деятельности [Текст] / С.Ю. Цехла // Экономика Крыма. – 2010. – № 2 (31). – С. 78–82.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Уголовно-исполнительная система является федеральным органом власти, на который возложена обязанность по исполнению наказания на всей территории страны. В структуру ФСИН России входят территориальные органы (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН), реализующие свои полномочия на региональном уровне, имея при этом четко иерархичную структуру подведомственных казенных учреждений. Поскольку система имеет привязку к территории того или иного субъекта РФ, то данные подразделения участвуют в региональном развитии, оказывая на него экономическое воздействие, а также реализуют социальную политику данного субъекта.

Снижающиеся темпы роста приближают к стагнации, при которой экономическая политика сводится к разрешению противоречий между:

- социальной стабилизацией за счет перенапряжения бюджета;
- бюджетной стабилизацией за счет сжатия государственных расходов.

Такое положение приводит к неустойчивости экономики на микро-, макро- и мезоуровнях, снижению инвестиционной мотивации, как частного инвестора, так и самого государства, как собственника казенного учреждения, к продолжению структурной деградации хозяйства. Именно такие тенденции наблюдаются на сегодняшний день.

Выход из этого кризиса диктует необходимость перехода от постсоветской формы развития к новой модели регулирования экономики, содействующей увеличению доли накопления, эффективности, окупаемости инвестиций, стимулированию конкурентоспособности промышленного производства, созданию новых рабочих мест, повышению производительности труда, высокотехнологичной модернизации народного хозяйства, подъему уровня и качества жизни населения на территории, а также сотрудников системы в целом [1].

¹ Коротин Михаил Анатольевич – курсант Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань.

Процесс реформирования в уголовно-исполнительной системе тоже отражается на содержании данной структуры и соответственно проецируется на социально-экономическую структуру того региона, в котором находится.

Функциональное содержание региональной и уголовно-исполнительной системы, локализованной в административном пространстве субъекта РФ, обусловлено следующими объективными обстоятельствами:

- уровнем развития региональной системы;
- потребностями дальнейшего развития системы;
- наличием ресурсной базы, обеспечивающей дальнейшее развитие;
- способом организации соответствующей территории.

В чистом виде нет ни открытых, ни закрытых систем. Однако управление, осмысляемое как управление открытой системой, качественно отличается от других типов управления. Повышение степени открытости связано с активизацией процессов глобализации, интеграции и коммуникации. Наблюдается увеличение зависимости региональной, уголовно-исполнительной системы от межрегиональных, межотраслевых связей.

Важным свойством социально-экономической системы региона, а также уголовно-исполнительной системы на региональном и федеральных уровнях, является наличие структуры. Структуру следует рассматривать как способ взаимосвязи, взаимодействия образующих систему элементов, ее внутреннюю организацию, обеспечивающую целостность. Она позволяет сохранить качественную определенность региона, производственного потенциала уголовно-исполнительной системы как системы на протяжении определенного времени. Под влиянием многих факторов, воздействующих на систему, таких как внешняя среда, изменение функций, структура может видоизменяться.

Авторы А.В. Бондаренко и Н.В. Вакуленко представляют обобщенную структуру региона в виде четырех элементов, выступающих в качестве его подсистем:

- население,
- природно-ресурсный потенциал,
- экономическая подсистема,
- социокультурная подсистема.

Каждая из них имеет сложную структуру и находится в органической взаимосвязи и во взаимодействии с остальными. В результате регион об-

ладает свойствами самоорганизации и развития в соответствии с определенными закономерностями. Поэтому анализ экономического аспекта развития региона невозможно проводить без учета влияния и взаимосвязей всех его подсистем. Процессы взаимодействия структурных элементов региона и его самоорганизация протекают согласно нормам и правилам и осуществляются с помощью организационных механизмов и структур [2].

Определение региона как социально-экономической системы и его основных составляющих позволило автору работы выделить базовые функции, которые нами квалифицированы следующим образом:

Воспроизводственная функция является материальным базисом по отношению к другим функциям. Она обеспечивает удовлетворение материальных потребностей системы и нацелена на ее жизнеобеспечение. Формирует устойчивый цикл, состоящий из фазы производства, обмена, распределения, потребления материальных и нематериальных благ, обеспечивая при этом локальные связи в пространстве региона.

Социально-коммуникативная функция ориентирована на развитие общественного взаимодействия субъектов в пространстве региона. Социальные взаимодействия между населением и организациями опираются на соответствующую инфраструктуру, которая ориентирована на развитие человеческого капитала региона.

Функция субординации по отношению к вертикали государственной власти обеспечивает «встраивание» региональной системы в социально-экономическую систему страны на основе взаимодействия федерального центра и властей региона.

Интеграционная функция обеспечивает объединение различных региональных систем, а также взаимодействие с другими уровнями глобальной социально-экономической системы.

Инновационная функция ориентирована на достижение цели развитие человеческих ресурсов и технологической модернизации.

Обобщая результаты по анализу региональных функций, можно сделать вывод о том, что они позволяют обеспечивать потребности целенаправленного управления региональной социально-экономической системой.

Для уголовно-исполнительной системы региона свойственны те же функции, что и для региональной подсистемы, поскольку они находятся в жесткой взаимосвязи внутри данного замкнутого процесса.

Подводя итог проведенного исследования, можно отметить, что автором доказано существование уголовно-исполнительной подсистемы в региональной социально-экономической системе. Существенными признаками данного объекта исследования стала структурность, управляемость, неоднородность и функциональность.

В современных условиях в подразделениях УИС без помощи региональных властей невозможно обеспечить решение задач по улучшению экономической стабильности в хозяйствующих субъектах, а также вопросов, стоящих перед страной и системой в целом:

- модернизация промышленного производства,
- преодоление инфраструктурной недостаточности,
- реформирование социальных институтов,
- повышение производительности труда,
- структурная перестройка.

Немаловажной для уголовно-исполнительной системы является поддержка со стороны государства, общества в экономическом и социальном направлении. Тенденции, приведенные выше, для пенитенциарной системы не чужды, однако кадровая политика, повышение производственного потенциала напрямую зависят от управленцев территориальных органов, которые, как крепкие хозяйственники, менеджеры, способны реализовывать цели и задачи, поставленные перед УИС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, Э. Национальная экономика в 2011-2013 [Текст] / Э. Баранов, И. Мальцева, Н. Райская // Экономист. – 2012. – № 9. – С. 16–33.
2. Бондаренко, А.В. Региональное развитие экономики и факторы влияния [Электронный ресурс] / А.В. Бондаренко, Н.В. Вакуленко. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/9_DN_2010/Economics/60967.doc.htm
3. Полиди, А.А. Структурирование региональной экономики в условиях глобальной интеграции [Текст] / А.А. Полиди, А.А. Кофанов // Экономический анализ: теория и практики. – 2011. – № 4. – С. 61–66.
4. Попова, Г.Л. Социально-экономическое развитие региона как объект системного анализа [Текст] / Г.Л. Попова // Экономический анализ: теория и практики. – 2011. – № 2. – С. 49–53.

5. Соколов, А.П. Анализ социально-экономической региональной системы на примере Вологодской области [Текст] / А.П. Соколов, Л.П. Васильева // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 2. – С. 121–125.
6. Соколов А.П. Инструментарий индикативного планирования региональных социально-экономических систем [Текст] / А.П. Соколов // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1. – С. 319–322.

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСЭРТ РАН)

Жизнь населения, ее качество напрямую зависят от уровня развития системы жизнеобеспечения, поэтому вопросы описания «устройства» этой системы и разработки рекомендаций по совершенствованию управления ею на государственном и муниципальном уровнях являются актуальными [1].

Главная задача управления системой жизнеобеспечения населения любой страны – создание и поддержание необходимых условий для обеспечения достойной жизни населения, для формирования, развития и реализации созидательных способностей каждого человека на соответствующей территории [4].

Результаты исследования условий проживания населения г. Череповца и г. Вологды, проведенного по инициативе ИСЭРТ РАН в апреле 2015 года, позволило выявить ряд проблем жизнеобеспечения, которые, по мнению горожан, являются наиболее актуальными.

Основные проблемы городского развития, приносящие населению наибольшие неудобства в повседневной жизни, представлены в таблице 1.

**Таблица 1. Оценка значимости проблем жизнеобеспечения города,
% от числа опрошенных**

Проблема	Череповец	Вологда
Плохое состояние тротуаров и дорог	88,4	87,6
Неудовлетворительное состояние дворов	84,4	83,0
Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории	81,4	82,1
Сильная загазованность в районе	66,8	72,3
Пробки на дорогах	66,8	78,6
Неудовлетворительная криминогенная обстановка в районе	63,3	70,4
Неудовлетворительное качество питьевой воды	62,8	84,1
Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города	62,0	74,1

¹ Ластовкина Дарья Александровна – старший лаборант с высшим образованием ИСЭРТ РАН.

Частые перебои с горячей водой	61,8	66,5
Неудовлетворительное теплоснабжение	59,4	66,6
Частые перебои с холодной водой	56,8	66,6
Другие значимые проблемы	17,8	20,1

Как следует из таблицы, к числу наиболее острых проблем жители отнесли плохое состояние дорог и тротуаров (88%), неудовлетворительное состояние дворов (84%) и нехватку специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (81%). Наименее острыми, но не менее актуальными являются проблемы загазованности районов и пробки на дорогах, более половины опрошенных выделяют их.

Вологжане, так же как и жители Череповца, отметили проблемы, связанные с состоянием тротуаров и дорог (88%), дворов (83%), нехваткой парковок (82%). Это общая проблема для многих современных городов. Имеющаяся территориальная планировка городских дорог и дворовых территорий не была рассчитана на резкое увеличение количества автотранспорта. Повышенный уровень автомобилизации населения обостряет проблему нехватки парковок. Данная ситуация требует серьезного внимания со стороны городских властей. Кроме того, вологжане отметили еще одну значимую для их города проблему – неудовлетворительное качество питьевой воды (84%). Все остальные проблемы жизнеобеспечения города, указанные в таблице 1, также серьезно волнуют население городов, так как об их значимости заявляют больше половины опрошенных.

Для центральных и окраинных районов города характерны специфические проблемы территориального развития. Именно на их решение прежде всего должны быть направлены основные усилия местных органов власти (табл. 2).

Жители центральной и окраинной части города выделяют три общие проблемы в районах своего проживания, к ним относятся следующие: плохое состояние тротуаров и дорог, неудовлетворительное состояние дворов и нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории. Все эти проблемы можно отнести к неудовлетворительному состоянию дорожной инфраструктуры города в целом. Решение данных проблем требует пристального внимания со стороны администрации города, выработки программ финансирования и привлечения частных инвесторов для решения данных вопросов.

**Таблица 2. Специфические проблемы районов г. Череповца
(в скобках указан % опрошенных, определивших данную проблему
как одну из наиболее значимых)**

Районы	Проблемы
Центральные районы	
Индустриальный	1. Неудовлетворительное состояние дворов (96%) 2. Плохое состояние тротуаров и дорог (98%) 3. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (94,7%) 4. Сильная загазованность в районе(91,3%) 5. Неудовлетворительное качество питьевой воды (90,7%) и частые перебои с горячей водой (90,7%)
Юго-западный	1. Пробки на дорогах(88,7%) 2. Плохое состояние тротуаров и дорог (87,3) 3. Неудовлетворительное состояние дворов (96%) 4. Плохое состояние тротуаров и дорог (85,3%) 5. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (84%)
Первомайский	1. Плохое состояние тротуаров и дорог (90%) 2. Неудовлетворительное состояние дворов (88%) 3. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (76,7%)
Северо-восточный	1. Плохое состояние тротуаров и дорог (89,3%) 2. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (79,3%) 3. Неудовлетворительное состояние дворов (76%)
Окраинные районы	
Индустриальный	1. Плохое состояние тротуаров и дорог (90%) 2. Неудовлетворительное состояние дворов (86%) 3. Сильная загазованность в районе(72%)
Юго-западный	1. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (90%) 2. Плохое состояние тротуаров и дорог (80%) 3. Пробки на дорогах(72%) 4. Неудовлетворительное качество питьевой воды (70%) и Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города (70%)
Первомайский	1. Плохое состояние тротуаров и дорог (78%) 2. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (76%) 3. Неудовлетворительное состояние дворов (72%)
Северо-восточный	1. Плохое состояние тротуаров и дорог (78%) 2. Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории (76%) и неудовлетворительное состояние дворов (76%) 3. Сильная загазованность в районе(70%) и неудовлетворительное качество питьевой воды (70%)

Важно отметить, что кроме вышеперечисленных существуют проблемы, которые отмечаются только в отдельных районах города. Жители центральной и окраинной части Индустриального района беспокоит сильная загазованность в местах их проживания. Данная проблема в большей степени касается центра индустриального района, так как движение автотранспорта здесь наиболее активное, а многие жилые дома

находятся вблизи проезжей части. Подавляющее большинство жителей центра Индустриального района жалуются на неудовлетворительное качество питьевой воды и частые перебои с горячей водой, что в первую очередь связано со значительным износом сетей водоснабжения в этом районе. Для решения данной проблемы необходимо проведение капитального ремонта всех изношенных коммуникаций.

К специфическим проблемам центра и окраин Юго-западного района относится неудовлетворительная связь с другими районами и, соответственно, частые пробки на дорогах. Над решением этого вопроса уже ведется работа со стороны местных и федеральных властей. К настоящему времени разработан проект второго моста через реку Шексну, который будет вести в Юго-западный район, что во многом снизит транспортную нагрузку Октябрьского моста. На данный момент начало строительства моста отложено на неопределенный срок, в связи с нестабильным экономическим положением в стране. Однако была построена развязка, распределяющая потоки транспорта при въезде в Юго-западный район города, в основном за счет средств регионального дорожного фонда. Это облегчило ситуацию и снизило загруженность Октябрьского проспекта. Открытие данного транспортного узла было приурочено ко Дню города 4 ноября 2015 г.

В ходе опроса населению города была представлена возможность оценить усилия служб городской Администрации по решению проблем жизнеобеспечения. В 2015 году жители Череповца дали неудовлетворительную оценку действиям Администрации, направленным на решение проблем, связанных с плохим состоянием дворов (2,7 балла) и пробками на дорогах (2,9 балла). В то же время успешней решаются следующие вопросы: ликвидация проблем в работе систем теплоснабжения (3,6 балла), частые перебои с холодным и горячим водоснабжением (3,8 и 3,6 балла соответственно).

Вологжане оценили усилия служб городской администрации по решению проблем обеспечения города несколько ниже, чем череповчане. Оценки выше трех баллов население Вологды поставило действиям только по решению проблем водоснабжения и теплоснабжения. Самую низкую оценку респонденты поставили решению проблемы плохого состояния дорог и тротуаров (2,2 балла). Усилия администрации по решению остальных вопросов жители Вологды оценили в диапазоне от 2,4 до 2,8 балла.

Таблица 3. Оценка жителями усилий служб городской администрации по решению проблем жизнеобеспечения города в 2015 году (по пятибалльной шкале: 1 – никаких мер не принималось уже долгое время, 5 – принимаются все усилия для решения проблемы; % опрошенных, поставивших данный балл)

Проблемы жизнеобеспечения	Оценка усилий служб городской администрации					
	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	Средний балл
Неудовлетворительное теплоснабжение	2,4	6,4	15,3	21,6	13,6	3,6
Частые перебои с холодной водой	1,3	4,6	13,4	23,0	14,5	3,8
Частые перебои с горячей водой	2,6	8,5	17,4	20,1	13,0	3,5
Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города	5,8	8,5	20,1	18,5	9,1	3,3
Неудовлетворительная криминогенная обстановка	4,3	9,3	23,9	18,6	7,3	3,2
Сильная загазованность в районе	7,1	10,8	26,3	17,0	5,6	3,0
Пробки на дорогах	7,0	12,6	27,9	15,8	3,3	2,9
Неудовлетворительное состояние дворов	13,9	20,1	30,3	15,9	3,9	2,7
Плохое состояние тротуаров и дорог	15,4	21,5	31,1	17,4	2,9	2,7
Нехватка специально выделенных мест для парковки автомобилей на придомовой территории	21,6	22,1	22,0	11,9	3,4	2,4
Неудовлетворительное качество питьевой воды	6,9	8,9	15,6	21,1	10,3	3,3

Подводя некоторый итог, необходимо отметить, что привлекательность и комфортность территории для проживания населения во многом зависит от качества предоставляемых услуг (жилищно-коммунального хозяйства, транспортных), а также от уровня развития общей инфраструктуры жизнеобеспечения. Неэффективная деятельность органов власти и бизнеса приводит к возникновению целого ряда проблем, которые снижают удовлетворенность условиями проживания в городе. Для выявления проблем жизнеобеспечения населения и контроля над их решением необходим комплексный подход, одним из вспомогательных инструментов в данном вопросе могут выступать мониторинговые опросы населения, посвященные данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белехова, Г.В. Уровень жизни в оценках населения [Текст] / Г.В. Белехова, А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5 (79). – С. 77–96.
2. Богатырев, В.В. Политика государства по управлению системой жизнеобеспечения населения [Текст] / В.В. Богатырев // Инициативы XXI века. – 2010. – № 1. – С. 46–50.
3. Зачесов, А.А. Проблемы комфортности проживания в крупном городе [Текст] / А.А. Зачесов // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2 (76). – С. 73–86.
4. Хамзаева, А.М. Формирование эффективной системы жизнеобеспечения населения в переходный период [Электронный ресурс] / А.М. Хамзаева. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-naseleniya-kak-sotsiologicheskii-indikator-effektivnosti-munitsipalnogo-upravleniya>

СЕКЦИЯ
«РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
ТЕРРИТОРИЙ И ПОСТРОЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ»

И.В. Кузьмин¹

ИННОВАЦИОННАЯ КООПЕРАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РФ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Мировой опыт свидетельствует о существовании трёх стратегий инновационного развития территорий, реализуемых через механизмы государственного регулирования. Для стратегии «наращивания» необходимо значительное проникновение инноваций в технологические процессы. Развивающиеся страны использовали стратегии заимствования (адаптации) технологий и освоения (имитации) производства продукции [3, 4]. Япония показала возможность грамотной диффузии технологий и дальнейшего самостоятельного развития. В Китае совместное производство направлено на повышение собственного инновационного потенциала. В становлении советского автопрома важную роль сыграл рациональный подход к заимствованию полезных научно-технических достижений. В США не игнорировались возможности адаптации технологий, ведётся политика «покупки мозгов» [2].

Инновационная деятельность тесно связана с сотрудничеством, технологии не могут развиваться изолированно. Возникает необходимость покупки разработок. Получение преимуществ от сотрудничества требует затрат, знаний, квалификаций, поэтому разработчики сталкиваются с трудностями уже на ранних стадиях сотрудничества. Эти вопросы являются одним из основных предметов государственного регулирования. Необходимо совершенствование региональных организационно-экономических механизмов, позволяющих развивать международное сотрудничество регионов РФ. Принятие взвешенных управленческих решений обуславливает потребность в данных о существующем в регионах заделе для развития международной инновационной кооперации, а также о том, улучшения в каких сферах наиболее приоритетны.

¹ Кузьмин Илья Владимирович – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

В этой связи в данном исследовании была поставлена цель разработки методического инструментария, позволяющего на основе проведения математических операций со сформированной базой статистических показателей – выполнять построение интегральных индексов, отражающих уровни развития международного сотрудничества регионов в инновационной сфере; - проводить сопоставления регионов с точки зрения развития в них различных направлений международного научно-технического сотрудничества, учитываемых в расчётах интегрального индекса в качестве составляющих его блоков.

В основу методики заложены учёт всех аспектов международного сотрудничества, по которым существует возможность провести оценку на основе данных государственной статистики, и расчёт специального интегрального показателя (индекса) развития международного сотрудничества в инновационной деятельности, проводимый для каждого субъекта РФ. Для расчёта интегральных показателей предложено использовать набор индикаторов, представленный в таблице.

Таблица. Индикаторы государственной статистики, используемые в методике оценки международного сотрудничества региона в инновационной деятельности

№ п/п	Показатель	Единица измерения	Характеристика показателя
1.	Участие организаций в совместных НИОКР с зарубежными странами в расчёте на 1 тыс. предприятий и организаций.	Ед.	Степень участия региона в международных проектах в сфере НИОКР
2.	Поступления по экспорту технологий по соглашениям с зарубежными странами в расчёте на 1 тыс. предприятий и организаций.	Тыс. руб.	Степень предоставления регионом инновационных услуг международного уровня
3.	Выплаты по импорту технологий по соглашениям с зарубежными странами в расчёте на 1 тыс. предприятий и организаций.	Тыс. руб.	Степень получения регионом инновационных технологий международного уровня
4.	Экспорт инновационной продукции в расчёте на 1 тыс. предприятий и организаций.	Тыс. руб.	Степень поставки регионом инновационной продукции международного уровня
5.	Затраты на технологические инновации и прямые инвестиции по направлению научные исследования и разработки из средств иностранных источников в расчёте на 1 тыс. предприятий и организаций.	Тыс. руб.	Степень привлечения регионом дополнительных ресурсов на осуществление инновационной деятельности из-за рубежа
Источник: Составлено автором на основе [1].			

Методика позволяет учитывать как статистические значения индикаторов, так и степень отклонения последних от некоторого эталонного значения. В исследовании осуществлён сбор используемых

показателей и создана база данных, содержащая каждый показатель для всех субъектов РФ за период 2006–2013 гг., всего 3200 показателей. Собранные данные были обработаны в ходе апробации методики, в рамках которой были рассчитаны и сопоставлены индексы развития международного сотрудничества для каждого региона. С помощью применения кластерного анализа регионы были распределены по уровням развития сотрудничества (рисунок).

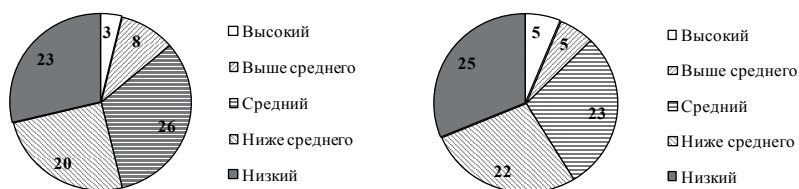


Рис. Распределение субъектов РФ по уровням развития международного сотрудничества

Расчёты показывают, что на протяжении исследуемого периода сотрудничество характеризовалось высоким уровнем развития только в 10 из 80 регионов, что выразилось в более интенсивном сотрудничестве, расширении международных научно-технических связей по всем выявленным в диссертации направлениям сотрудничества. В 20 регионах средний уровень сотрудничества обусловлен более низкими значениями его показателей, а также тем, что регионы не ведут сотрудничество по всем возможным направлениям. К приоритетам в таких регионах относится обеспечение условий для реализации тех направлений сотрудничества, которые остаются незадействованными.

В остальных регионах (около 50% всех субъектов РФ) развитие международного сотрудничества находилось на уровне ниже среднего и низком. В 6 регионах на протяжении всего периода индекс развития сотрудничества был равен 0. В регионах, обладающих инновационным потенциалом, низкий уровень сотрудничества означает, что субъекты инновационной деятельности не ведут сотрудничества за счёт собственных ресурсов, а стимулы для ежегодного осуществления регионом

сотрудничества по всем возможным направлениям не созданы либо недостаточно результативны. В итоге регионы не используют резервы данных направлений для достижения лучших результатов инновационной деятельности. Решению данных проблем будет способствовать реализация в регионах систем мер комплексной и всесторонней поддержки международного сотрудничества в инновационной сфере.

Результаты исследования позволили типизировать регионы по соотношению уровня международного сотрудничества в инновационной деятельности и ориентации региона на экспорт технологий либо импорт технологий. Исходя из уровня развития сотрудничества и ориентации на экспорт либо импорт технологий, в РФ можно выделить 2 наиболее крупных группы регионов, в состав которых входит более 50% всех субъектов РФ.

Особенностями данных групп регионов является значительное превосходство импорта технологий над их экспортом, низкий уровень развития международного сотрудничества, а также потребность в следующих мерах инновационной политики:

- развитие международных проектов НИОКР;
- привлечение дополнительных финансовых и иных ресурсов на осуществление инновационной деятельности за счёт развития международного сотрудничества;
- развитие коммерциализации результатов инновационной деятельности на зарубежных рынках;
- реструктуризация экспорта и импорта технологий, в т. ч. меры по повышению доли более выгодных направлений экспорта и импорта технологий;
- развитие собственных технологий по выгодным для региона направлениям экспорта и импорта технологий, в особенности меры по развитию технологий, по которым в настоящее время осуществляется импорт.

В среднесрочной перспективе в данных регионах существует задел для реализации стратегии «переноса» инноваций; в долгосрочной – стратегии «догоняющего развития» в инновационной сфере. В отношении других субъектов РФ в регионе существует задел для освоения привлекаемых инновационных технологий. В отношении региона другие субъекты РФ могут реализовывать стратегию переноса инноваций.

Материалы проведённой научно-исследовательской работы, наряду с результатами изучения реализуемых в настоящее время инструментов развития кооперации, позволит формировать приоритеты и направления региональной инновационной политики по развитию международного сотрудничества региона в научно-технической сфере, совершенствовать используемые инструменты государственного регулирования инновационной деятельности в регионе на основе развития международного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.
2. Кузык, Б.Н. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва [Текст] / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2004. – 632 с.
3. Полтерович, В.М. Принципы формирования национальной инновационной системы [Текст] / В.М. Полтерович // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 11. – С. 8–19.
4. Полянцева, А.Г. Исследование зарубежного опыта управления научно-технологическим развитием и оценка его использования в российских условиях [Текст] / А.Г. Полянцева // Менеджмент в России и за рубежом. – 2007. – № 2. – С. 34–40.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

В последнее десятилетие в России сформировались основные элементы системы управления развитием малого предпринимательства:

– управляющая подсистема – совокупность государственных органов и специализированных организаций;

– государственная инфраструктура поддержки субъектов малого предпринимательства, включающая некоммерческие и коммерческие организации, созданные с участием или без участия государства, деятельность которых иницируется, поощряется и поддерживается государством, и предназначенная для реализации;

– нормативно-правовые акты и целевые программы на федеральном и региональном уровне, направленные на развитие малого предпринимательства [3].

Система управления малым предпринимательством включает в себя объект и субъект управления, а также механизмы и инструменты воздействия на процесс функционирования малого бизнеса (рис. 1). Объектом управления является малое предпринимательство, субъектом – совокупность органов власти и управления федерального, регионального и муниципального уровня, а также общественные организации.

В процессе управления малым предпринимательством используются различные инструменты, успех использования которых напрямую зависит от учета специфики территории, его объекта и субъекта. Малый бизнес как объект управления имеет сложную структуру, поскольку, как правило, представлен одновременно множеством видов экономической деятельности, каждая из которых имеет свои особенности и специфику. Таким образом, малое предпринимательство является сложным структурным объектом, состоящим из совокупности самостоятельных предприятий различных видов деятельности, размеров и форм собственности.

¹ Кремин Александр Евгеньевич – аспирант, инженер-исследователь ИСЭРТ РАН.

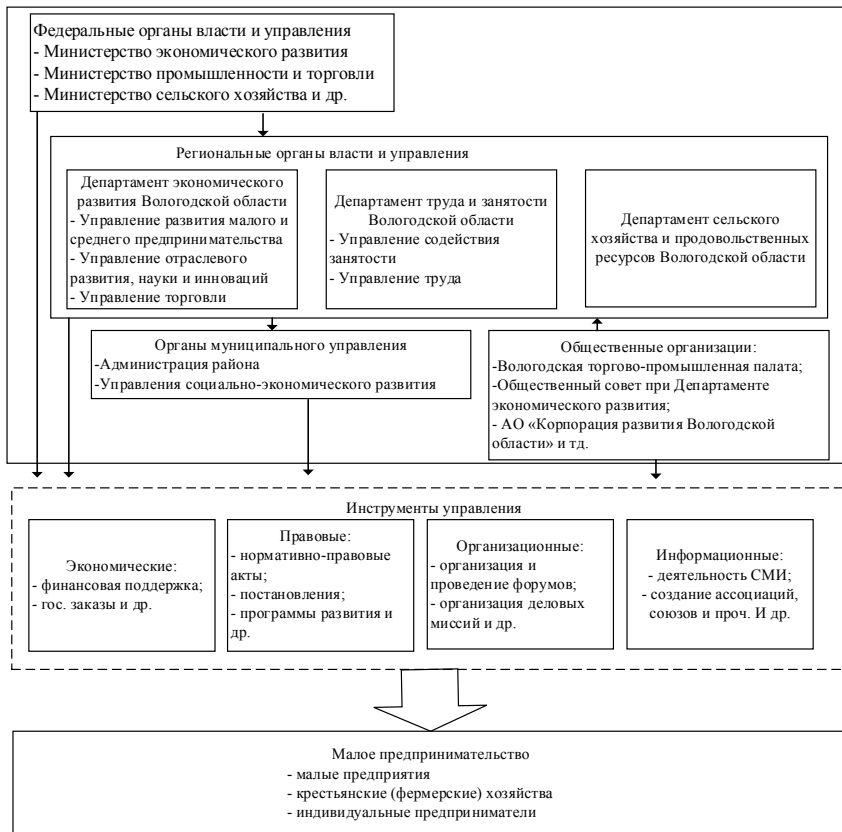


Рис. 1. Система управления малым предпринимательством в Вологодской области

Субъектами управления малого предпринимательства региона выступают органы государственной власти, которые посредством различных инструментов и методов осуществляют руководство малым предпринимательством в территориальных субъектах.

Управление малым предпринимательством области осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. На федеральном уровне управление сводится к процессам законодательного регулирования деятельности малых предприятий, а также определению стратегических направлений его развития.

Структура регионального управления развитием малого предпринимательства представляет собой многоуровневую структуру (рис. 2). Главной составляющей структуры управления развитием малого предпринимательства в регионе является Департамент экономического развития Вологодской области. В его структуру входит четыре Управления, которые оказывают прямое и косвенное воздействие на функционирование малого предпринимательства в регионе. Однако вопросами, касающимися непосредственно самого управления и развития малого и среднего бизнеса в регионе, занимается Управление развитием малого и среднего предпринимательства [1].

Непосредственными задачами функционирования Управления является разработка и обеспечение реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в области, а также обеспечение координации деятельности органов исполнительной госу-

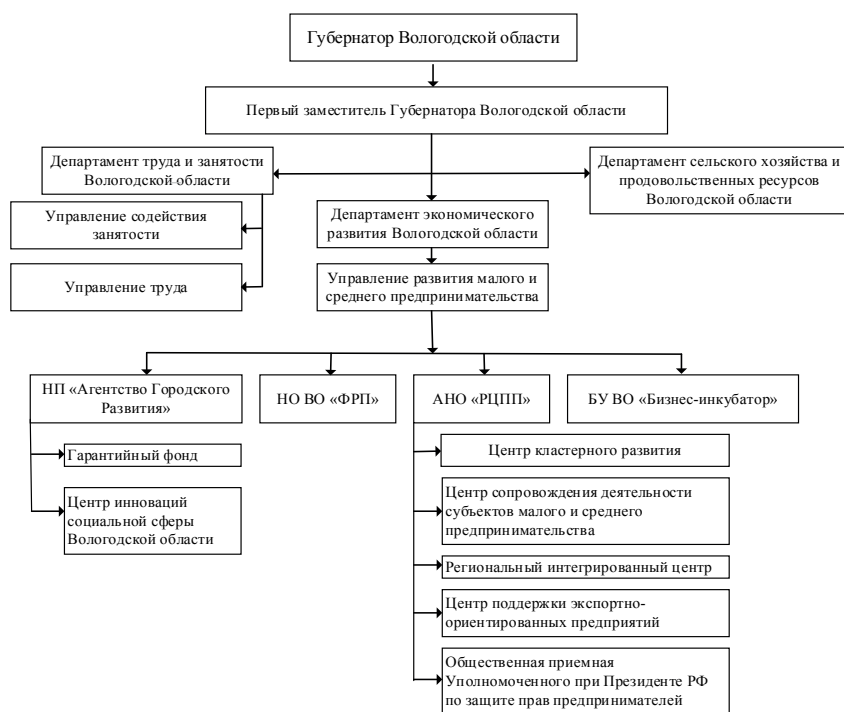


Рис. 2. Структура региональной системы управления развитием малого предпринимательства в Вологодской области

дарственной власти области по вопросам развития субъектов малого и среднего предпринимательства в области. Поэтому Управление ответственно за формирование инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и призван обеспечивать ее деятельность.

Финансирование программы поддержки и развития малого предпринимательства, осуществляемое федеральным и областным бюджетом, в период 2012–2015 гг. было увеличено в 2,5 раза и составило 1066 млн руб. в 2015 г. Однако использовании региональных мер поддержки на местном уровне является неэффективным. Об этом свидетельствует территориальный охват государственной поддержки за 2014 г., представленный на рисунке 3.

Исходя из этого, справедливо утверждать, что поддержкой развития малого предпринимательства должны заниматься не только областные структуры, но и органы местного самоуправления. В настоящее время на муниципальном уровне реализуются программы по

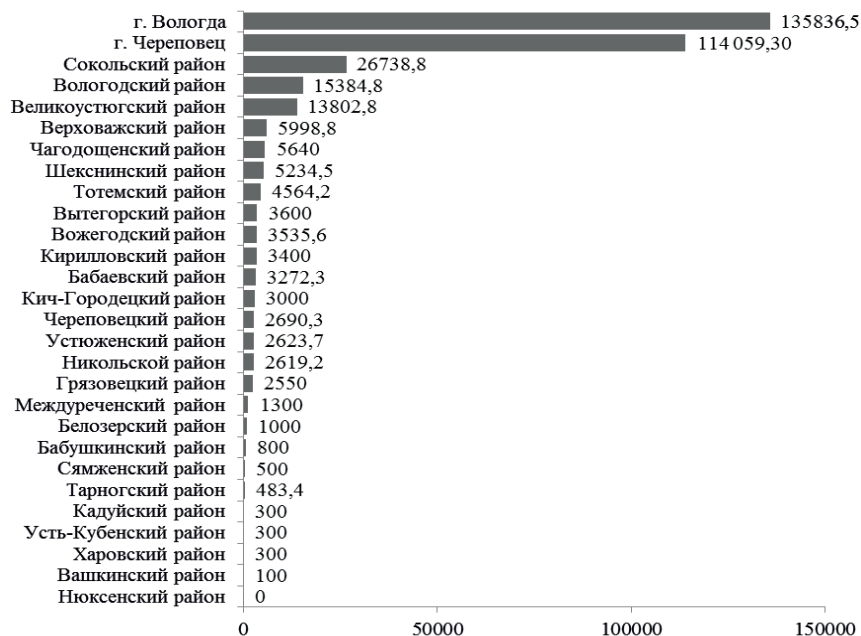


Рис. 3. Территориальный охват государственной поддержки в Вологодской области за 2014 г., тыс. рублей

развитию малого бизнеса, однако они являются малоэффективными, так как отсутствует системность, согласованность и стратегическое направление развития в предпринимаемых мерах. Поэтому одной из приоритетных задач органов местного управления должно являться развитие инфраструктуры управления функционированием малого предпринимательства на местном уровне. Для осуществления поставленной цели необходимо:

- определить стратегическое направление развития муниципального образования;

- разработать основные программы и меры поддержки малого предпринимательства для стимулирования приоритетных видов экономической деятельности;

- реализовать мероприятия по повышению доступности и информативности услуг образовательного, финансового и научного характера;

- способствовать созданию ассоциаций, союзов и прочих общественных организаций на муниципальном уровне для взаимодействия с органами власти и управления.

Реализация предложенных мероприятий будет способствовать повышению уровня развития малого предпринимательства в муниципалитетах, а также развитию местной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Департамент экономического развития Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov35.ru/departments/economic_development
2. Гутникова, Е.А. Социально-экономическое развитие муниципальных районов Вологодской области в 2000–2010 годах [Текст] / Е.А. Гутникова, А.Н. Чекавинский, Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территории. – 2012. – № 5. – С. 23–34.
3. Терехова, С.В. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы: монография [Текст] / С.В. Терехова, О.В. Подолякин, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011.
4. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

НЕСЫРЬЕВОЙ ЭКСПОРТ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

Внешнеэкономическая деятельность всегда принадлежит к числу приоритетных направлений политики любого государства, поскольку в достаточной степени влияет на отраслевую и товарную структуру экономики стран. Несырьевой экспорт в развитых и развивающихся странах в общем объеме вывозимых товаров и услуг составляет наибольшую долю, является одним из главных точек роста экономического развития территорий и эффективной экспортной политики. Основой долгосрочной внешнеэкономической политики России, как отмечено Президентом РФ, является несырьевой экспорт. Наибольшую долю в общероссийском экспорте в 2014 г. занимают следующие регионы: Тюменская область (4,2%), Республика Татарстан (4,1%), Сахалинская область (3,2%), Республика Башкортостан (2,7%), Ленинградская область (2,5%) [4]. Столь высокие показатели в перечисленных субъектах обусловлены в основном экспортом продукции топливно-энергетического комплекса, в Ленинградской области – за счет наличия приграничных территорий [1].

По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, наибольшую долю в экспорте 2014 г. составляют топливно-энергетические сырьевые товары (69,5%), при этом машины, оборудование, транспортные средства составляют только 5,3% [5].

Таким образом, основным структурным трендом в российском экспорте товаров и услуг отмечается преобладание сырьевых товаров, в частности топливно-энергетического комплекса.

Под сырьевым экспортом нами понимается вывоз товаров с низкой долей добавленной стоимости, связанных с добычей природных ресурсов.

Несырьевой экспорт, с нашей точки зрения, – это не только экспорт готовой сложной продукции – энергоблоков, самолетов, автомобилей. В первую очередь это экспорт деталей и комплектующих для восходящих глобальных цепочек добавленной стоимости.

В 2014 г. доля России в мировом экспорте представлена 11 товарными позициями. При этом ведущим экспортёром на мировых рынках Россия показана шестью товарными группами, где доминирует

¹ Якушев Николай Олегович – аспирант, инженер-исследователь ИСЭРТ РАН.

поставка энергоносителей (11%). В свою очередь в сфере поставок на мировой рынок продукции машинно-технической (0,5%) и высокотехнологичной продукции (0,4%) она выступает пассивным экспортером (0,4%) [3; 5].

Сложившаяся топливно-сырьевая направленность российского экспорта обеспечивает краткосрочные выгоды, которые не способствуют оптимальному развитию экономики России и её регионов в долгосрочной перспективе.

В структуре несырьевого экспорта России в 2014 г. наибольшую долю также составляет продукция топливно-энергетического комплекса (34,5%, таблица 1).

Таблица 1. Структура несырьевого экспорта России в 2014 г., % [5; 7; 8]

Наименование	%
ТЭК	34,5
Прочие товары и услуги	12,5
Металлургический комплекс	12
АПК (вкл. удобрения, агрохимикаты и сельхозтехнику)	8
Транспортные услуги	6,2
ОПК	4,5
Нефте- и газохимия	4
Туризм	4
Производство и обработка драгметаллов и камней	3,5
Транспортное машиностроение	3
ЛПК	2,5
Атомный комплекс	2
ИКТ	2
Неатомное энергомашиностроение	0,6
Источник: Составлено автором на основе [2; 3; 4].	

Стратегически важно, что в первую десятку в кластерную структуру несырьевого экспорта входит туристическая деятельность (4%), продукция металлургического комплекса (12%), агропродовольственная сфера (включая удобрения, агрохимикаты и сельхозтехнику) – 8%.

В то же время невозможно дальнейшее увеличение физического объёма поставок продукции, которое в первую очередь связано с ограниченной конкурентоспособностью большинства обрабатывающих производств, низкой производительностью труда и недействен-

ной государственной поддержкой экспорта. В связи с этим изучение роли несырьевого экспорта как вектора экономического развития российских регионов является актуальным в настоящее время.

Основные позиции российского экспорта несырьевых товаров в 2014 г. по сравнению 2013 г. показывают рост по 9 товарным группам, в том числе нефтепродукты – 6,5%, злаки – 2,3%, машинотехническая продукция – 0,5%. Тенденция снижения в основном наблюдается по продукции металлургического комплекса – 1,7%, а также товарной позиции летательные и космические аппараты, их части – 1,4% [4; 5].

Ключевыми внешнеторговыми партнёрами России и её регионов в 2013–2014 гг. по несырьевому экспорту являются страны Европейского союза – Нидерланды (13,7%), Италия (5,1%), Германия (5%), Великобритания (2,3%). Значительную долю в экспорте российских регионов составляют государства-участники СНГ – Казахстан (5,1%), Беларусь (3%), а также страны Азии – Китай (4,3%), Южная Корея (2,8%), Япония (1,8%) [2; 4].

В связи с введением санкций со стороны ряда развитых государств – Европейского союза, США – прослеживается смена экспортной направленности российских регионов и увеличение товарооборота со странами Азии (Республика Корея – рост в 2014 г. – 2,4%, Сингапур – 3,7%), а также развивающимися странами (Египет – рост в 2014 г. составил 2,5%) [2].

Наибольшую долю в общероссийском несырьевом экспорте занимают пять регионов, в частности Самарская (4,7%), Свердловская (4,6%), Нижегородская (3,1%), Ярославская (2,2%), Калужская (1,7%) области [4]. В данных субъектах основу поставок составляет машинотехническая продукция. Столь высокие показатели обусловлены наличием компетентной стратегии по развитию внешнеэкономической деятельности, что способствует эффективной производительности крупномасштабных предприятий, а также созданию благоприятных условий для выхода на мировые рынки компаний малого и среднего бизнеса.

Абсолютный объём прироста экспорта за 2009–2013 гг., представленный в таблице 2, показывает, что перспективной и крупной позицией, обладающей высоким потенциалом (основные точки роста), является продукция машиностроительного комплекса с выделением возможных рынков для поставок, в числе которых страны Азии (Китай, Индия, Индонезия) и Европейского союза (Франция, Германия, Нидерланды) и государства-участники СНГ (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан и другие) [2; 3; 5].

Таблица 2. Перспективные точки роста несырьевого экспорта регионов России, млн долл. США

Код ТН ВЭД	Описание	2008 г.	2013 г.	2014 г.	Абсолютный прирост объемов экспорта в 2009-2013 гг.	Экспортные рынки
Машиностроение						
8411	Двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины прочие	1054,0	1992,0	1772,6	937,9	КНР, Индия, Германия, Индонезия, Франция
8528	Мониторы и проекторы и др.;	14,3	681,5	538,1	667,2	Казахстан, Белоруссия
8703	Легковые автомобили	944,9	1497,0	1460,5	552,1	Казахстан, Белоруссия, Азербайджан, Египет
Агропродовольственная сфера						
1512	Масло подсолнечное	742,9	1474,4	1453,6	731,5	Турция, Египет, Узбекистан, Италия, Испания
1001	Пшеница	2877,6	3482,7	5422,5	605,0	Турция, Египет, Йемен, Иран, Азербайджан, Грузия, ЮАР
1005	Кукуруза	34,8	590,1	700,4	555,2	Турция, Республика Корея, Иран

В целом можно отметить, что основными потенциально возможными товарными позициями в несырьевом экспорте, которые востребованы на мировых рынках, являются продукты машиностроения и агропродовольственной сферы, что также является главным вектором развития экономики России.

Роль несырьевого экспорта в экономическом развитии российских регионов определяется следующими основными моментами [1]:

- во-первых, эффективной экспортной деятельностью, которая напрямую влияет на рост и формирование внешнеэкономического потенциала региона;

- во-вторых, содействует притоку финансовых ресурсов, дополнительных инвестиций в экономику регионов, способствуя их долгосрочному развитию;

- в-третьих, внедрению новых современных технологий, повышению конкурентоспособности и росту объемов национального производства. Выстраивание грамотных цепочек при построении системы управления качеством на предприятиях региона. Создание высокотехнологичных рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда, повышение квалификации персонала, в том числе без отрыва от работы;

– в-четвёртых, росту налоговых отчислений в бюджеты всех уровней, что создаст дополнительный ресурс в решение ключевых задач в социальной сфере (строительство социально важных объектов, поддержка демографической политики и другие значимые проекты);

– в-пятых, расширение торгово-экономического сотрудничества с зарубежными партнёрами, что в первую очередь влияет на укрепление международных связей и стабилизирует отношения между странами.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что именно несырьевой экспорт может стать главным драйвером экономики российских регионов, который будет способствовать выпуску качественной конкурентоспособной продукции, востребованной на мировых рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якушев, Н.О. Теоретические аспекты развития экспортного потенциала регионов [Текст] / Н.О. Якушев // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 1046–1051.
2. Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru>
3. Портал центра международной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wtcmoscow.ru>
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
5. Федеральная таможенная служба РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.customs.ru>

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЛИНЕЙНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Инновационная деятельность при современных экономических условиях имеет огромное значение. Она обеспечивает необходимый уровень конкурентоспособности организаций, удовлетворяет новые потребности людей и более качественно обеспечивает уже имеющиеся нужды. Наиболее значимое влияние инноваций присуще отраслям промышленности, так как данная сфера обеспечивает экономику новыми орудиями труда и более лучшими и качественными материалами [1].

Зачастую организация инновационных процессов на промышленных предприятиях связана с решением вопросов оптимизации технологических потоков, откликом внешней среды, а также проведением предварительных научных исследований. С этими проблемами довольно успешно помогают справиться методы линейного программирования. При использовании данного математического инструмента исследователь получает при заданных им условиях и ограничениях точный ответ, который может быть сопоставлен с результатами до проведения процесса оптимизации [3].

Как правило, при внедрении инновации на рынок производитель стремится получить от ее реализации максимальный положительный финансовый эффект. В связи с этим критерием оптимальности могут служить функции выручки, прибыли, снижения затрат, максимизация рентабельности и др. При переменной x_i , под которой необходимо понимать количество инновационной продукции i -ого вида, они принимают следующий вид:

$$\begin{aligned}
 F_1(x) &= \sum_{i=1}^n p_i x_i \rightarrow \max; \\
 F_2(x) &= \sum_{i=1}^n c_i x_i + C \rightarrow \min; \\
 F_3(x) &= \sum_{i=1}^n (p_i - c_i)x_i - C \rightarrow \max; \\
 F_4(x) &= \frac{\sum (p_i - c_i)x_i - C}{\sum c_i x_i + C} \rightarrow \max;
 \end{aligned}
 \quad i = \overline{1, n}, \quad (1)$$

¹ Алферьев Дмитрий Александрович – аспирант, инженер-исследователь ИСЭРТ РАН.

где p_i – стоимость i -ого вида инновационной продукции;
 c_i – переменные затраты на реализацию i -ого вида инновационной продукции;

C – постоянные затраты;

n – количество видов инновационной продукции;

i – порядковый номер вида инновационного продукта.

Система ограничений для такой задачи выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} \sum_{i=1}^n a_{ji} x_i \leq b_j \\ \alpha_i \leq x_i \leq \beta_i \\ x \geq 0 \end{cases}; \quad \begin{matrix} i = \overline{1, n}, \\ j = \overline{1, m}, \end{matrix} \quad (2)$$

где a_{ji} – расход j -ого ресурса на реализацию 1 единицы i -ого вида инновационной продукции;

α_i, β_i – обязательный и максимально возможный объемы реализации i -ого вида инновационной продукции;

j – порядковый номер вида ресурса.

В зависимости от необходимых ограничений и информации, которыми обладает промышленное предприятие, могут быть выставлены условия по сырью, трудовым кадрам, станкам и оборудованию, спросу на рынке, производственным площадям и др.

Также следует отметить, что эффективность программы реализации инноваций можно оценить по каждому из выбранных критериев оптимальности. Но следует учесть то, что каждый из них преследует определенную локальную цель. Достижение всех поставленных целей одновременно невозможно, в связи с чем необходимо прибегнуть к некоему компромиссу. Для получения компромиссного решения можно использовать такие схемы, как минимум максимального отклонения, принцип выделения главного критерия и принцип последовательной уступки.

Решение самой оптимизационной задачи осуществляется при помощи симплекс-алгоритма, подробно описанного в работе Л.В. Канторовича «Математические методы организации и планирования производства» (1939 г.) [2]. Его суть заключается в последовательном переходе от одного плана, находящегося в точке экстремума (вершине многогранника), к другому, лучшему.

Таким образом, применение линейного программирования в инновационной деятельности промышленных предприятий позволяет решить задачи, связанные с организацией реализации инноваций на рынке, а также оценить то, насколько эффективно их внедрение отражается на хозяйственной деятельности фирмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задумкин, К.А. Инновационная деятельность в регионе: концептуальные подходы и практика [Текст]: учеб. пособие / К.А. Задумкин, Л.Г. Иогман, С.В. Теребова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. – 144 с.
2. Канторович, Л.В. Математико-экономические работы [Текст] / Л.В. Канторович. – Новосибирск: Наука, 2011. – 760 с.
3. Красс, М.С. Математика для экономистов [Текст]: учеб. пособие / М.С. Красс, Б.П. Чупрынов. – СПб.: Питер, 2010. – 464 с.

**ОЦЕНКА МИКРОФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ
СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА
В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ НОВО
«ФОНД ПОДДЕРЖКИ МСП»**

Институт малого и среднего предпринимательства в настоящее время играет значительную роль в экономике страны. Рост числа субъектов малого и среднего бизнеса особенно характерен для тех сфер деятельности, где не требуется больших объемов капитала. Главной экономической функцией малого и среднего предпринимательства является создание широкого спектра товаров и услуг в условиях быстрой дифференциации потребительского спроса [2]. Его значение определяется преимуществами по сравнению с крупным бизнесом: способностью работать на специализированных рынках, простотой управления и простором для личной инициативы, созданием новых рабочих мест, возможностью проведения гибкой научно-технической политики [4].

Малое и среднее предпринимательство как в России, так и в Вологодской области сталкивается с определенными проблемами: отсутствием действенных финансово-кредитных механизмов и материально-ресурсной базы, нестабильностью экономической ситуации [1]. Особенно сильно его развитие может сдерживать недостаточное финансовое обеспечение. Поэтому существует необходимость в государственной финансовой поддержке малого и среднего бизнеса, в том числе и за счет развития системы микрофинансирования, направленной помимо поддержки также и на стимулирование предпринимательской инициативы.

В связи с этим актуальными вопросами сегодня являются изучение системы микрофинансирования как формы финансово-кредитной поддержки малого и среднего бизнеса в регионе и разработка рекомендаций по совершенствованию ее доступности и эффективности.

Микрофинансирование – это предоставление различных финансовых услуг, включая займы, депозиты, страхование, услуги микро-

¹ Микляева Ксения Александровна – аспирант, инженер-исследователь ИСЭРТ РАН.

лизинга, связанных с финансированием субъектов малого и среднего бизнеса. Процесс микрофинансирования в Вологодской области осуществляет некоммерческая организация «Фонд ресурсной поддержки малого и среднего предпринимательства». Для того, чтобы оценить современное состояние и эффективность микрофинансовой поддержки малого и среднего бизнеса в регионе, в исследовании проведен анализ процесса предоставления микрозаймов в НО ВО «Фонд поддержки МСП» за 2012–2014 гг.

Фонд осуществляет выдачу микрозаймов размером от 30 тыс. руб. до 1 млн руб. на срок от 36 месяцев до 3 лет. Процентная ставка устанавливается в зависимости от вида экономической деятельности, срока существования и финансовых результатов работы заявителя и составляет от 8,5% до 11,25% годовых.

Средства займа могут направляться на цели вложения во внеоборотные активы, пополнения оборотных средств, приобретения оборудования. Для выдачи займа необходимо наличие обеспечения в форме залога и поручительства. Заявителем также предоставляется пакет документов, включающий анкету, учредительные документы, финансовую отчетность, документы по обеспечению займа [3].

Объем выданных микрозаймов НО ВО «Фонд поддержки МСП» за 2012–2014 годы увеличивался, за 2013–2014 гг. он вырос на 82,37 млн руб. или в 2,12 раза. За 2013–2014 гг. объем займов, выданных производственным предприятиям, увеличился в 2 раза, а сумма займов, выданных сельхозтоваропроизводителям, возросла в 3 раза, что оценивается положительно и свидетельствует об активной поддержке реального сектора экономики Фондом. В структуре выданных микрозаймов за 2012–2014 годы преобладают займы, выданные предприятиям сферы производства (доля в среднем 33,35%) и организациям торговли (доля в среднем 27,17%).

Анализ портфеля займов НО ВО «Фонд поддержки МСП» по кредитному качеству выявил, что объем микрозаймов с просрочкой платежа увеличивался, в т. ч. за 2013–2014 гг. на 94%, а их доля составила на конец 2014 года 6,8%. Целью деятельности Фонда является поддержка предпринимательства, поэтому проблемы просроченной задолженности он рассматривает как нормальное явление, а для устранения просрочек применяется механизм реструктуризации суммы долга.

Оценка эффективности деятельности НО ВО «Фонд поддержки МСП» как микрофинансовой организации показала, что отношение собственных средств Фонда к валюте баланса на конец 2014 г. составило 92,1%, соответствуя нормативу. Отношение портфеля займов к средствам, выданным на реализацию микрофинансовой программы, в 2014 г. составляло 57,1%, что ниже норматива в 80%. Чтобы увеличить показатель, необходимо наращивать совокупный портфель займов за счет расширения клиентской базы. Доля займов с просрочкой платежа в совокупном портфеле займов за 2014 г. составляла 4,7% (норматив – менее 7%). В 2014 году микрозаймы, выданные вновь созданным и действующим не более года заемщикам, составляли 17% от общего объема займов.

Для определения социального эффекта от процесса микрофинансирования был рассчитан коэффициент социальной эффективности государственной поддержки малого и среднего бизнеса по формуле (1).

$$C_{\text{э}} = \frac{K_n}{K_{\text{ф}}}, \quad (1)$$

где $C_{\text{э}}$ – коэффициент социальной эффективности микрофинансовой поддержки субъектов малого и среднего бизнеса;

$K_{\text{ф}}$ – количество сохраненных (фактических) рабочих мест;

K_n – количество планируемых (новых) рабочих мест.

Расчет данного показателя приведен в таблице 1.

Таблица 1. Расчет коэффициента социальной эффективности микрофинансовой поддержки малого и среднего бизнеса для НО ВО «Фонд поддержки МСП»

Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение за 2013–2014 гг.
Количество сохраненных рабочих мест, ед.	1029	1245	2125	880
Количество планируемых рабочих мест, ед.	330	399	836	437
Коэффициент социальной эффективности микрофинансовой поддержки	0,3207	0,3205	0,3934	0,0729

По данным таблицы можно сделать вывод, что за 2012 и 2013 годы с помощью государственной микрофинансовой поддержки количе-

ство рабочих мест увеличилось на 32%, а в 2014 году – на 39%, что доказывает положительный социальный эффект от системы микрофинансирования.

Для установления бюджетного эффекта от предоставления Фондом государственной поддержки был разработан показатель бюджетной эффективности микрофинансирования, демонстрирующий, какую долю от предоставленных на реализацию микрофинансовой программы средств покроят потоки в виде налоговых поступлений получателей поддержки. Показатель рассчитывается по формуле (2) в таблице 2:

$$B_3 = \frac{П_n}{O_6}, \quad (2)$$

где B_3 – коэффициент бюджетной эффективности предоставления микрофинансовой поддержки малому и среднему бизнесу;

$П_n$ – сумма планируемых налоговых поступлений;

O_6 – бюджетные средства, полученные на реализацию микрофинансовой программы.

Значения коэффициента указывают на то, что бюджетная эффективность государственной поддержки малого и среднего бизнеса за 2012–2014 годы имела тенденцию к росту. В 2014 году 86,6% средств, предоставленных на реализацию микрофинансовой программы, могли быть возвращены в бюджеты в виде налоговых поступлений при условии достоверности данных об уплачиваемых налогах, указываемых заемщиками.

Таблица 2. Расчет коэффициента бюджетной эффективности микрофинансовой поддержки малого и среднего бизнеса НО ВО «Фонд поддержки МСП»

Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение за 2013–2014 гг.	Темп роста за 2013–2014 гг., %
Сумма планируемых налоговых поступлений, тыс. руб.	22378,87	67796,04	192992,68	125196,6	284,67
Сумма средств, полученных на реализацию микрофинансовой программы, тыс. руб.	109604	123146	222984	99838	181,07
Коэффициент бюджетной эффективности микрофинансирования	0,2042	0,5505	0,8655	0,3150	157,21

Рассчитанные коэффициенты показывают, что финансово-кредит-

ная поддержка малого и среднего бизнеса, осуществляемая НО ВО «Фонд поддержки МСП», являлась эффективной за рассматриваемый период.

В качестве мероприятий, повышающих доступность данного вида поддержки для предпринимателей и ведущих к повышению эффективности работы Фонда, можно рассмотреть следующие:

1. Увеличение срока предоставления микрозайма с 36 до 60 мес. путем достижения соглашения между НО ВО «Фонд поддержки МСП» и ОАО «МСП Банк». За счет средств кредитной линии Банка у Фонда появится возможность предоставления микрозаймов на срок до 5 лет по ставке выше базовой на 4%. В результате ежемесячный платеж по микрозайму может снизиться на 32%. Кроме того, за 2012–2014 годы возросло количество займов Фонда с просрочкой платежей, а новый заем дает возможность реструктуризировать задолженность на срок до 5 лет.

2. Снижение процентной ставки для организаций с положительной кредитной историей в Фонде на 2% при повторной выдаче займа и снижение процентной ставки по займам, выдаваемым на срок до одного года на 3%. Эффект от мероприятий проявится в снижении ежемесячного платежа по микрозайму соответственно на 8,5% и на 13% по сравнению с платежом по существующим ставкам.

3. Создание новых филиалов Фонда в районных центрах Вологодской области для удобства обращения за получением займа, снижения транспортных затрат предпринимателей.

4. Установление отсрочки платежа основного долга начинающим предпринимателям для накопления ими первоначального капитала.

Таким образом, динамика портфеля микрозаймов Фонда, рассчитанные коэффициенты его деятельности свидетельствуют о достаточном уровне результативности процесса микрофинансирования малого и среднего бизнеса в Вологодской области. Предложенные мероприятия могут создать положительный эффект для предпринимателей в виде снижения ежемесячных платежей и высвобождения части денежных средств для развития бизнеса. Также они могут дать социальный и бюджетный эффект для государства в случае привлечения большего числа заявителей в Фонд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев, Ю.А. Развитие предпринимательства в экономической системе региона [Текст]: монография / Ю.А. Дмитриев, Л.И. Шустров. – Владимир: Владимирское книжное издательство «Собор», 2011. – 472 с.
2. Малое предпринимательство: организация, экономика, управление [Текст] / под ред. А.Д. Шеремета. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 480 с.
3. Официальный сайт НО ВО «Фонд поддержки МСП» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fpr35.ru/>. – Загл. с экрана.
4. Переверзев, М.П. Предпринимательство и бизнес [Текст]: учебник / М.П. Переверзев, А.М. Лунёва. – М.: Инфра-М, 2010. – 176 с.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОДДЕРЖКИ УЧРЕЖДЕНИЙ УИС НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что пенитенциарная система, являясь социально-экономической системой, имеет прочные взаимосвязи с федеральной и региональной экономикой. В свою очередь уголовно-исполнительная система, как относящаяся к органам, осуществляющим законность и правопорядок, находится в ведении федеральных органов власти в соответствии с Конституцией Российской Федерации, но при этом в большинстве своем осуществляет свою деятельность на территориях субъектов страны. Из-за ограниченности бюджетного финансирования подразделений УИС необходимо рассматривать возможность привлечения иных источников средств, которые бы не нарушали независимости данной структуры, как самостоятельной и самодостаточной в финансово-экономическом плане. Оптимальным и наиболее целесообразным является использование региональных, местных бюджетов, а так же иных возможностей органов исполнительной и законодательной власти данной территории в виде льгот и преференций.

Органы государственной власти заинтересованы в развитии своих территорий, стремятся сформировать такую социально-экономическую политику, которая позволила бы стабильно развиваться региону. Одной из важнейших задач на ближайшее будущее в рамках развития региональной системы стратегического управления является встраивание ее в целостную систему стратегического планирования страны. В этих целях предлагается освоение нового для региона инструмента стратегического планирования, предполагающего переход от разработки долгосрочных и ведомственных целевых программ к разработке государственных программ регионального уровня.

В дальнейшем представляется возможным предложить индивидуальную методологию формирования региональной государственной программы поддержки пенитенциарной системы в территориальном органе [3].

¹ Денисов Дмитрий Алексеевич – курсант Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань.

На первом, *организационном* этапе на уровне регионального органа исполнительной власти и руководства территориального органа ФСИН России определяются:

1. Государственный заказчик программы. Чаще всего это органы государственной власти, курирующие народно-хозяйственный комплекс региона.

2. Соисполнители программных мероприятий (как правило, органы, ответственные за сельское хозяйство, промышленность и экономику).

3. При необходимости в рамках Федерального закона 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» научно-исследовательские организации, способные качественно разработать целевую программу.

4. Определяется рабочая группа, ответственные лица структурных подразделений региональной администрации, представители территориального органа управления ФСИН России и учреждений УИС данной территории, заинтересованных в формировании программы.

5. Составление календарного плана работ (устанавливаются сроки предоставления статистических данных, аналитических материалов, социологических обследований и опросов, круглых столов и иных организационных мероприятий).

6. Обучение сотрудников УИС формированию предложений по государственной поддержке подразделений на базе образовательных учреждений системы.

7. Определяющие и принимающие нормативно-правовые акты и иные решения, необходимые для осуществления государственной поддержки на уровне региона пенитенциарной системы.

Вторым является *аналитический* этап – сбор источников информации и разработка программы.

Формирование информационной базы проводится на основе сбора и анализа количественных и качественных данных. Основой количественного анализа являются, прежде всего, данные статистической отчетности. Насколько позволяет база данных, должен проводиться корпоративный анализ, т.е. сравнение с другими регионами, органами и учреждениями системы ФСИН России.

На этапе разработки программы проект, или базовый вариант, программы поддержки уголовно-исполнительной системы целесо-

образно обсудить с Общественной палатой региона, общественными организациями, заинтересованными в совершенствовании производственного комплекса УИС, территориальными органами, учреждениями и сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Высказанные замечания, комментарии и предложения систематически обрабатываются. Если предложения не могут быть учтены, то это должно быть обосновано и отражено в специальной документации, затем дополнения вносятся в проект и разрабатывается окончательная версия программы развития. За эту работу отвечает координационный совет.

Улучшенная программа, если это необходимо, снова публикуется в средствах массовой информации, чтобы общественность могла убедиться в том, что ее мнение учтено. В окончательном варианте программа может быть оформлена так же, как и проект, и обязательно должна включать в себя раздел, отражающий ожидаемую результативность работ.

Необходимо предусмотреть разделы, которые обеспечат возможность для мониторинга программы и анализа его результатов, оценки эффективности программ мероприятий, выявления лучшего опыта и его последующего распространения, получения обратной связи и разработки предложений по актуализации программы в ходе ее исполнения.

Заключительным этапом должно стать издание принятого программного документа в средствах массовой информации. Исключительно необходимым является передача копии данного документа в курирующее управление ФСИН России для обобщения и распространения данного опыта на всей территории Российской Федерации. Образовательные, научные учреждения должны подготовить предложения по включению в учебный план на курсах повышения квалификации основы разработки и опыт территориальных органов в региональном программировании, направленном на поддержку УИС.

Анализируя результаты работы в 2014 году, можно с уверенностью сказать, что среди первостепенных и наиболее легко реализуемых направлений поддержки с максимальной результативностью находится использующийся механизм освобождения от уплаты налогов и сборов. Это обусловлено объективной причиной нецелесообразности взимания налоговых сборов с предприятия, являющегося казенным и находящегося на бюджетном обеспечении.

Следующей результативной мерой по поддержке производственного сектора УИС со стороны региональных органов власти стало целевое финансирование модернизации производственного комплекса, усиления материально технической базы учреждения.

Основой в дальнейшей работе должно стать комплексное региональное программирование с определением места уголовно-исполнительной системы в региональной социально-экономической структуре [4].

Не стоит забывать и о таком положительном эффекте, как формирование положительного имиджа уголовно-исполнительной системы не только среди органов исполнительной и законодательной власти, общественности, но и среди населения, поскольку это обсуждается и печатается в периодических изданиях. Результатом всей этой работы должно стать возвращение лиц, отбывающих наказание, полностью ресоциализованными и исправившимися, обладающими определенными навыками в современных востребованных профессиях, поскольку программа – это комплекс мер, направленных на реализацию целей и задач, интересных для региона и местных властей, в первую очередь с учетом реализации Концепции развития УИС до 2020 года для пенитенциарной системы.

Данные примеры позволяют говорить о том, что, предоставляя финансовую поддержку органам УИС, необходимую для их функционирования и развития, региональные власти в определенном смысле выполняют функции федеральных властей. В конкретных случаях речь идет о переложении материально-финансовой ответственности с государственного на региональный бюджет.

Не стоит недооценивать важность альтернативного бюджетному финансированию источника – так называемой, цивилизованной филантропии. В рамках региональных программ могут быть использованы инструменты социального партнерства, позволяющие говорить о материальной помощи учреждениям УИС со стороны населения и предприятий территориального сообщества [6].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что региональная поддержка УИС является исключительно важной не только для пенитенциарной системы России, но и для социально-экономического развития регионов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбар, Т.В. Диверсификация производства в учреждениях УИС в контексте социально-экономического развития региона [Текст] / Т.В. Гарбар // Научно-аналитический сборник «Сегодня и завтра российской экономики». – 2014. – № 66. – С. 79–81.
2. Гарбар, Т.В. Опыт региональной поддержки производственного сектора подразделений УИС [Текст] / Т.В. Гарбар, А.П. Соколов // Сборник материалов 6-й всероссийской научно-практической конференции «Череповецкие научные чтения – 2014». – Череповец, 2014.
3. Гарбар, Т.В. Основные проблемы развития производственного сектора УИС [Текст] / Т.В. Гарбар, А.П. Соколов // Сборник материалов 3-й международной научной конференции «Современная экономика: опыт, проблемы и перспективы развития». – Ставрополь: ЦНЗ Логос, 2014.
4. Гарбар, Т.В. Реструктуризация производственного сектора УИС [Текст] / Т.В. Гарбар, А. П. Соколов // Сборник материалов 3-й международной научной конференции «Современная экономика: опыт, проблемы и перспективы развития». – Ставрополь: ЦНЗ Логос, 2014.
5. Климяк, Л.Я. К вопросу о развитии производственного комплекса уголовно-исполнительной системы [Текст] / Л.Я. Климяк, О.В. Макарова // Человек: преступление и наказание. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2013. – № 4 (83). – С. 37–39.
6. Соколов, А.П. Проблемы и перспективы аутстаффинга в уголовно-исполнительной системе РФ [Текст] / А.П. Соколов, А.А. Тарасов // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 9. – С. 973.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕЖЕК И ОРГАНИЗАЦИОННО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИХ СНИЖЕНИЯ

В современном мире происходят постоянные изменения: общество активно развивается, совершенствуются старые и создаются новые технологии, меняются потребности людей, в мировой системе наблюдается тенденция к глобализации и переход многих экономических систем на новый, более развитый уровень. В этой связи наблюдается тенденция к росту транзакционных издержек. Несмотря на то, что общий рост транзакционных издержек показывает развитие общества, их увеличение внутри государства не всегда будет являться показателем развитости, а иногда, напротив, будет показывать неэффективность государственного управления.

В данной работе были проанализированы несколько статей, посвященных транзакционным издержкам. Стоит отметить, что данная тема активно изучается, но в данной работе будет представлена попытка объединить основные результаты, полученные в ходе анализа каждой статьи, и вывести общую зависимость. В частности, на примере экономики России будет определена степень влияния государства на транзакционные издержки, проанализированы возможные способы их снижения, в частности, путем использования технологии «электронного правительства».

Понятие транзакционных издержек является ключевым в современной институциональной экономической теории. Оно было впервые введено Рональдом Коузом в 30-е годы XX века в статье «Природа фирмы».

Транзакционные издержки – это издержки, возникающие при осуществлении транзакций и состоящие из временных и ресурсных затрат на совершение сделки, а также затрат, возникающих вследствие заключения неэффективных или неполных контрактов.

Очень важно понимать различие между транзакционными и производственными издержками: транзакционные издержки возникают в про-

¹ Соловьева Елизавета Алексеевна – студент 4 курса факультета бизнеса и менеджмента школы бизнес-информатики, ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

цессе взаимодействия людей друг с другом, а производственные можно интерпретировать как «издержки отношения между людьми и предметами» [1]. Стоит заметить, что государство может компенсировать часть транзакционных издержек, отсюда следует, что роль государства как регулятора экономики достаточно велика, но при этом стоит учитывать, что при построении рыночной системы такое влияние должно снижаться.

Россия находится в состоянии перехода от плановой экономике к рыночной, поэтому очевидно, что все утверждения относительно роли государства в переходных экономиках верны: государство играет большую роль в механизме регулирования экономики. В нашей стране много отраслей, которые регулируются государством, в особенности социальная сфера: образование, здравоохранения, жилищно-коммунальная сфера, армия и другие, помимо этого, многие крупные российские компании являются госкорпорациями (Росатом, Ростехнологии) или компаниями с государственным участием (ФСК ЕЭС, Роснефть, Газпром, Аэрофлот, РЖД, Автоваз и т. д.). Очевидно, что применение рыночного механизма цен в данных отраслях принесло бы огромные потери для общества, так как транзакционные издержки были бы настолько высокими, что производство стало бы убыточным и экономика перестала бы развиваться.

Говоря о мерах, направленных на переход к рыночной экономике, особо отметим приватизацию, начавшуюся в 90-е годы. Оценивая результаты этой реформы, подчеркнем несколько отрицательных последствий. Во-первых, многие государственные предприятия перешли в частную собственность по очень низкой цене, и государственная казна недополучила огромные суммы. Во-вторых, перейдя в частные руки, предприятия репрофилировались, и возросло количество компаний, предоставляющих услуги, а уровень промышленного производства сократился. Но сокращение производства всегда влияет на развитие экономики, отчасти этим можно объяснить достаточно низкий уровень экономического развития России в сравнении с западными странами. Несмотря на создание специальных законов, регламентирующих приватизацию, передача собственности обычно происходила в «индивидуальном» порядке, т. е. чиновники на местах решали вопрос передачи собственности. Очевидно, что в процессе заключения сделки возникало оппортунистическое поведение, и уровень коррупции был достаточно высоким.

Помимо коррупции, возникшей в ходе приватизации, существует множество других причин ее возникновения: исторические факторы, слабое законодательство, несовершенство политической системы и т. д.

Перейдем к более подробному рассмотрению электронного правительства в нашей стране и оценим влияние внедрения таких систем на транзакционные издержки, уровень коррупции и развитие экономики в целом.

Рассмотрим особенности электронного правительства в России. Концепция формирования электронного правительства была принята 16 августа 2007 года, в 2002 году была утверждена целевая программа «Электронная Россия». На сегодняшний день существует несколько постановлений правительства и целевых программ, направленных на информатизацию общества. Исходя из этого, очевидно, что власти нацелены на продвижение информационных технологий, упрощение и улучшение качества обслуживания граждан. Оценивая текущее состояние электронного правительства, отметим несколько ключевых моментов:

1. Число пользователей портала государственных услуг с каждым годом увеличивается. Это можно объяснить активным распространением Интернета в России, ростом уровня компьютерной грамотности среди населения.

2. На сегодняшний день портал предоставляет достаточно большое количество услуг (запись в госучреждения, проверка и оплата налогов и штрафов и т. д.), при этом количество услуг постоянно увеличивается, но качество также необходимо постоянно контролировать и улучшать.

3. Внутри государственных учреждений происходит внедрение различных электронных систем, что позволяет снизить временные затраты, повысить прозрачность и эффективность работы госслужащих.

4. Электронное правительство активно используется гражданами и бизнесом в крупных и развитых регионах, но слабо развивается в малых населенных пунктах.

5. Большой процент населения с недоверием относится к использованию такого метода получения государственных услуг, в особенности люди старшего возраста. В этой связи необходимо активнее информировать людей о возможностях портала, разъясняя основные принципы работы и плюсы от его использования.

6. Механизм получения доступа к услугам электронного правительства является достаточно сложным, поэтому необходимо упрощать эту систему. Возможно использовать другие способы получения паролей для входа в систему, например при помощи мобильного телефона.

7. В связи с ростом числа пользователей смартфонов и планшетов необходимо создать и развивать мобильное приложение портала государственных услуг, что привлечет больше пользователей, особенно среди молодежи.

8. Считается, что электронное правительство ликвидирует коррупцию в органах власти, но не стоит забывать об электронных тендерах, которые необходимы при выборе программных решений, организаций, обслуживающих работу портала и систем. Очень часто такие тендеры выигрывают свои «подрядчики», таким образом, опять возникает коррупция, но ее масштабы значительно ниже в сравнении с взысканием, возникающим в ходе прямого взаимодействия граждан и бизнеса с чиновниками.

Подведем итоги всему вышеизложенному: Россия находится в состоянии перехода к рыночной экономике, что вызывает немало проблем, в частности растут транзакционные издержки. Самым главным регулятором таких издержек может выступать государство, но его влияние не должно быть значительным, так как это приводит к росту затрат на поддержание госаппарата и коррумпированности в органах власти. Эти проблемы можно решить путем использования электронного правительства. Но такие технологии только развиваются и требуют доработки. Кроме того, их распространение должно быть повсеместным, начиная от самых высших органов власти, заканчивая районными отделами. Также отметим необходимость снижения административных барьеров, рост прозрачности государственного управления и использования современных информационных технологий. Но самое главное, определим ключевую функцию государства: создание и обеспечение соблюдения законов, только так количество неэффективных институтов в России уменьшится, транзакционные издержки снизятся, следовательно, возрастет количество сделок, а значит, и объем производства увеличится, что в конечном итоге будет способствовать росту и развитию всей экономики России.

В ходе анализа статей было определено, что государство играет важную роль в регулировании транзакционных издержек в странах с

переходной экономикой, где издержки, возникающие в процессе совершения сделок, являются достаточно высокими, в сравнении с западными рыночными государствами [3]. При этом стоит учитывать, что для перехода развивающихся экономик к рынку необходимы глубокие институциональные преобразования. Особо подчеркнем невозможность формирования государства с полностью рыночными отношениями, так как это приведет к огромным транзакционными издержкам. В данной ситуации государство должно выступать как косвенный регулятор таких издержек, в частности, в некоторых отраслях экономики, и гарант соблюдения прав собственности [3].

Процесс становления рыночной системы в странах с переходной экономикой будет достаточно долгим, но необходимо понимать, что не стоит строить чистый рынок в нерыночных обществах. Очень часто может оказаться, что применение рыночного механизма цен приведет к еще большим издержкам, нежели затраты на поддержание аппарата государственного управления. Последний вид издержек может быть снижен благодаря использованию современных информационно-коммуникационных технологий, в частности электронного правительства.

Таким образом, внедрение технологии «электронного правительства» повысит качество работы государственных органов власти, снизит уровень неопределенности и специфичности оказываемых услуг, следовательно, сокращению транзакционных издержек, возникающих в процессе взаимодействия граждан и организаций с чиновниками, также, что немаловажно, сократит уровень бюрократической коррупции [2].

Если подвести итог всему вышесказанному, становится понятно, что только комплексное использование различных инструментов приведет к трансформации экономических институтов, что будет способствовать созданию и развитию эффективной экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Matthews, R.C.O. The Economics of Institutions and the Sources of Growth [Text] / R.C.O. Matthews // Economic Journal. – 1986. – Vol. 96 (December). – P. 903-910.
2. Prasad, A. Understanding the role of technology in reducing corruption: a transaction cost approach [Text] / A. Prasad, S. Shivarajan // Journal of Public Affairs. – 2015. – Vol.15. – № 1. – P. 19-36.
3. Todorova, T. The State as an Instrument of Transaction-Cost Economies [Text] / T. Todorova // Problems of Economic Transition. – Vol. 54. – № 7. – November 2011. – P. 31-48.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА ЗАНЯТОСТИ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ²

В последнее время в Российской Федерации на всех уровнях власти отмечается необходимость изменения модели развития отечественной экономики. Снижение цен на энергоресурсы, развитие технологий в области альтернативных источников энергии, санкции западных стран, связанные с запретом на продажу российским нефтегазовым компаниям оборудования для разведки и разработки месторождений, представляют собой большую угрозу для социально-экономического развития нашей страны. Единственной реальной альтернативой решения существующих проблем является уход от сырьевой ресурсозависимой экономики к экономике инновационного типа. Особенно актуальной задача по переходу экономики на инновационную социально ориентированную модель развития выглядит для северных субъектов Российской Федерации. Богатые природными ресурсами, эти регионы обладают разбалансированной структурой экономики, выражающейся в доминировании добывающих отраслей.

Помимо экономической специализации на добыче природных ресурсов северные регионы характеризуются и другими особенностями, замедляющих развитие инновационных процессов. Значительная удаленность регионов Севера от экономических, научных и культурных центров страны в совокупности с неразвитостью транспортной системы являются основными факторами, консервирующими их интеллектуальную отсталость и изолированность. Эти факторы тормозят информационные обмены между центрами и периферией, неся ответственность за то, что нововведения доходят сюда гораздо позже, теряя при этом свой статус инноваций [1].

Говоря об инновационной модели развития экономики, необходимо понимать, что одной из главных ее основ является эффектив-

¹ Уханова Анна Вячеславовна – магистрант Высшей школы экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. Договор № 02.G25.31.0023.

ное использование накопленного в обществе трудового потенциала. Становление экономики на инновационные «рельсы» развития предполагает появление нового инновационного типа занятости, «гибкого, динамичного, эффективного, постоянно обновляющегося по структуре, содержанию, видам и формам, предполагающего высокое качество человеческого капитала и реализацию его интеллектуально-го и творческого потенциала в сфере труда» [2]. С другой стороны, состояние сферы занятости населения также во многом определяет реальность достижения амбициозных задач по переходу экономики страны и ее регионов на инновационный путь развития. Таким образом, для оценки степени развития инновационных процессов в экономике, а также определения возможностей (потенциала) перехода экономики на инновационный путь развития отечественными учеными применяются показатели инновационного типа занятости.

Сам термин «инновационный тип занятости» не имеет однозначной трактовки. Согласно определению М.В. Барановой, инновационный тип занятости является «адекватным формирующейся инновационной экономике и характеризуется ростом количества занятых деятельностью, связанной с предоставлением услуг и производством информационных технологий; увеличением доли информатизации в трудовой деятельности, что ведет к интеллектуализации труда; новым содержанием трудовой деятельности, результатом и целью которой становятся инновации; приобретением рабочей силой новых качеств, таких как высокий образовательный и профессиональный уровень, новаторское и экономическое мышление, высокая технико-технологическая культура, способность к перемене профессии и вариантному использованию своей способности к труду, целеустремленность, психологическая устойчивость» [3].

По мнению доктора экономических наук Л.В. Санковой, важнейшими чертами занятости инновационного типа, лежащими в основе ее определения, являются: повышение образовательного и квалификационного уровня рабочей силы; рост занятых в сфере услуг и информационного производства; развитие самозанятости и возрождение смешанного статуса занятости; формирование «гуманной» занятости, заключающейся в укреплении солидаристских отношений, развитии социального партнерства; появление новых форм занятости (в частности, дистанционной занятости и др.), повышение роли социально значимых видов занятости [4].

На наш взгляд, основные черты занятости инновационного типа, определяющие ее сущность, а также показатели, обеспечивающие наиболее глубокое представление об инновационном типе занятости населения, можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Основные черты и показатели инновационного типа занятости населения

Черты	Показатели
Высокий образовательный уровень трудовых ресурсов	Удельный вес занятых в экономике, имеющих высшее профессиональное образование, в %
Высокий квалификационный уровень трудовых ресурсов	Удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников, в %
Оптимизация отраслевой структуры занятости, подразумевающая увеличение числа работников в отраслях, соответствующих потребностям инновационной экономики (сфера услуг, информационные технологии, научные исследования и т.д.)	Удельный вес занятых в таких видах экономической деятельности, как «Связь» и «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», в % Удельный вес персонала, занятого исследованиями и разработками в общей численности занятых в экономике, в %
Результативная деятельность занятых научными исследованиями и разработками, играющая важнейшую роль в появлении различного рода инноваций	Количество выданных патентов на изобретения и полезные модели в расчете на 100 человек персонала, занятого исследованиями разработками, ед.
Развитие самозанятости, позволяющей эффективно использовать инновационный потенциал индивида	Число микропредприятий в расчете на 10000 человек населения, ед.

Проведем оценку инновационного типа занятости по предложенным в таблице 1 показателям на примере северных регионов России, для которых, как уже было отмечено выше, вопросы активизации инновационных процессов в экономике имеют особую актуальность.

Поскольку предложенные автором показатели занятости инновационного типа, несмотря на их относительный характер, имеют разнородные единицы измерения, они должны быть приведены к сопоставимому виду, предполагающему возможность их агрегирования. Для этого будет использоваться метод относительных разностей, представляющий собой способ унификации, в результате которого значения каждого из преобразованных показателей находится в промежутке от 0 до 1. При этом нулевое значение соответствует наихудшему качеству рассматриваемого показателя, а единичное – наилучшему.

С целью получения объективных преобразованных данных в качестве максимальных и минимальных значений, необходимых для применения метода относительных разностей, принимались наиболь-

шее и наименьшие значения анализируемых показателей среди всех субъектов Российской Федерации (за исключением городов Москва и Санкт-Петербург).

Получение итогового показателя инновационного типа занятости населения предполагает интеграцию преобразованных статистических показателей в сводную характеристику путем нахождения среднего арифметического. Таким образом, преобразованные при помощи метода относительных разностей значения показателей занятости инновационного типа для северных регионов России представлены в таблице 2.

Таблица 2. Преобразованные значения показателей занятости инновационного типа для северных регионов Российской Федерации (на 1 января 2014 года)

Регион	Показатель	Удельный вес занятых в экономике, имеющих высшее профессиональное образование, в %	Удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников, в %	Удельный вес занятых в ВЭД «Связь», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» в общей численности занятых в экономике, в %	Удельный вес персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых в экономике, в %	Количество выданных патентов на изобретения и полезные модели в расчете на 100 человек персонала, занятого исследованиями и разработками, ед.	Число микропредприятий в расчете на 10000 человек населения, ед.	Итоговый показатель инновационного типа занятости населения
Республика Карелия		0,347	0,401	0,505	0,107	0,056	0,757	0,362
Республика Коми		0,390	0,392	0,654	0,131	0,021	0,592	0,363
Ненецкий АО		0,000	0,151	0,626	0,059	0,000	0,431	0,211
Архангельская область		0,292	0,401	0,393	0,057	0,076	0,577	0,299
Мурманская область		0,559	0,530	0,579	0,186	0,027	0,199	0,347
Ханты-Мансийский АО		0,606	0,655	0,458	0,055	0,037	0,576	0,398
Ямало-Ненецкий АО		0,903	0,879	0,477	0,000	0,409	0,467	0,523
Республика Тыва		0,805	0,875	0,196	0,125	0,004	0,116	0,354
Республика Саха		0,538	0,625	0,467	0,160	0,031	0,586	0,401
Камчатский край		0,809	0,810	0,551	0,205	0,017	0,624	0,503
Магаданская область		0,678	0,677	0,477	0,217	0,001	0,819	0,478
Сахалинская область		0,381	0,392	0,664	0,095	0,004	0,758	0,382
Чукотский АО		0,369	0,491	0,243	0,012	0,000	0,278	0,232
Россия		0,614	0,651	0,617	0,367	0,046	0,555	0,475

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет сделать вывод о недостаточном развитии инновационного типа занятости в северных субъектах Российской Федерации. Лишь три северных региона, среди которых Ямало-Ненецкий автономный округ, Камчатский край и Магаданская область, имеют значения итогового показателя инновационного типа занятости выше среднероссийского. Аутсайдерами рейтинга стали Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Архангельская область, что объясняется одними из самых низких по стране значениями доли занятых, имеющих высшее профессиональное образование, числа микропредприятий в расчете на 10000 человек населения и доли персонала, занятого исследованиями и разработками.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости стимулирования инновационных процессов в экономике северных регионов, прежде всего, за счет развития деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий, связи, научных исследований и разработок, а также за счет поддержки предпринимательской активности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилясов, А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания [Текст] / А.Н. Пилясов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.
2. Инновационная экономика. Занятость, трудовая мотивация, эффективность труда [Текст] / Л.С. Чижова и др.; под ред. Л.С. Чижовой. – М.: Экономика, 2011. – 429 с.
3. Баранова, М.В. Занятость инновационного типа: формирование и управление [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / М.В. Баранова. – Саратов, 2007.
4. Санкова, Л.В. Занятость инновационного типа: пространство поиска национальной модели [Текст] / Л.В. Санкова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2006. – № 5. – С. 51–56.

**Л.В. Воронина
П.Л. Глухих**

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

В настоящее время особое внимание органов государственной власти сосредоточено на развитии предпринимательства как стратегического направления социально-экономического развития, важный акцент делается на организации и ведении предпринимательской деятельности молодыми людьми. Неотъемлемым элементом предпринимательства, характеризующим его с качественной стороны, является предпринимательская культура, на формирование которой оказывают влияние различные факторы. Для привлечения молодежи к созданию и ведению собственного дела на территории существуют финансовые, организационные и другие инструменты государственной политики, однако не учитываются особенности такой социальной группы, как «молодежь», которые оказывают воздействие на предпринимательскую культуру молодых людей.

Изучению ценностных ориентаций молодежи посвящены работы Ю.А.Зубок, В.И.Чупрова [1], В.Т. Лисовского [2], В.В. Кашпур [3], А.А. Левиной [4], Ю.Е. Смирновой [5], А.А. Черкасовой [6], Института социологии РАН [7] и других.

Ценности молодых людей формируются под непосредственным воздействием факторов внешней среды и оказывают прямое влияние на эндогенные факторы и формирование предпринимательской культуры молодежи (рисунки).

Особенности современных молодых людей могут как способствовать, так и препятствовать формированию и развитию положительной культуры предпринимательства.

На основе проведенного анализа литературы нами определены ценности молодых людей, способствующие формированию предпринимательской культуры.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-32-01281 «Управление ценностно-ориентированными факторами развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях».



Рис. Влияние особенностей современных молодых людей на предпринимательскую культуру молодежи

1. Основные качества, присущие молодежи, – мобильность, активность и креативность. Авторы аналитического доклада «Молодежь Новой России: Образ жизни и ценностные приоритеты» отмечают, что эти основные личные характеристики социальной группы «молодежь» помогают добиться организации предпринимательской деятельности, приводят к предприимчивости и инновациям [7].

2. Стремление к получению образования, повышению квалификации. Ученые-социологи указывают на то, что отношение к образо-

ванию для молодого человека определяет его поведение в этой сфере, его становление как специалиста [1]. Исследования Матюх Е.Т., Зубок Ю.А., Чупрова В.И. подтверждают наличие тенденции стремления повышения и получения образования среди молодежи в последнее время [1; 8]. Однако Абухова И.Ю., Ж.Б. Сулейманова отмечают, что молодые люди рассматривают образование как средство перспективного конкурентоспособного положения на рынке труда и лишь затем как способ приобретения знаний [9].

3. Построение карьеры. Ценность «карьера» в данном случае трактуется как способствующая, поскольку оказывает положительное влияние на процесс формирования инновационной составляющей культуры [7, 10]. Черкасова А.А. в своих работах также отмечает, что построение карьеры наряду со стремлением к повышению образования и квалификации относится к инструментальным ценностям молодежи [7], то есть средствам, которые приведут к материальному благополучию.

4. Положительное отношение к предпринимательской деятельности. Кашпур В.В. отмечает, что на стремление молодых людей к занятию предпринимательством, на формирование культуры предпринимательства влияет их отношение к данной сфере профессиональной деятельности. В результате социологических исследований выяснено, что более 80% молодежи положительно и уважительно относятся к людям, которые занимаются предпринимательской деятельностью [3; 11].

5. Профессионально-трудовая свобода. Современная молодежь превыше всего ставит независимость [4], что касается профессиональной сферы, то для молодых людей ценностью является независимость от руководства, работа на себя. На наш взгляд, это свидетельствует о высоком уровне интернальности молодых людей, что непосредственно будет способствовать как формированию предпринимательской культуры, так и повышению предпринимательской активности молодежи.

Наряду с ценностями, которые способствуют формированию предпринимательской культуры среди молодежи, выявлены ценностные установки молодых людей, которые препятствуют или негативно сказываются на её создании и развитии.

1. Индивидуалистический настрой. С эволюцией рыночных отношений изменились ценностные нормы и правила, характеризующие поведение населения. Абухова И.Ю., Салейменова Ж.Б. указы-

вают на то, что среди современной молодежи преобладает индивидуалистический, иногда даже эгоистичный настрой, который ставится выше взаимопонимания, взаимопомощи, взаимоподдержки [9]. Как отмечают Гапонова О.С., Коршунов И.А., формирование предпринимательской культуры основателя начинается с выявления и закрепления личностного стиля поведения основателя организации и принципов организации работы [12]. Исходя из этого, считаем, что данная особенность современной молодежи будет являться препятствующим фактором при формировании предпринимательской культуры, поскольку индивидуалистический настрой не способствует формированию эффективной команды, положительной направленности ценностей культуры предпринимательства.

2. Снижение моральных норм. По результатам социологических исследований, в качестве основной трансформации ценностных ориентаций молодых людей в современный период выступает преобладание материальных ценностей над духовными, материальное благополучие является одной из значимых ценностей молодежи [13]. Моральные нормы среди молодежи значительно ниже, чем среди людей старшего поколения. В частности, регулирующие межличностные отношения людей – неприемлемость обогащения за счет других людей, хамства и грубости, деловой необязательности, публичного проявления неприязни к представителям других национальностей – на 13-23%, в отношении присвоения найденных вещей и денег, проституции, гомосексуализма, употребления наркотиков, а также в сфере социально-экономической чистоплотности – взяточничества и уклонения от уплаты налогов – на 11-13% [7]. На наш взгляд, снижение моральных норм может негативно сказываться на качестве предпринимательской культуры, социальной ответственности предпринимательства.

Таким образом, формирование и развитие предпринимательской культуры среди молодежи помимо экзогенных и эндогенных факторов влияния должно в обязательном порядке учитывать особенности, ценностные установки и мотивы данной социальной группы. Это поможет обеспечить комплексность в исследовании формирования культуры предпринимательства молодых людей и обеспечит научную обоснованность вырабатываемых мер по ее развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубок, Ю.А. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 103-111.
2. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст]: учебное пособие / В.Т. Лисовский. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 519 с.
3. Кашпур, В.В. Предпринимательство как жизненная перспектива современной молодежи (на примере Томской области) [Текст] / В.В. Кашпур // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 1 (5). – С. 53–68.
4. Левина, А.А. Семья в системе ценностей современной молодежи: социологический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/28016>
5. Смирнова, Ю.Е. Ценностные ориентации как фактор профессионального самоопределения личности старшего школьника [Текст] / Ю.Е. Смирнова // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 125. – С. 88–93.
6. Черкасова, А.А. Жизненные ценности студенческой молодежи в России и США: социологический анализ [Текст]: автореф. ... к.соц.н. / А.А. Черкасова. – Екатеринбург, 2012. – 26 с.
7. Молодежь Новой России: Образ жизни и ценностные приоритеты [Электронный ресурс]: аналитический доклад. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_
8. Molodezh.pdf
9. Матюх, Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/104-6783
10. Абухова, И.Ю. К вопросу о проблемах воспитания ценностных ориентаций [Электронный ресурс] / И.Ю. Абухова, Ж.Б. Сулейменова. – Режим доступа: <http://elib.altstu.ru/elib/disser/conferenc/2010/02/pdf/008abuhova.pdf>
11. Стеклова, О.Е. Формирование инновационной составляющей организационной культуры предпринимательской организации [Текст] / О.Е. Стеклова. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 158 с.
12. Молодежь и малый бизнес: отношение к предпринимательству и создание условий для реализации предпринимательского потенциала (на примере крупных городов России) [Текст]: проект. – М., 2009. – 121 с.

13. Гапонова, О.С. Развитие культуры предпринимательства в стартапе [Электронный ресурс] / О.С. Гапонова, И.А. Коршунов. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data>
14. Проведение мониторинга «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minsport.gov.ru>

**ПАРТНЕРСТВО ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ И БИЗНЕС-СТРУКТУР
КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ:
НОВЫЕ РЕАЛИИ**

Привлечение частных инвестиций в экономику муниципального образования всегда являлось неотъемлемым аспектом его социально-экономического развития, для решения задач которого и «повышения качества жизни населения необходимо наличие ресурсов» [7].

При этом до недавнего времени на федеральном уровне не было сформировано единое правовое поле, в контексте которого органы местного самоуправления могли бы осуществлять взаимодействие с бизнес-структурами, выступая в качестве партнеров. В июле 2015 года в Российской Федерации был принят федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», основные положения которого вступают в силу с 1 января 2016 года [1].

Следует отметить, что исследованию партнерства органов власти и бизнес-структур как инструмента развития территорий посвящены работы многих отечественных ученых, сферой научных интересов которых является региональная экономика.

В частности, среди них можно выделить труды Барбышевой Т.М. [2], Буркова А. [3], Гладун Т.Н. [4], Елесиной М.В. [5], Жалсановой Б.М. [19], Кожевникова С.А. [16], Поливаева О.Г. [6], Разгулина Е.Д. [7], Усковой Т.В. [8], Харитоновой В.С. [9], Шевченко Е.А. [10, 11].

Формирование партнерских отношений между органами местного самоуправления и бизнес-структурами, согласно мнению Барбышевой Т.М., позволит «повысить объем и качество местных общественных благ, а также перенаправить часть бюджетных средств из теку-

¹ Цуркан Марина Валериевна – к.э.н., старший преподаватель кафедры государственного управления, Никуленко Олеся Андреевна – ассистент кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь.

щего потребления на решение вопросов социально-экономического развития, которые ранее не могли быть решены самостоятельно» [2]. Данную научную идею поддерживает в своих работах Бурков А., отмечающий, что «развитие муниципально-частного партнерства обеспечивает стабильное финансирование объектов жилищно-коммунального комплекса и инфраструктуры. Бизнес получает новые объекты для инвестиций, имеющие стабильный спрос со стороны местного населения. Органы местного самоуправления высвобождают часть бюджетных средств, ранее уходивших на финансирование этих объектов» [3]. Гладун Т.Н., Жалсанова Б.М., Шевченко Е.А. в своих работах рассматривает партнёрство органов местного самоуправления и бизнес-структур в качестве основного, главного инструмента эффективного социально-экономического развития территорий [4, 10, 11].

В то же время следует отметить, что существующая историография не отражает теорию и методологию реализации исследуемого партнерства в соответствии с актуальной правовой концепцией, что является одним из обоснований актуальности данной статьи.

В трудах отечественных ученых, исследующих различные аспекты муниципально-частного партнерства, определение данного термина встречается крайне редко.

Шевченко Е.А. в своих работах дает следующую трактовку рассматриваемого партнерства – «это взаимовыгодное сотрудничество органов местного самоуправления с российскими или иностранными юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, объединениями юридических лиц, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений, в том числе концессионных» [10].

Елесина М.В. в научных трудах дает более широкую трактовку категории «партнерство органов местного самоуправления и бизнес-структур», конкретизируя некоторые его аспекты и отмечая, что под данным партнерством «следует понимать как форму контрактного соглашения между органами власти и субъектами предпринимательства, предусматривающего активное использование технических, финансовых и управленческих ресурсов частного сектора для достижения задач, поставленных муниципалитетами» [5].

Харитонов В.С. определяет исследуемое партнерство как инструмент «финансового обеспечения инвестиционной политики муниципального образования» [11].

Подобные определения имеют право на существование, однако требуют уточнения в соответствии с упомянутым ранее законом, согласно которому муниципально-частное партнерство – это «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенного в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [1].

Для систематизации представлений о каком-либо процессе или явлении в научной практике, как правило, используется классификация, разработка которой имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Решение задачи разработки классификации проектов муниципально-частного партнерства обусловлено несколькими аспектами, основной из них заключается в следующем: отсутствие классификации проектов муниципально-частного партнерства замедляет темпы развития партнерских отношений органов местного самоуправления и бизнес-структур, приводящих к социально-экономическому развитию муниципальных образований.

Напомним, что основной федеральный закон, регламентирующий реализацию партнерства органов местного самоуправления и бизнес-структур, вступает в силу с 1 января 2016 года. В отсутствие классификации не только обязательным участникам, но и уполномоченным органам, функция которых будет заключаться в рассмотрении предложений о возможности реализации исследуемого партнерства, будет сложно ориентироваться в разнообразии проектов, что приведет к более долгому рассмотрению соответствующих предложений. Кроме того, классификация совместных проектов органов местного самоуправления и бизнес-структур способствует научному познанию принципов и этапов взаимодействия всех участников соглашения о сотрудничестве в рамках партнерства, что в первую очередь имеет практическую значимость для местной власти. В качестве элементов систематизации представлений о возможном партнерстве органов местного самоуправления и бизнес-структур в рамках проектного подхода были выбраны следующие основания: инициатор

проекта; сфера реализации проекта; форма дохода публичного партнера; причина прекращения соглашения; метод и срок определения частного партнера.

Социально-экономическое развитие муниципального образования в рамках партнерства органов местного самоуправления и бизнес-структур достигается в результате появления соответствующих положительных эффектов для населения и бюджета его территории. При этом для максимизации эффективности партнерства оно должно быть реализовано в приоритетных направлениях стратегического развития муниципальных образований и основано на предварительных расчетах.

Предлагаемый механизм социально-экономического развития муниципальных образований в рамках партнерства органов местного самоуправления и бизнес-структур представлен на рисунке.

Следует отметить, что на современном этапе система стратегического планирования в большинстве муниципальных образований находится в стадии становления, но именно документы данной системы должны отражать направления, приоритетные для развития

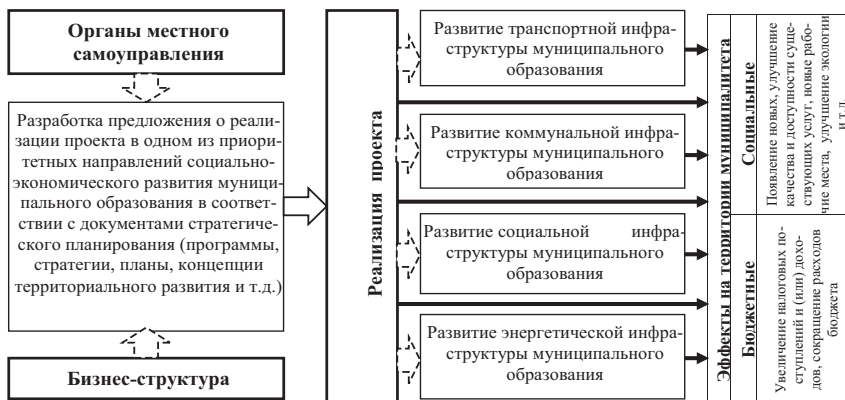


Рис. Предлагаемый механизм социально-экономического развития муниципальных образований в рамках муниципально-частного партнерства

в рамках соответствующей территории, проблемы которых отчасти или полностью могут быть решены с помощью инструмента муниципально-частного партнёрства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: Федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4350.
2. Барбышева, Т.М. Муниципально-частное партнерство: взаимодействие органов местного самоуправления, частного бизнеса и населения [Текст] / Т.М. Барбышева // Проблемы инновационно-инвестиционного развития Дальнего Востока России. Материалы международной научно-практической конференции, 2013. – С. 9–12.
3. Бурков, А. Муниципально-частное партнерство как инструмент развития муниципалитетов [Текст] / А. Бурков // Самоуправление. – 2012. – № 5. – С. 6–7.
4. Гладун, Т.Н. Муниципально-частное партнерство как инструмент социально-экономического развития муниципальных образований [Текст] / Т.Н. Гладун // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2014. – № 1 (2). – С. 30–33.
5. Елесина, М.В. Муниципально-частное партнерство как инструмент развития муниципалитетов [Текст] / М.В. Елесина // Вестник современной науки. – 2015. – № 1 (1). – С. 61–64.
6. Поливаева, О.Г. Муниципально-частное партнерство как инструмент стратегического развития муниципального образования [Текст] / О.Г. Поливаева, Т.М. Барбышева // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 4. – С. 21–26.
7. Разгулина, Е.Д. Партнерство органов власти и бизнес-структур как необходимое условие привлечения частных инвестиций [Текст] / Е.Д. Разгулина // Проблемы развития территории. – 2014. – № 5 (73). – С. 78–90.
8. Ускова, Т.В. Управление экономикой региона на основе партнерского взаимодействия органов власти и бизнес-структур [Текст] / Т.В. Ускова, С.А. Кожевников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 34–46.
9. Харитонов, В.С. Муниципально-частное партнерство в финансировании инвестиционных проектов [Текст] / В.С. Харитонов // Вестник современной науки. – 2015. – № 1 (1). – С. 61–64.
10. Шевченко, Е.А. Муниципально-частное партнерство как механизм обеспечения экономического развития муниципальных образований [Текст] / Е.А. Шевченко // Вестник АПК Ставрополя. – 2012. – № 4 (8). – С. 96–99.
11. Шевченко, О.С. Муниципально-частное партнерство как фактор развития муниципального образования [Текст] / О.С. Шевченко, Б.М. Жалсанова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 122–126.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

РАЗДЕЛ I

КОНКУРСНЫЕ РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ

А.В. Короленко

Анализ ожидаемой продолжительности жизни как интегрального индикатора состояния здоровья населения.....	6
---	---

А.В. Галухин

Совершенствование управления финансовой устойчивостью доходной базы территориальных бюджетов	31
--	----

В.Н. Барсуков

Проблемы качества жизни и социальное самочувствие населения пожилого возраста	51
---	----

А.М. Панов

Стратегическое планирование трудовых ресурсов региона	76
---	----

РАЗДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ – ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА»

Секция «Социально-экономическое развитие и управление территориальными системами и комплексами»

А.Н. Анищенко

К вопросу об импортозамещении в продовольственной сфере региона	100
---	-----

М.А. Печенская

К вопросу о переходе на однолетнее планирование с трехлетнего бюджетного цикла	107
--	-----

Н.П. Кашинцев

Перспективы внедрения системы «скользящего стресс-прогнозирования» в практику стратегического управления	112
--	-----

<i>Е.В. Лукин</i>	
Оценка параметров технологического развития экономики	117
<i>А.П. Кузнецов</i>	
Совершенствование организационно-экономического механизма управления эколого-экономической устойчивостью регионов	126
<i>И.А. Вохмянин</i>	
К вопросу о социально-экономическом развитии общества	131
<i>Т.Н. Лихачёва</i>	
Модернизация основных фондов на ОАО «Вологодский завод строительных конструкций и дорожных машин»	135
<i>К.А. Решетникова</i>	
Государственное регулирование естественных монополий на примере ПАО «МРСК Северо-Запада»	140
<i>Д.Е. Коварин</i>	
Экономическая безопасность производственного сектора уголовно-исполнительной системы в региональной экономике.....	145
<i>Н.Ю. Атаева</i>	
Анализ особенностей и перспектив развития инвестиционных процессов муниципальных образований	150
<i>Секция «Социальное развитие территорий»</i>	
<i>К.Н. Калашников</i>	
Проблемы реструктуризации здравоохранения в России	159
<i>А.В. Попов</i>	
Информационно-аналитическая система мониторинга трудового потенциала территорий как инструмент регулирования трудового поведения населения.....	162
<i>А.И. Россошанский</i>	
Оценка динамики реальных денежных доходов для различных социально-экономических групп населения.....	168

<i>Л.Н. Фахрадова</i>	
Доступность приоритетных сфер жизнедеятельности в оценках инвалидов	175
<i>Е.Д. Копытова</i>	
Проблемы и направления развития социальной ответственности бизнеса	180
<i>В.Н. Вячеславов</i>	
Особенности расселения и межрегиональных перемещений населения (на примере регионов СЗФО)	186
<i>Е.Г. Леонидова</i>	
Анализ развития сферы туризма в Вологодской области	195
<i>М.А. Коротин</i>	
Уголовно-исполнительная система как элемент региональной социально-экономической структуры	199
<i>Д.А. Ластовкина</i>	
Проблемы жизнеобеспечения населения (по материалам исследования ИСЭРТ РАН)	204
 <i>Секция «Развитие инновационного потенциала территорий и построение экономики знаний»</i>	
<i>И.В. Кузьмин</i>	
Инновационная кооперация субъектов РФ на международном уровне.....	210
<i>А.Е. Кремин</i>	
Система управления развитием малого предпринимательства в регионе	215
<i>Н.О. Якушев</i>	
Несырьевой экспорт и его роль в экономическом развитии регионов.....	220
<i>Д.А. Алферьев</i>	
К вопросу о применении линейного программирования для оптимизации инновационного процесса	225

<i>К.А. Микляева</i> Оценка микрофинансовой поддержки субъектов малого и среднего бизнеса в Вологодской области на примере НО ВО «Фонд поддержки МСП»	228
<i>Д.А. Денисов</i> Необходимость поддержки учреждений УИС на основе регионального программирования	234
<i>Е.А. Соловьева</i> Роль государства в регулировании транзакционных издержек и организационно- технологические способы их снижения	239
<i>А.В. Уханова</i> Развитие инновационного типа занятости в северных регионах России	245
<i>Л.В. Воронина, П.Л. Глухих</i> Особенности современной молодежи, влияющие на формирование и развитие предпринимательской культуры	250
<i>М.В. Цуркан, О.А. Никуленко</i> Партнерство органов местного самоуправления и бизнес-структур как инструмент социально-экономического развития муниципальных образований: новые реалии	256

Научное издание

Молодые ученые – экономике

Сборник работ молодежной научной школы

Выпуск 16

Оригинал-макет	И.В. Артамонов
Редактор	Т.В. Алешина
Корректор	М.В. Чумаченко
Ответственный за выпуск	С.Ю. Егорихина

Подписано в печать 10.10.2016.

Формат 60×84/₁₆. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 286

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vssc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-344-6



9 785932 993446